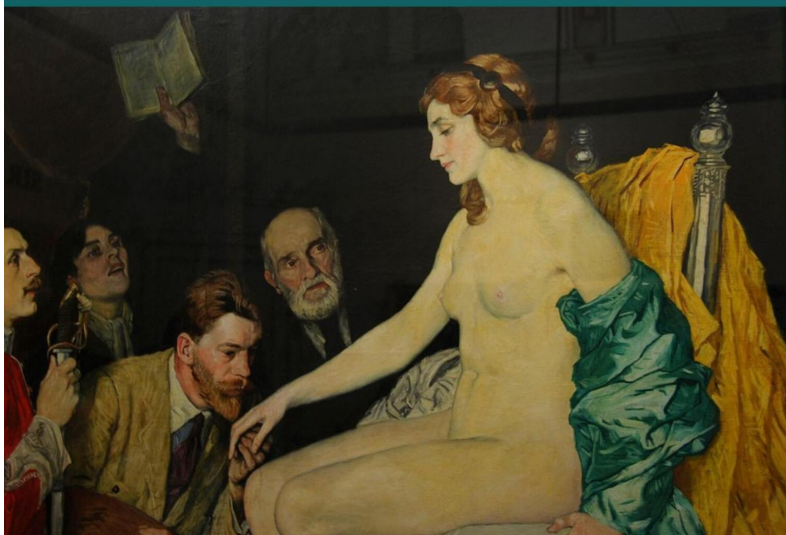

АНОНИМ

ДЕВСТВЕННАЯ ЛЮБОВНИЦА

Между "Жюстиной" и "Лолитой"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНОНИМ

Девственная любовница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68918346

SelfPub; 2023

Аннотация

Опубликованный в Париже в 1901 году роман «Девственная любовница» (в оригинале *Suburban Souls: The Erotic Psychology of a Man and a Maid* – «Провинциальные души: эротическая психология мужчины и девственницы») анонимного автора не стал таким же знаменитым, как «Жюстина» маркиза де Сада или «Лолита» Набокова. Хотя он едва ли мог бы появиться на свет без первого, а второй – без него. Первоначально роман был издан в трёх томах и в ста пятидесяти экземплярах и предназначался для частной рассылки. Впоследствии его трижды переиздавали в США – в 1968, 1979 и 1994, и в Британии – в 1995. Первым издателем «Девственной любовницы», считающейся сегодня классикой эротики XX века, был англичанин, перебравшийся в 1885 году во Францию и специализировавшийся на изданиях такого жанра. Звали его Чарльз Кэррингтон. Некоторые современные исследователи полагают, что именно он и был его автором, скрывшимся под псевдонимом главного героя – Джеки С.

Содержание

Предисловие переводчика	4
ТОМ ПЕРВЫЙ	10
1	11
2	58
3	94
4	136
5	165
6	203
7	227
Конец ознакомительного фрагмента.	248

АНОНИМ

Девственная любовница

Предисловие переводчика

«Все новое – это хорошо забытое старое»

(Прописная истина)

В 1955 году роман американского преподавателя Владимира Набокова «*Lolita*» произвел ожидаемый фурор в умах западной интеллигенции.

Двенадцать лет спустя из-под пера «русского» писателя Владимира Владимировича Набокова (говорят) вышел одноименный роман, до сих пор будоражащий души просвещенных читателей. В предисловии к русскоязычному изданию сам автор обратил внимание публики на то, что вышедшее в свет произведение, в сущности, есть не перевод «*Lolita*», но оригинальный, не переписанный, а написанный заново роман.

Книгу, которую вы держите в руках, отделяет от оригинала весь XX век. Трехтомник впервые появился в Англии в 1901 году и сразу же стал раритетным изданием. На долгие годы о нем, по всей видимости, просто забыли. Быть может,

в силу именно этого обстоятельства детище Владимира Владимировича и показалось современникам столь смелым, если не сказать революционным.

Между тем у обоих произведений достаточно много общего, как по форме, так и по содержанию. Оба написаны хорошим английским языком от первого лица. Рассказчик в обоих случаях – человек средних лет, достаточно обеспеченный, конечно же, интеллеktуал, обреченный даже в семье, если таковая имеется, чувствовать себя одиноко, склонный к самокопанию и отчаянно влюбленный в девочку-подростка. Даже имена героинь удивительно созвучны: Лолита, Лириан...

Хочу сразу же оговориться, что никакой речи о плагиате быть здесь не может. Набоков, если и читал роман «*Suburban Souls*», («*Провинциальные души*»), никоим образом не почерпнул из него атмосферы викторианской Англии (действие происходит в 1898-99 гг.). Его герой открыто мучается «заразной любовью», отдавая ей всю душу, тогда как путешествующий между Лондоном и Парижем Джеки С достаточно быстро устает от сердечных терзаний и превращает любовь в хорошую тему для написания интересного романа и психологического исследования нравов провинциального французского семейства одновременно. Второй и третий тома своих откровенных дневников он пишет бестрепетной рукой стороннего наблюдателя, лишь иногда вмешивающегося в канву событий, да и то лишь затем, чтобы потешить свое

самолюбие кукольника, управляющего выводком глупых марионеток.

Рассказчик Набокова, чтобы быть ближе к Лолите, становится её отчимом. Джеки С. на подобные жертвы идти не приходится: он достаточно накоротке знаком с отчимом (*Sic!*) Лилиан, уважаемым господином Арвелем.

Набоков разыгрывает перед читателем драму человека, влюбленного в ребенка, которого общественные принципы не позволяют ему назвать «женой». Создатель образа Джеки докапывается в схожей ситуации до ещё более глубинного конфликта: его герой любит девятнадцатилетнюю (!) падчерицу своего друга (что должно шокировать английского обывателя) и вместе с тем внимательно наблюдает за их вероятной кровосмесительной связью (возмущению публики нет границ!). «Вероятной», поскольку в романе делаются лишь намеки на небезосновательность подозрений Джеки.

Что касается «намеков» как таковых, то «Лолита» грешит ими в гораздо большей степени. Стесненный пуританской средой туманного Альбиона автор «Девственной любовницы» в своем стремлении вырваться за рамки дозволенного иногда позволяет себе опускаться (или подниматься?) до рассказа о достаточно откровенных сексуальных затеях героя, что несколько не портит живого языка и красочной описательности всего произведения.

В первом русском издании, запоздавшем на добрые столетия, роман приобрел, как вы заметили, новое название. Про-

жив с ним без малого два с половиной года, я пришел к выводу, что само звучание его не могло не измениться, превратившись из картинок жизни французской провинции конца прошлого века в живописное анатомическое исследование нравственных пороков, свойственных всем временам. Здесь и лицемерие, лживость Лилиан, и тупость закрывающей на все глаза матери, и похотливость отца семейства, и, разумеется, напускное равнодушие развращенного во многих отношениях автора, открыто публикующего не только свои собственные переживания, но и пришедшие в его адрес многочисленные письма. Можно ли любить, оставаясь девственным, пусть даже в душе? Что есть любовь и есть ли она вообще, или это всего лишь поединок чувств, разбивающий слабые и ожесточающий сильные сердца? Стоит ли быть искренним с друзьями и милосердным к врагам, если между ними в принципе есть разница?

Вчитываясь в страницы романа и теща себя надеждой оживить их на родном нам языке, я пытался если не найти ответы на эти и многие другие вопросы, то по крайней мере донести до читающей публики аромат не такого уж далекого, если задуматься, времени. В итоге, как мне кажется, я только стряхнул успевшую скопиться за сто лет пыль, из-под которой проступил новенький, ещё пахнущий типографской краской корешок книги, предназначенной всем тем, кому дороги хороший слог, простота изложения, обостренность ощущений и смелость чувств...

В состав настоящего издания вошли двадцать приложений и полный текст ещё одного знаменитого произведения эпохи королевы Виктории – романа «Желтая комната», на который неоднократно ссылаются в своих беседах герои «Девственной любовницы».

ПОСВЯЩАЮ

**ЭТОТ РАССКАЗ О НИЗМЕННОЙ
ЧУВСТВЕННОСТИ**

МОЕЙ

ГЕРОИНЕ

**одной из самых безнравственных
женщин на свете**

В знак моего к ней почтения,

ТОМ ПЕРВЫЙ

1

Её отец меня любил и в гости звал не раз.
(Шекспир)

Харт.: *Что ж ты не взял её?*

.....

Конст.: *Ты прав – талант мой склонен к предприятиям понежнее.*

(Сэр Джон Ванбруг)

Приступая к изложению этой незатейливой истории о любви и страсти, я испытываю немалый трепет при мысли о том, что мне не удастся донести до сознания читателя тех чувств, тех чаяний, тех сомнений и страхов, в которых столь долгое время изнывала моя душа и которые смешивали добро и зло в сердце и рассудке автора – зауряднейшего из мужчин.

Я всегда причислял себя к заядлым читателям любовной литературы и всевозможных книг и романов, относящихся к вопросам пола, сколь бы откровенно непотребными или коварно завуалированными они ни были; мне было безразлично, вышли ли они из-под пера крупного ме-

дика, писателя или даже из тайных типографий, спрятанных где-нибудь в Бельгии или Голландии. Я частенько обращал внимание на то, что рассказы подобного рода весьма далеки от реальной жизни. Я имею здесь в виду не всякие непристойные книжонки, где невероятность происходящего присутствует исключительно с целью упростить распродажу тиража, а те немногочисленные, что впечатляют нас идеей правдивости, случайностями, которые, будучи изрядно приукрашенными, все же, вероятно, могут иметь место. Таковы некоторые французские романы.

Однако большинство из них написаны мужчинами, недооценивающими женщин; когда же отображать любовные коллизии берутся писательницы, они редко показывают нам женщину такой, какова она есть на самом деле, их пристрастным пером непроизвольно руководит сочувствие к своему полу. Таким образом, получается, что по-настоящему правдивые рассказы о чувственном крайне редки; я же беру на себя смелость предложить вам мой собственный, в котором я тщательно старался усмирять бег воображения и говорить лишь о том, что произошло в действительности.

Пусть это причиняет мне боль и бередит ноющие, до сих пор не зарубцевавшиеся до конца раны – я сам взвалил на себя эту ношу и пронесу её как искупление.

Я – герой. Записывая это слово, я не могу удержаться от улыбки. Полагаю, читатель решит, будто я намереваюсь восхвалять себя и в конечном счете с оговорками сведу всё в

свою пользу. Не поддавайтесь. Я персонаж отнюдь не положительный.

Кое-кто может назвать меня подлецом. Не нужно считать меня профессиональным романистом. Нет, я самый обыкновенный Джеки С, работник Парижской Фондовой Биржи, записывающий здесь просто факты, и если бы мне случилось постичь несправедность избранного мною пути и в финале повествования удалиться в святую обитель, подобная развязка отдавала бы слабоумием и противоречила человеческой натуре. Так что пожалейте меня и не губите под грузом вашего праведного самоудовлетворенья. Создай я себя сам и обладай я в бытность мою ребенком тем знанием, каким я владею сейчас, я стал бы героем положительным, лишенным сладострастных вожделений и патологических желаний, и никогда бы не взялся за написание этой порочной книги. Я знаю, что многие мужчины получают гораздо больше удовольствия от воскресных посещений церкви, нежели я за год наслаждений вином, женщинами и азартными играми. Мне неизвестно, как им это удастся. Мне бы хотелось походить на них, однако я не в силах изменить свою натуру и, видно, отойду в мир иной таким, каким появился на свет.

Пусть все молодые люди, которые прочтут мой рассказ и которые будут высказывать по отношению ко мне, недостойному автору, погрязшему в болоте чувственности, свое жалкое презрение, удосужатся завести хоть мало-мальски серьезный дневник и попытаются на протяжении нескольких

месяцев поверять ему свои тайные желания. Истинно говорю, попомните меня. По истечении пусть даже одного квартала вернитесь к началу записей и проверьте, совпадают или не совпадают наши с вами поступки.

Почему мы такие, какие мы есть? Наследственность, образование, среда – Бог знает, что там ещё. Вывод: некоторые люди скверны, немногие – добропорядочны, тогда как большинство из нас – ни то ни сё.

Я нахожусь во главе класса грешников, и извиняет меня лишь то, что я все же каким-то образом умудрился сделаться крайне развращенным на основе моего собственного представления о благородстве и рыцарстве. По мере чтения вы поймете мой стиль преступника.

Все, что я говорил до сих пор, было прологом. Теперь же позвольте мне представить вам участников этой драмы похоти в миниатюре.

Эрик Арвель работал корреспондентом для различных финансовых изданий. По долгу службы он чуть ли не каждый день бывал на Фондовой Бирже, следил за состоянием дел на рынке и рассылал длинные столбцы с обзором роста и падения фондов и акций в газеты Англии, Германии и России. Он владел множеством языков, и я всё никак не мог определить, какой же он все-таки национальности. Родители у него, кажется, были англо-континентальные, а вырос он в Великобритании. Однако его работа и особенности рождения весьма мало связаны с настоящими мемуарами, хотя я часто ду-

мал о том, что по происхождению он еврей с явным преобладанием германской наследственности. Помимо своих финансовых измышлений, он для многих газет пописывал статьи с парижскими слухами и вообще имел не один источник приработка. Думаю, его частенько нанимали торговые дома Лондона с тем, чтобы он ездил по стране и собирал задолженности или оказывал помощь стряпчим Великобритании в поисках необходимых свидетельств. Некогда он много колесил по всей Европе, а одна из возложенных на него миссий забросила его в Китай и Японию, откуда он вернулся с целой уймой всяких прелюбопытных вещей вроде причудливых идолов, изящного фарфора и изумительно вышитых шелковых халатов, которыми немало порадовал домашних, особенно, женщин. Его творчество и поступки никогда меня не беспокоили. В каких количествах и каким образом он сколачивал свой капитал меня не касалось. Я знал его много лет, даже не помню, сколько именно. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне 47, и я почти уверен, что познакомился мы лет двадцать тому назад. На Французской Фондовой Бирже я занимал хороший пост, и деньги текли через мои карманы, как вода. Трудясь на ниве своих побочных занятий, он не раз сталкивался со мной или с другими членами моей семьи, которые занимались тем же бизнесом, что и я, и был знаком со всеми моими домашними. В денежных операциях он отличался замечательной честностью, чем заслуживал немалой похвалы, поскольку обычно журналисты оказы-

ваются плательщиками весьма изворотливыми. Друг к другу мы относились с очевидной симпатией, поскольку у нас были некоторые общие привязанности, так что мы сошлись, хотя, полагаю, он был старше меня лет на двенадцать. Я не имею ни малейшего представления о его истинном возрасте, скажем, ему было около шестидесяти. Он обожал скандальные истории, с наслаждением судачил об окружающих и любил выяснять, сколько у них есть в наличии денег и достаточно ли хороши условия их существования. Я удовлетворял его любопытство и обменивался с ним байками о представителях всех сортов и мастей. Я как только мог снабжал его информацией для будущих статей, а он в свою очередь поелику возможно делал мне изобретательно завуалированную рекламу. Мы одинаково любили чтение, и я одалживал ему свои книги. Одна или две из них были весьма пикантного характера. Я потчевал его обзорами и периодическими журналами, два, а то и три раза в месяц посылая ему пухлые конверты. Привязанности явно уводили его в сторону разврата. Мне всегда нравились женщины, и наши беседы часто можно было назвать откровенно похотливыми. Был он заядлым курильщиком и почти не вынимал изо рта доброй английской трубки, вырезанной по традиции из корня эрики. Я тоже являюсь почитателем табака, так что мы любили обмениваться различными сортами и вели долгие беседы о скандалах на Бирже, об амурах, которые крутили финансисты нашего круга, и о последних отголосках из лондонских

клубов, поскольку сам я урожденный англичанин, хотя вся моя жизнь протекает в Париже. Я никогда не относил себя к разряду сплетников, будучи слишком безразличным к светской болтовне, однако я заимел обыкновение собирать всевозможные истории, чтобы потешить ими моего друга. Не думаю, чтобы он был чересчур либерально настроенным человеком или чурался безобидных выдумок, особенно когда хвастался тем, как преуспел в том или ином предприятии, но я тем не менее всячески старался не перечить ему. Он обладал обыкновенным тщеславием, свойственным представителю среднего класса, и смело высказывал свое мнение о текущих событиях, хотя я неоднократно замечал, что он никогда не брался за предварительное изучение предмета, о котором славословил. Он очень любил деньги, обращаясь к ним в то же время с осторожностью и бережливостью. Меня в нем всегда раздражала одна черта его натуры: он радовался, когда слышал о том, что кто-то разорился, даже если жертвой обстоятельств оказывался человек, совершенно ему незнакомый и никогда не встававший на его пути. Таким образом, я склонен полагать, что в нем уживались маленькая завистливость и колоссальная ревнивость. Что до внешности, то он был высок, тучен и несколько слаб в коленях. Впечатления болезненности он при этом вовсе не производил, а в юности был наверняка хорош собой. Вида он был холеного, носил пышные усы и брил бороду; имел лысину, правильной формы римский нос и открытые ноздри.

По причине близорукости он носил пенсне. Глаза у него были голубые. Ногти он немилосердно грыз. Лет десять назад он заболел каким-то мистическим недугом и исхудал до такого подобия скелета, что все решили, будто он уже не жилец на этом свете. Сам он неопределенно говорил о некоей почечной болезни. Потом он странным, на мой взгляд, образом оправился и прибавил в весе.

Все эти годы я виделся с ним так, как один светский человек встречает другого, и думать не думал о его личной жизни.

Он частенько звал меня к себе в гости в загородный дом в местечке Сони-сюр-Марн, которое, как всем известно, расположено в двадцати минутах езды на поезде от Восточного вокзала Парижа, однако я вечно отказывался под каким-нибудь благовидным предлогом, поскольку всегда очень стеснялся новых знакомств и уж если чего терпеть не мог, так это врываться в чужие дома. Однако в 1895 году, заразившись манией иметь и выращивать собак, я обзавелся отличным пометом фокстерьеров, а потому поинтересовался у г-на Арвеля, не откажется ли он принять шестимесячную сучку, обещающую стать шикарным зверем. Он был явно рад такому предложению, заявив, что давно хотел собаку, которая бы охраняла его поместье, и пригласил меня заглянуть к нему на ланч вместе со щенком, которого я окрестил Лили. К своему удивлению я обнаружил, что дом моего друга носит название "Вилла Лилиан", вырезанное в камне возле во-

рот. Имени Лилиан, или Лили, суждено сыграть важнейшую роль в моей жизни, поскольку мою возлюбленную – ибо у меня, как и у любого парижанина, есть возлюбленная – тоже звали Лили. Эта последняя занимает в моем повествовании место весьма незначительное, так что пока я и вовсе не стану о ней упоминать.

Однако перед вами история моей любви, и я хочу представить её вам незамедлительно, тем более что я умираю от желания описать её внешность. Перо мое двигалось медленно, пока я пытался воскресить в памяти грузную, мрачную и безрадостную фигуру моего хозяина, теперь же я не могу за ним угнаться; пульс мой учащается, сердце колотится, в то время как я прилагаю невероятные усилия к тому, чтобы дать хотя бы некоторое представление о чертах лица и манерах девочки, которой было суждено подарить мне малую толику наслаждений и причинить бездну страданий.

Звали её тоже Лилиан. Она была резко выраженной брюнеткой; с первого взгляда вы едва ли назвали бы её хорошенькой. Однако она буквально олицетворяла собой экспрессию, и когда радовалась, то личико её, раскрасневшееся в пылу беседы, было очаровательно. Внешность её следовало бы сравнить с незавершенным эскизом: черты были правильными, если рассматривать их по отдельности, однако им не хватало законченности и сглаженности. У неё были прекрасные глаза, выразительно-карие, огромные и влажные, как у умной собаки, с длинными ресницами и сим-

метрично расположенными густыми черными бровями. Во всем этом безошибочно угадывался признак ревности, поскольку брови образовывали над резко очерченным и, пожалуй что, несколько длинноватым носиком сплошную дугу. Остренький подбородок свидетельствовал о решительности, однако эта исключительная в своем роде девочка обладала замечательным ртом, который не мог не привлекать к себе внимание наблюдателя мужского пола и который находился в удивительной гармонии с остальными чертами лица.

Он был удлинённый и большой, а полные губки, казалось, не ведают покоя. Все её чувства, все тайные порывы её души обнаруживали себя в постоянном волнении этих двух розовых подушечек.

Иногда уголки рта приподнимались, показывая бусинки хорошеньких белых зубок, остреньких, как у волчонка, а их жемчужная эмаль контрастировала с блестящим кармином губ, которые она всегда покусывала или облизывала кончиком язычка. Её чувственный рот казался жестоко-алой ранкой, перечеркнувшей темно-оливковый оттенок лица. Иногда эти странные губки поджимались в неуловимо быстром приливе недовольства; или приоткрывались, словно втягивали упоительные глотки воздуха, а то и вовсе замирали, моля сладострастного любовника о белом жаре обжигающего поцелуя. Сердясь, она становилась положительно безобразной: вокруг глаз образовывались черные круги, придававшие ей вид мрачности; кожа приобретала тусклый синеватый

оттенков, а таинственные губки делались решительно фиолетовыми.

Она обладала изумительной копной превосходных, иссиня-черных волос, и будь у неё за ушком алая роза, а на хорошенькой головке мантилья – вот вам живой образ мастерицы сигар из Севильи, чему, собственно не стоит удивляться, поскольку в венах её текла испанская кровь. Роста она была среднего; худенькая, безгрудая, но при этом линии её фигурки отличались совершенством, без малейшего намека на угловатость. Талия у неё оставалась естественно узкой, тогда как бедра и вся нижняя часть были хорошо развиты. Она отличалась быстротой и ловкостью манер, притом имела приятный голос и обладала даром непринужденного поведения в обществе, отчего люди, оказавшиеся в её компании, испытывали истинное наслаждение. По-английски она говорила с легким акцентом, что придавало ей дополнительное очарование; образование она получила отличное и как на английском, так и на французском писала с очень незначительным количеством ошибок. Она была обучена ведению домашнего хозяйства, умела шить и кроить платья, немного готовила, но слава Богу, ничего не смыслила в музыке, так что хотя предметом гордости на "Вилле Лириан" являлся рояль, когда я впервые познакомился с девочкой, она могла разве что тереть его да и то одним пальчиком. У её *nana* имелись некоторые теории насчет обязательности для юной леди самой зарабатывать себе на жизнь, и потому он на несколько лет по-

местил дочь к Мирьё, что на Рю де ля Пэ, в известное заведение, где шились женские головные уборы. Там Лилиан получила профессию модистки и мастерила шляпки и капоры для состоятельных *bourgeoises*¹ Сони и жен ушедших на покой торговцев, населявших летом особняки и *chateaux*² сонного городка; в подчинении Лилиан было несколько работниц, трудившихся в садовой беседке, а сама она считалась выгодно занятой в часы досуга до тех пор, пока в один прекрасный день не появится легендарный суженый и не увезет её с собой, чтобы она нарожала ему строго ограниченное количество детей и стала примерной супругой. Однако этим чаяниям не суждено было сбыться.

В мой первый приезд на «Виллу Лилиан», состоявшийся в середине мая 1895 г., я был принят с большой сердечностью. Сучка явно понравилась и месье, и мадам, и мадемуазель.

Должен сразу же заметить, что г-н Арвель женат не был, и особа, руководившая его домашним хозяйством, приходилась ему вовсе не супругой. Это была невысокая, полная француженка лет сорока пяти, насколько я мог судить, с красивыми глазами, черными волосами и жемчужными зубами, которые унаследовала её дочь, Лилиан. Она была очень простой и необразованной, однако являла собой великолепный образец французской домохозяйки средней руки, обладая всеми достоинствами и недостатками галльской крестьянки.

¹ *bourgeoises* /фр./ – мещанки

² *chateaux* /фр./ – замки

Она отличалась безмерной бережливостью, скупостью, была противницей пыльных углов и беспорядка и божественно готовила. Думаю, что Эрик Арвель, будучи обжорой, любил её за те яства, которые она имела обыкновение ставить перед ним на стол. Для неё было величайшим наслаждением смотреть, как он жадно ест, а всем гостям приходилось набиваться до отвала, чтобы только сделать ей приятное. Она была довольно ушлой, хитрой и вспыльчивой. Кроме дочери, у неё имелся сын, Рауль, который был на два года младше Лилиан, однако рос он в Англии, и мне был суждено повстречаться с ним лишь три года спустя.

К тому времени я уже был шапочно знаком с мадам Адель, любовницей Арвеля, и знал, что до момента начала этой истории он прожил с ней лет шестнадцать или семнадцать. Он откровенно поведал мне о своем положении и о том, что все в Сони верят, будто они муж и жена. Я узнал, что он вырастил мальчика и девочку, поскольку через три года после рождения детей его любовница овдовела, и с тех самых пор живет с ними. В конце концов, он решил на ней жениться, и хотя они то и дело ссорились, она откровенно обожала своего господина и повелителя, однако он, человек резкий, упрямый и деспотичный, казалось, не уделяет ей должного внимания. Он любил свой дом, свой сад, своих собак, свою трубку и свой велосипед, и когда его рабочий день был закончен и с легкостью забыт, он вкушал удовольствие от обильной трапезы, трубки и бессистемного чтения.

У него был милый дом, купленный недорого на сбережения мадам, которой он принадлежал. Спустя год после нашего знакомства с молотка пошел соседний участок, и г-н Арвель приобрел его, расширив сад и благоустроив дом. Пока не забыл, упомяну, что на сцене случайно возникла мать Адель, однако была она придурковатой старухой, слегка эксцентричной, поскольку пыталась лечить всех подряд какими-то таинственными травяными настоячками и вообще любила надоедать. В итоге г-н Арвель отправил её на пенсию, чтобы помешать навещать к нему в дом. Он был кормильцем, и любовница с дочерью прилагали все усилия к тому, чтобы привнести в его жизнь побольше уюта, поскольку всецело от него зависели. Он истратил уйму денег на виллу и сад, видя в них маленькую собственность Адели на тот случай, если с ним самим что-нибудь произойдет.

Проведя тот первый день в семье, я вовсе не собирался возвращаться туда ещё когда-нибудь, потому что хвастливая болтовня Арвеля была потоком банальностей и общих мест, а мать представляла собой полнейший ноль, стоило ей оставить домашнее хозяйство и кухню. Однако я с первого же взгляда влюбился в Лилиан. Говоря о том, что влюбился, я едва ли знаю, как мне анализировать мои собственные чувства. Могу лишь сказать, что я захотел её. Но ей было 19, мне – 43, и я пытался гнать эту новую страсть прочь. Была тут и моя Лили, в прелестном домике, который я сложил для неё, сложил постепенно. Меня посетила мысль, что было бы

гнусной шуткой заниматься любовью с юной леди, которую я могу звать падчерицей моего хозяина. Я постарался понравиться обеим женщинам, и меня стали снова и снова приглашать в их милую загородную обитель. Иногда вместе со мной приглашали моего верного спутника, пса Смайка. Лилиан ласкала и баловала его, равно как и его подругу, мать сучки Лили, добрую старую Салли Брасс. Я никогда не приходил с пустыми руками, покупая им в подарок духи, цветы, конфеты и всякие подобные мелочи, которые так нравятся женщинам. Лилиан не уделяла мне особенного внимания, обращаясь со мной вежливо, но не более того. Сучка росла быстро, и *nan*, переубедить которого было весьма непросто, взял в голову, будто фокстерьерам полезно близкородственное размножение, и одолжил отца, чтобы тот покрыл свою родную дочь, Лили. Он получил приличный помет, однако все щенки оказались с тем или иным недостатком. Понадобилась случка извне, однако малышом так полюбили, что было оставлено несколько сучек и один кабель, Блэкамур, который стал главным любимцем мадемуазель. У них уже был один пес, потрясающий бордо, добрый по отношению к хозяевам, но свирепо обращавшийся с незнакомыми. Все это постоянно приводило меня в коттедж, и я, вне сомнений, нравился его обитательницам, а иначе они бы позаботились о том, чтобы я не появлялся так часто под их крышей.

Помню, я повстречал г-на и г-жу Арвель – сейчас я говорю о них как о законных супругах – в Ле Трепорте в августе

1896 г., повстречал совершенно случайно. Я свободно обменивался шутками с Адель, поскольку французские матроны обожают пустые разговоры, а когда мы на некоторое время остались одни, сострил насчет этого её путешествия с мужем на побережье. Лилиан оставалась дома с бабушкой, которая за ней присматривала. Я заметил, что медовый месяц получился на славу. Она преспокойно мне ответила, что г-н Арвель вовсе не думает о любви и что она ужас как страдает от его пренебрежительности, будучи сама весьма чувственной. Это меня весьма удивило, и я дал задний ход, поскольку мысли мои были направлены на дочь, а отнюдь не на мать.

Однако этот случай открыл мне глаза, и я начал думать о том, что, вероятно, я слишком щепетилен и что на самом деле стоит попытаться счастье с Лилиан. Разговоры, которые вел г-н Арвель были тоже весьма непристойного содержания, однако он чуть ли не нарочно старался убедить меня в том, насколько Лилиан невинна. Она не имела ни малейшего представления о взаимоотношениях полов и была исключительно легкомысленна, оставаясь безразличной к любым серьезным удовольствиям.

Он жаловался на то, что не в состоянии заставить её прочесть ни одной книги и таким образом повлиять на её мировоззрение. Фактически, он оговаривал её и постоянно приносил при полной поддержке своей любовницы. Долгое время я был жертвой этой его своеобразной мании, однако впоследствии понял, что подобное клеветничество за глаза есть

удел людей недалеких и случается во многих семействах. Чем сильнее такие родители любят своих чад, жен или родственников, тем охотнее они их оговаривают. Основным мотивом здесь является ревность, чтобы вы слишком много о них не думали; все это они делают в ущерб собственному своему тщеславию и только досаждают на себя, когда обнаруживают, что личность, которую они пытаются в ваших глазах принизить, занимает все их мысли, да и ваши тоже. Однако я видел, что он очень любит Лилиан и постоянно о ней говорит. Он мог подтрунивать над ней, называть "худышкой" и щипать за икры, когда она проходила мимо. Лилиан взвизгивала, показывала ему язычок и обращалась за помощью к матери, в результате чего Адель бранила и её, и *nan*.

Я то и дело старался остаться с Лилиан с глазу на глаз, однако она не хотела меня, а когда она гладила Блэкамура, я тоже принимался его ласкать и норовил накрыть её ладонь своей, однако она отказывалась обращать на это внимание.

Помню, однажды она была нездорова, по-видимому, мучаясь болями в животе, и в домашнем халатике присела рядом со мной на диван. Её отец, как я буду его называть, чтобы избегать бесполезных повторений, сидел напротив нас. Она находилась в непосредственной близости от меня, и я чувствовал тепло и давление её тела через легкую материю, которая была явно её единственной одеждой. Я изнывал от чувственного томления, однако она не испытывала ничего. Год спустя я напомнил ей эти обстоятельства, и она призна-

лась, что совершенно не помнит того волнующего происшествия, которое я не могу забыть до сих пор.

Таково было развитие событий вплоть до лета 1897, когда я решил постепенно расстаться с семейством Арвеля. Я любил девушку, хотя ничем себя не выдавал и видел, что ровным счетом ничего для неё не значу. Я не отваживался высказаться, поскольку чувство честности все ещё жило во мне, напоминая о том, что я не должен никоим образом пользоваться гостеприимством своего друга, тем более, что он души не чаял в девушке и они всегда оказывались по одну сторону баррикад, ибо в конфликтах с матерью она неизменно вставала на защиту отца.

Когда меня звали в Сони, приглашения часто писались рукой Лилиан, уступавшей желанием *nan*, и я отвечал настолько нежно, насколько только мог отважиться. Я был крайне удивлен и обрадован, когда в июле или августе 1897 обнаружил, что письма её кажутся более сердечными, а однажды она попросила меня проводить её до почтового отделения. Я с восторгом согласился, тем более что до сих пор нас всегда сопровождал *nan*, так что я не мог позволить себе ничего, кроме какой-нибудь невинной шутки относительно свадьбы, когда она резко возражала, что, мол, вовсе не собирается замуж и всегда будет с *nan*. Я был рад отметить, что Лилиан как никогда близка к тому, чтобы вступить со мной в интимные отношения, и понял, что мне ничего не стоит сделать так, чтобы меня полюбили.

Первые её письма, которые были, по сути, не более, чем приглашениями, написанными в угоду родителям, я уничтожил, однако теперь в некоторых содержались очень изящные намеки, поощрявшие меня к продолжению того, что быстро превращалось в настоящий флирт. У нас было немало подобных прогулок и разговоров, однако я слишком возбуждался от восторга, чтобы запоминать даты или делать пометки, так что сей час мне приходится суммировать все наши беседы и быстро переходить к делу, поскольку я намерен попытаться придерживаться голых фактов, делая признание как можно более кратким. Я тщательно избегал всяческих ссылок на посторонние события (кроме одного или двух примечательных примеров), обходя упоминанием гостей, встреченных мною в Сони, и всего того, что не имело отношения к любви Джеки и Лилиан.

Разговоры наши потекли по весьма свободному руслу, стоило Лилиан в ответ на мой вопрос с подковыркой рассказать, как одна из её клиенток занималась с ней любовью и вызвала негодование, поцеловав в губы. Я объяснил, что это, мол, из-за того, что в ней есть кое-что от мужчины – она носила мальчишескую соломенную шляпу, – и вскоре перевел беседу на любовников. Она призналась в том, что никогда их не имела, хотя кокетничать ей приходилось. Юноши ей не нравились, и она предпочитала им мужчин зрелого возраста. Тогда я пошел в масть и предложил себя, что, разумеется, было с готовностью принято. Насколько я припоминаю,

то был наш первый важный разговор, вскоре после которого я оказался получателем очередной записки; в ней меня приглашали провести в милом обществе весь день, а заодно спрашивали о здоровье моего пса Смайка. Она прибавила, что шлет ему поцелуй, поскольку не отваживается предложить таковой его хозяину, как бы сильно ей этого ни хотелось. Следующая наша беседа, протекавшая во время прогулки по улицам и переулкам Сони, была уже ближе к делу. Я держал ладонь девушки в своей и ласкал её голую шейку, откровенно признаваясь в любви, на что она отвечала рассуждениями о некой опасности. Я объяснил, что уже не молод и что светский человек вроде меня может делать приятное, не опасаясь нежелательных последствий. Одним словом, я предложил ей безопасные ласки.

– Мне бы хотелось чего-нибудь посерьезней, – возразила она.

Я сразу же подумал о том, что она уже побывала в объятьях настоящего любовника и теперь намекает на мужское домогательство во всей его полноте, и решил отпустить поводья моей до сих пор сдерживаемой страсти. Я рассказал Лилиан о том, как давно томлюсь желаньем овладеть ею, и напомнил о робких попытках сблизиться с ней. Она поняла, что если я и возвращался раз за разом в Сони, то делал это исключительно ради неё. Таким образом, я вскоре добился от неё половинчатого обещания навестить меня как-нибудь в Париже, причем мне следовало выдумать дамский почерк,

поскольку ни *nan*, ни маман не прикоснутся к её письмам до тех пор, пока конверты похожи на корреспонденцию от женщины, которая может быть просто клиенткой. Потом я попросил об обещанном поцелуе, однако пояснил, что не хочу, чтобы это было дурацким прикосновением губ бабушки.

– Мне хочется настоящего французского поцелуя, – сказал я.

Она рассмеялась. Я решил, что она поняла.

Я просто-напросто полагал, будто передо мной юная особа, свеженькая, только что вышедшая из мастерской модистики с Рю де ля Пэ, которую, вероятно, уже успел порадовать какой-нибудь мужчина, не говоря уж о бесконечных лесбийских ухлестываниях за ней со стороны товарок; все это только придавало мне дерзости и нахальства. Мы вернулись домой и, направляясь к кухне, находившейся в подвальном помещении, прошли коридором, в котором почти не было освещения.

– Как тут темно! – прошептала Лилиан, и я тотчас же повернулся и заключил её в объятия. Мои губы во мгновение ока оказались у её ротика – ротика, по которому я томился два года, а то и дольше – и к своему восторгу я почувствовал, как её холодный, влажный и остренький язычок медленно раздвигает податливые губы и соединяется с моим. То было прелестное объятие. Я испытал такую дрожь сладострастия, пронизавшего мои вены, которую не испытывал ни до, ни после. Я уверен, что мне никогда не забыть первого поцелуя

Лилиан.

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 20-е октября 1897

Дорогой г-н С...,

Не получив ответа на Ваше прелестное письмо, Вы, должно быть, думаете, будто я маленькая притворица, но в действительности моей вины тут нет.

Эту неделю я была крайне занята и, несмотря на все мое желание, не смогла выкроить ни одного свободного вечера.

Когда же мы, наконец, встретимся, я очень надеюсь на то, что у меня будет достаточно времени, чтобы не бежать тотчас же обратно. Вне всяческих сомнений, нам есть, что сказать друг другу.

Вы не будете очень против, если я навещу Вас в следующий четверг? Да, я прибываю в Париж в 2:30. Не ждите меня на Восточном вокзале, а лучше укажите, где мне Вас найти. Я совсем не умею назначать randеву сама.

Надеюсь вскорости получить от Вас весточку. Жду ответа и прошу принять мои уверения в живейшей симпатии.

Лилиан

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 26-го октября 1897

Зная, что моя дорогая Мэри исключительно любезна ³, я убедительно прошу её дождаться меня в следующий четверг с тем, чтобы не пришлось спрашивать консьержа о... Вас?

Вижу Вашу улыбку, но чего бы Вы хотели?.. Я не в силах побороть некоторую робость.

Я вынуждена отправиться в Лондон, на пятницу и субботу, однако это не помешает мне выполнить обещание, ибо – стоит ли мне лишний раз в этом признаваться? – я жду следующего четверга с превеликим нетерпением!

Скоро я буду иметь удовольствие подразнить Вас и выслушать все те глупости, которые Вы наговорили мне в Вашем последнем послании.

Лилиан

Лилиан была знакома с девушкой своего возраста, которую звали Шарлотта и которая работала в одной представительной парижской фирме. Они торговали кружевами, и, насколько я знаю, дядя Шарлотты, стоял во главе фирмы. Как бы то ни было, Шарлотта занимала в этом предприятии опре-

³ Мои письма, написанные фиолетовыми чернилами и женским почерком на дорогой бумаге, весьма отличные от моих обычных, должны были походить на отправляемые некоей дамой, и я всегда подписывал их “Мэри” /прим. автора/

деленное место и в качестве доверенного лица была послана в начале осени в Лондон.

Лилиан надлежало её сопровождать и помогать с английским. За год до этого Лилиан уже совершила подобную поездку, и обе семьи были в дружеских отношениях. Все расходы мадемуазель Арвель были оплачены, и она получала сотню франков за каждую неделю, проведенную в Лондоне. На посещение всех заказчиков ушло две или три недели. Лилиан была в восторге, поскольку таким образом ей удалось повидаться с братом Раулем, в котором она, по всей видимости, души не чаяла.

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, четверг, 27-го октября 1897

Ну вот все наши, или точнее сказать, все мои прекрасные замки растаяли в воздухе. Я действительно несчастлива, я, которая так радовалась при мысли, что увижу Вас завтра, смогу Вам рассказать, а быть может, и доказать, что одна особа не только симпатизирует Вам и интересуется всем тем, что Вы делаете, но и по-настоящему Вас любит.

Однако вот Вам истинная причина этого письма. Я оказалась пленницей тяжелой простуды ⁴. Выйти никак не воз-

⁴ Её ежемесячное недомогание? (прим. автора)

можно. Если Вы мне позволите и если это Вас не побеспокоит, я назначу Вам свидание на следующую неделю, если только мне не придется выехать в субботу в Лондон. В таком случае я напишу Вам тотчас же по возвращении. Сейчас все словно направлено против меня. Надеюсь, Вы будете думать о бедной маленькой больной, которая, не переставая, думает о Вас.

Лилиан

Лилиан – Джеки

Лондон, 2-е ноября, 1897

Я нахожусь здесь с вечера субботы и уже жду, не дожжусь возвращения. Нет, решительно я никогда не смогу привыкнуть к Лондону! Все грустно и тоскливо. Женщины напоминают машины на пружинах, а мужчины бегают так, будто за ними гонятся. Нигде нет ничего похожего на изящество истинных парижан. Надеюсь, моя откровенность Вас не уязвит. Мне не следовало признаваться в том, что я думаю о Ваших соплеменниках, и все же в моих глазах Вы так непохожи на большинство англичан. Во всяком случае, Вы обладаете лишь их чертами. Таким образом, будучи наделены всеми качествами англичанина и француза, Вы, следовательно, не можете не быть совершенны. И все же должна признать, что надеюсь найти Вас не таким. Ка-

ким же скучным должен быть мужчина, вобравший в себя все добродетели!

Нет, я и в самом деле ума не могу приложить, что мне привести Вам из Лондона, но Вы только дайте знак, и если это доставит Вам хоть какое-то удовольствие, я буду только счастлива это сделать.

Я очень рассчитываю вернуться в Сони к концу следующей недели. Мне не имеет смысла говорить Вам, что как только я освобожусь, я сразу же напишу Вам и спрошу, испытываете ли Вы прежнее ко мне желание. С простудой я до сих пор ещё не справилась окончательно. Благодарю за данный совет.

Это письмо несет к Вам поцелуй такой нежности и сладости, которой Вы, вероятно, жаждете.

Лириан

Как это ни может показаться странным, однако в этом письме из Лондона не был указан адрес, так что я не имел возможности на него ответить.

Лириан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 16-е ноября 1897

Я снова подле Вас. В соответствии с данным обещанием и ради собственного своего удовольствия, я сразу же пишу

Вам. Я буду свободна в любой подходящий для Вас день на следующей неделе. Вам, мой дорогой наперсник, я могу поведать о том маленьком недоразумении, которое постигло меня в канун отъезда из Лондона. Я потеряла пятифунтовую банкноту. Ну скажите, разве я не неудачница? Однако я надоедаю Вам своими историями, а потому покидаю, но надеюсь на ответную строчку.

Надеюсь скоро увидеть Вас.

Лилиан

Мне это письмо не понравилось, и моя разгоравшаяся страсть с лихорадочного жара упала до точки замерзания. Разве такое послание должно получать от молоденькой девушки накануне первого свидания? Тут пахивало профессионализмом. Она что, хотела себя продать? Я принял решение не иметь с ней больше ничего общего и, несмотря на агонию разочарования, ответил следующим образом:

Джеки – Лилиан

Париж, четверг, 18-е ноября 1897

Дорогая моя Лилиан,

Очень рада была услышать, что ты благополучно вернулась из своего путешествия и что ты жива и здорова.

Я не могла ответить на твое письмо из Лондона, по-

сколько ты забыла оставить мне свой адрес.

Очень мило с твоей стороны уведомить меня о том, что ты можешь навестить меня на следующей неделе, и я бы хотела условиться о дне, но, к сожалению, вынуждена уехать в понедельник, чтобы уладить кое-что за границей.

Меня огорчила твоя неприятность, однако я надеюсь, что все само собой образуется. Нам не везет обеим.

Нежно любящая тебя подруга.

Мэри

Эта записка разминулась с письмом от *пап* следующего содержания:

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 18-е ноября 1897

Дорогой Джеки,

Если у Вас нет никакого более интересного занятия, мои дамы хотели бы видеть Вас завтра в одиннадцать с тем, чтобы выслушать Ваше ценное мнение относительно достоинств свежего тюрбо ⁵ из Англии и фазана. Завтра утром я пробуду в конторе до 10:15, а затем отправлюсь поездом домой.

Надеюсь, у Вас все в порядке, и прошу всем от меня кла-

⁵ Название рыбного блюда

няться.

С наилучшими пожеланиями,

Ваши

Эрик Арвель

19-е ноября 1897

Я встретился с *пап*, как было уговорено, и он рассказал мне о том, что побывал в Северной Англии, однако несколько дней провел в Лондоне вместе с Лилиан, Шарлоттой и мальчиком, Раулем, для которого он, по всей видимости, нашёл место на большой фирме, торгующей винными изделиями в британской столице. Он был ужасно зол на Шарлотту, поскольку она обручилась с Раулем, что вызвало у него отвращение. Рауль был чересчур молод, чтобы помышлять о брачных узах, а Шарлотта была жутко глупа и не имела средств, зарабатывая какие-то крохи на сделках дяди. Он злился на то обстоятельство, что она захомутала юношу своими льстивыми речами, и расплывчато давал понять, что влюбленная парочка сбежала, оставив бедную Лилиан одну в квартире, что крайне его раздосадовало. Он поклялся, что блудница никогда больше не переступит порога его дома и не совратит его дочь.

День прошел, как обычно, однако Лилиан была холодна ко мне. Ей нужно было отлучиться и проведать одну даму,

приехавшую из Англии и остановившуюся в гостинице на Рю де Риволи; будучи проездом в Париже, она всегда покупала у Лилиан несколько шляпок. Я испросил разрешения сопроводить мадемуазель, поскольку в тот вечер у меня тоже была встреча, и, поскольку ни *пап*, ни *маман*, не имели ничего против, мы отправились вместе.

В железнодорожном вагоне я ещё раз заключил мою Лилиан в объятия и к величайшему удовольствию обнаружил, что она обладает тем, что я называю "естественными губками". Я наслаждался долгими, сосущими ласками её ротика. Её губы словно спаивались с моими, и я уверен, что она упивалась моими голубиными лобызаниями и прикосновениями языка к горлышку, ушкам и глазам так, как только может упиваться этим девушка. "Ваши поцелуи сводят меня с ума!" или "Я с ума схожу по вашему рту!" любила повторять она, когда, дрожа от сладострастия, вырывалась из моих объятий, чтобы в следующее мгновение снова броситься в атаку своим сверкающим ротиком.

Было очевидно, что она не питает ко мне физического отвращения, ибо часто случается так, что женщина думает, будто тот или иной мужчина ей нравится, однако стоит ему заключить её в объятия, как незначительная деталь, его запах, кожа, манера обниматься, дыхание, отказ, малейший пустяк иногда грубо рассеивают все иллюзии женщины. Лилиан же свободно отдавалась радости покоиться в моих объятиях, и губы мои нравились ей точно так же, как её – мне.

Она поинтересовалась, что я имел в виду под поездкой в следующий понедельник. Я ответил, что у меня есть некоторые дела в Амстердаме, которые, может быть, можно, а может быть, нет уладить письмом, и что я терзаюсь угрызениями совести и стыжусь своего бесчестного поведения, втайне не занимаясь любовью с молодой женщиной под крышей родительского дома; я добавил, что меня в дрожь бросает при мысли о том, что произойдет, если её мать или отец узнают, как я не оправдал оказанное мне полнейшее доверие. Она горячо ответила, что её так называемый "отец" – человек ленивый, эгоистичный и раздражительный, которому нет никакого дела ни до неё, ни до её будущего. А её мать занята исключительно им и собой. Они заставляют её жертвовать доброй сотней франков в месяц на собственное содержание вне зависимости от того, заработала она их или нет, так что дома она чувствует себя несчастной. Она не может понять, чем вызвана перемена в моем поведении. Я страстно обнял её и сказал, что теперь, когда она прижимается ко мне, все мои сомнения улетучились; прикосновения её мягкого и сладострастного ротика заставили меня позабыть о долге, о честности, обо всем, кроме надежды сделать её своей.

Мои руки блуждали по всему её телу, сжимая роскошные ягодицы и бедра, которые я нашел надлежащего размера, руки, ладони и шею.

Я воскликнул:

– Я знаю, что Лилиан вернет любовь, которую я питаю к

ней вот уже два года, хотя я в два раза старше её. Теперь я счастлив и все прочее для меня не имеет значения!

И это была правда, я пьянел от любви, желания, похоти, страсти, называйте это как угодно.

Я вынудил её расстегнуть жакет и попробовал сжать грудки, однако они оказались всего лишь двумя маленькими, едва развитыми холмиками. Полотняное платье было туго застегнуто под мышками на крючки и петли.

– Вы делаете мне больно, – сказала она, пока я лихорадочно теребил её маленький торс.

– Мне нравится делать тебе больно. Я люблю думать, что ты моя и что я могу поступать с тобой по своему усмотрению, заставлять тебя страдать, если мне того хочется, так что я буду сдавливать твои крохотные грудки до тех пор, пока ты не запищишь от боли.

– Они маленькие, – со смехом возразила она, – но зато крепенькие. А теперь я хочу знать, что это вы просили меня захватить с собой из Лондона?

– Я написал бы об этом в ответном письме, но ты не оставила мне адреса. Вот что я хотел, чтобы ты тщательно хранила для меня и привезла обратно. – И я зажал ладонь между бедер девушки поверх платья.

Она спрятала лицо у меня на шее, шепча:

– Она ваша. Я вся ваша!

Счастливые, мы прибыли на станцию, и я отвез её в гостиницу на Рю де Риволи. Я забыл все, что было связано с её

письмом. Я не замечал ничего и никого. Я мог только прижимать девушку к себе, ласкать и целовать, целовать снова, пока её губки ни запылали.

Однако я не забыл условиться с ней о 23-ем. Я был в хороших отношениях с хозяйкой дома на Рю де Ляйпциг, где сдавались меблированные апартаменты и где в низине сада находился маленький павильон. Лилиан нужно только войти, не заговаривая с консьержем, и пройти прямо ко мне, нетерпеливо ожидающему её появления в половине второго. Последний раз страстно её обняв, я проследил за тем, как она скрылась в гостинице, и отправился домой.

23-е ноября, 1897

Только что покинул Лилиан. День оказался практически испорчен, однако обвинить в этом никого из нас нельзя. Я пунктуально пришел на место свиданья, облаченный в наряд жениха. Я прождал час, однако она так и не объявилась, а посему я ушел в гневе, провожаемый сардонической усмешкой бонны. Я возвратился домой и уже снимал с себя все убранство, когда мною было получено следующее *petite-bleu*⁶:

Лилиан – Джеки

24-е ноября 1897, 15:45

⁶ В Париже – письмо пневматической почтой

Я только что вернулась с Рю де Л. Опоздала на полтора часа, но не по своей вине. На Восточном вокзале произошла авария, и с задержкой пришли все поезда.

Надеюсь, Вы простите меня и поверите в то, что я вне себя, тем более, что мне доложили о Вашем совсем недавнем уходе.

*Тоскую по Вам,
Лилиан*

Обратно я отправляюсь с Восточного вокзала только в 18:45.

Разумеется, в указанное время я стоял на станции, где обнаружилось, что вся её история – правда. Авария и в самом деле имела место, а в воздухе все ещё стоял дым. Все движение было дезорганизовано. На перроне галдели толпы зевак, и Лилиан послала домой телеграмму, уведомив о случившемся и сообщив, что останется ужинать с бабушкой, жившей поблизости от Биржи, и вернется на станцию позже, а может быть, и заночует у старушки.

Я катал её в кебе на протяжении часа, т.е. всего того времени, которое я мог выкроить, будучи хозяином своего вечера.

Теперь мы уже были весьма близки, и в ответ на мои пылкие домогательства она призналась в том, что все ещё дев-

ственница. Я ни на мгновение этому не поверил, однако, разумеется, ничего не ответил. Я рассказал ей о том, как тщательно подбирал свой туалет в ожидании всецелого обладания, а она призналась, что очень любит тонкое белье и тоже надела на себя все самое лучшее, включая черную сатиновую юбку, которую сама сшила. Я просунул руку ей под одежду, чтобы удостовериться в истинности этого заявления, и она позволила мне дотронуться любопытствующими пальцами до бедра над коленом, однако возмутилась, что у меня такие холодные руки, и я прекратил. Но зато я завладел ладонью Лилиан и прижал её к быстро поднимавшемуся знаку моей мужественности, поверх брюк, и девушка не оказала ни малейшего сопротивления. Прибегнув ко множеству искусных перифраз, я сказал, что мои губы будут целовать каждую частичку её сладенького тельца, доставляя ей невыразимое удовольствие.

– А я буду платить поцелуем за поцелуй. Вы должны научить меня любить вас так, как вы любите меня.

– Ты станешь моей маленькой рабыней любви. Что бы я ни сказал, ты будешь исполнять. Я потребую послушания. А теперь ты должна перейти со мной на ты.

– Мне никогда не хватит на это смелости. Вы продолжайте говорить мне ваше очаровательные "ты", а я всегда буду обращаться к вам уважительно.

– Как пожелаешь. Быть может, ты и права. Ведь я настолько старше тебя. Я буду твоим отцом, а ты будешь моей до-

чуркой. Ты моя кровосмесительная дочка. Тебе нравится сама идея совершения позорного преступления кровосмешения со мной?

– О, да! Замечательная мысль. Я обожаю слушать, как вы говорите, а пока вы меня целуете, расскажите, пожалуйста, что вы намерены со мной сделать. Вы будете моим *pap*, моим миленьким *pap*.

– Разреши мне сперва кое о чем тебя спросить. Господин Арвель... не обижайся на то, что я сейчас скажу... ведь он не настоящий твой отец, а всего лишь любовник матери, как он сам мне признался. Так вот, он когда-нибудь позволял себе бесцеремонное с тобой обращение?

– О, нет! Он относится ко мне очень уважительно и весьма строг в подобных вещах. Грубость он сказал только один раз, когда у меня долго болел желудок, и он все это время ухаживал за мной. Однажды он заметил: "Лили, какой же, однако, у тебя большой чёрный лесок!" Я жутко разозлилась!

Сейчас я уже не могу восстановить в памяти всех тех обещаний чувственной страсти, которые я влил в её охотно внимающие ушки, но отчетливо помню, что она непрерывно отвечала:

– Да, да! Говорите ещё! Скажите, что вы со мной сделаете!

И она упоительно посасывала мои губы. Я смутно распространялся о бесконечных наслаждениях, о неведомых удовольствиях, однако побаивался зайти слишком далеко. Если она девственница, рассуждал я, я могу её встревожить, а ес-

ли нет, то она уже сама прекрасно знает все, что я могу рассказать.

Итак, я высадил её у дома бабушки, но не раньше, чем мы договорились о новой встрече 26-го.

Она отчаянно порочна и крайне наивна, сама не зная, чего хочет. Если мой диагноз ошибочен, тогда она самая непревзойденная актриса, каких только видел свет, затмевающая Сару Бернар и Ля Дузе⁷.

И вот я начал делать в моем дневнике некоторые пометки касательно этой эксцентричной девушки. Я записал свое предположение о том, что имею дело с умелой комедианткой. Теперь мои воспоминания приобретут более осязаемую форму, поскольку верно чуть ли не каждое указываемое число, и я в состоянии дать отчет о всех заслуживающих упоминания ласках, какие мы только подарили или получили. Её письма были, как правило, на французском языке, однако несколько она написала по-английски, тогда как другие являли собой смесь обоих языков. Я не изменил ни слова, а лишь по мере сил перевел их. Я же писал по-французски. Я также привожу здесь письма *nana*, равно как и все прочие мало-мальски значительные документы, относящиеся к излагаемой истории. Часть своих собственных писем я ци-

⁷ Сара Бернар (1844 -1923), знаменитая французская актриса; Элеонора Дузе (1858-1924), итальянская актриса, выступавшая с огромным успехом во многих странах, в том числе и в России /прим. перев./

тирую *in extenso*⁸, поскольку сохранил их копии. К сожалению, некоторые послания – лучшие или худшие – находятся в руках героини, и при необходимости я могу лишь предложить краткий пересказ, насколько позволит память, или опущу их полностью. Большая часть этого повествования записывалась день за днем по мере разворачивания важных для меня, особенно ближе к концу, событий, которые в руках мастера могли бы видоизменить прежние мнения и привести к более гармоничной картине произошедшего. Я же предпочитаю оставить рукопись в первоизданном виде. Она может оказаться полной ошибок и противоречий, однако эти недочеты покажут читателю, что перед ним не роман, построенный по обычным канонам. Это просто исповедь, в которой человек хладнокровно проводит операцию вивисекции⁹ над своим сердцем и мозгом, и лучшей похвалой для меня будет, если читатель, добравшись до финала моих мемуаров – при условии, если он до него доберется – воскликнет: "По-моему, все это правда!". А если читательницы горько посмеются над автором и скажут, что это есть ни что иное, как сплетение лжи и сильных преувеличений, тогда мой триумф будет полным.

26-е ноября 1897

⁸ *in extenso* /лат./ – полностью

⁹ вивисекция (от лат. *vivus* – “живой” и *sectio* – “рассечение”) – операция над животным с целью изучения функций организма /прим. перев./

Каждому известно то лихорадочное возбуждение, которое переживает пылкий любовник в ожидании дамы своего сердца при первом свидании. Я весь сгорал от волнения и вздохнул с величайшим облегчением, когда Лилиан медленно отодвинула портьеру и предстала передо мной в безвкусно мебелированной спальне таинственного павильона на Рю де Ляйпциг. Я поспешно запер дверь на щеколду и привлек девушку к себе, усадив на колени, поскольку сам сидел в неизменном шезлонге. Она выглядела обеспокоенной и испуганной и рассказала, что ушла из дома с огромным трудом.

Пуговицы на её платье поддались в результате страшной борьбы.

Лилиан усердно избегала смотреть в сторону большой занавешенной постели, занимавшей середину комнаты. Она надеялась на то, что я не притронусь к постели, поскольку в противном случае обитатели дома догадались бы, что мы ею воспользовались! Я пытался поцелуями разгорячить её кровь и, по-моему, преуспел в этом, так как Лилиан становилась все смелее, и мне удалось расстегнуть на ней платье. Взгляду моему предстали грудки пятнадцатилетней девочки. Между тем, размер алых возбужденных сосков доказывал её истинный возраст. Я с жадностью их сосал и кусывал; внимание моих страстных губ и языка было уделено также её прелестным ушкам и шейке. Я умолял её позволить мне снять с неё всю одежду, однако она хотела, что-

бы я удовлетворился маленькой, но очень красиво оформившейся грудью. Я сделал вид, будто глубоко уязвлен, и она извинилась. Мне надлежало набраться терпения. Это был первый раз. Она делается более уступчивой, когда лучше меня узнает. В ответ я дерзко задрал на ней юбки и, полюбовавшись ножками в черных чулках и кокетливыми, украшенными лентами штанишками, в конце концов, положил ладонь на то место, где находился её пах. Он был полностью покрыт густым черным подлеском и казался на ощупь весьма мясистым. Внешние губки были более пухлыми и развитыми, нежели мы обычно находим их у французских женщин. Её ноги, хотя и худенькие, были красивой формы, а ляжки имели правильные пропорции. Я принялся изучать пещерку.

– Вы делаете мне больно, – пролепетала девушка.

Насколько я мог об этом судить, она была нетронутой или, во всяком случае, нечасто подвергалась домогательствам мужчин. Я чувствовал, что мои ласки нравятся ей и даже очень и что она потихоньку уступает мне. В конце концов, я убедил её избавиться от нижней юбки и штанишек. Она уступила, но при том условии, что я не стану за ней подсматривать. Я согласился. Она сбросила на пол юбку, сняла корсаж и осталась стоять передо мной в нижней юбке и корсете. На ней была сорочка из тонкого льняного батиста, подхваченная вишневыми лентами. Я наслаждался созерцанием возлюбленной, наконец-то отдававшей в мою власть таким образом. Я пожирал глазами её голые плечи; розовые соски,

тугие и сверкающие моей слюной; и пышные комки черных волос в подмышках.

Она согласилась расстаться с нижней юбкой и, когда я откинулся на спинку дивана, прикрыла мне глаза своей нежной, прохладной ладонью, а другой рукой тем временем расстегнула все, пока не оказалась в одной сорочке. Приблизиться к постели она не хотела и всячески пыталась отбиться от меня. Нет, она не позволит мне притронуться к себе до тех пор, пока я не задерну шторы. Мы оказались в темноте. Я усадил Лилиан в шезлонг и, опустившись на колени, попытался раздвинуть её бедра и поцеловать мшистую расщелинку. Она же попыталась обеими руками меня оттолкнуть.

– Вы делаете мне больно! – снова сказала она, однако я лизал её, не жалея сил, и, ощущая теплоту моего рта, она слегка приоткрыла бедра, так что мне все же удалось осуществить задуманное. Сделать это было непросто, поскольку она извивалась, мило повизгивала и отказывалась держать ноги разведенными надлежащим образом. Однако выбить меня из колеи было не менее сложно. Я находился в неудобной позе. Шею ломило. Кроме того, в комнате было жарко, и тем не менее я продолжал деловито лизать, сосать и потеть, так что член мой, тучнея от желания, уже выделял из пылающего кончика капли мужской эссенции.

Я совершенно уверен в том, что она испытала ощущение сладострастия, о чем мог судить по дрожи, овладевшей на какое-то мгновение её телом, и по специфическому привку-

су, в котором я не мог обознаться. Наконец, она оттолкнула мою голову. Я поднялся на ноги, весьма довольный тем, что ускользнул из заточения её нежных бедер. Я извлек носовой платок, вытер губы и, повернувшись в девушке, по-прежнему неподвижно и молча возлежавшей в шезлонге, без лишних церемоний набросился на неё. Я вложил конец моего разбухшего орудия между волосатыми губками её нижнего ротика и, позабыв о всякой предосторожности, двинулся напролом. Она взвизгнула и отринула меня. Я попытался занять прежнее положение, однако не смог. Она была девственницей; сомневаться в этом не приходилось.

Лилиан полулежит на узком диване, и я в состоянии подступиться к ней, только уложив её навзничь. Я тоже выбился из сил и взмок. Шею я окончательно вывихнул, и теперь она болит. Так что я смягчаюсь и пока отказываюсь от ведения активных боевых действий.

– Возьми его в руку, – предлагаю я, – и делай с ним все, что пожелаешь.

Она так и делает, и, склонившись над ней, я обнаруживаю, что она чуть-чуть впускает кончик в себя. Теперь все было сухо и далеко не так приятно, как представлялось ранее. Полагаю, я допустил ошибку в том, что переусердствовал и сосал слишком долго. Ощущение сладострастия покинуло её. Тогда я поднялся к её лицу. Лилиан лежала, запрокинувшись на подушку, и, сев на неё верхом, я нежно потерся своей стрелой и придатками о её лицо и ротик. Она не шевели-

лась. Я взял её руку и положил на древко жизни. Она принялась было за дело, но резко отдернула руку. Странная несообразность. Ведь она сама приложила его ко входу в свою девственную расщелинку; она позволила мне ласкать им губы и щеки; и вот теперь она испытывает ужас при мысли о том, чтобы ухватиться за него.

Я решил перебороть отвращение, которое она могла испытывать и, вложив конец между её губок, в довольно грубой форме велел ей сосать. Она робко попробовала; я понял, что она не знает, как это делается.

– Расскажите, покажите, и я сделаю все, о чем вы просите.

Я взял её ладонь и стал в качестве примера облизывать и сосать один из пальчиков.

Она с готовностью принялась за дело, и я постарался обучить её и помочь не отвлекаться, разговаривая с ней все то время, пока она неловко меня сосала. Однако нежная и теплая ласка её большого рта и облегающее колечко сладких губ довели меня до безумья. Я медленно водил членом взад-вперед, приговаривая:

– Дорогая! Лилиан! Изумительно. Только не зубками, Лили.

Не позволяй зубкам дотрагиваться до него! Вот так! Полижи его!

Я хочу чувствовать твой язычок! Не шевелись! Не уходи. Я хочу получить удовольствие у тебя в ротике, и ты должна оставаться, как есть, пока я не скажу.

Она с ангельской нежностью продолжает играть губками и язычком; к своему величайшему удивлению я чувствую, что она осторожно ласкает ладошкой мои "резервуары". И кризис наступает слишком скоро. Наслаждение, которое я испытал, не передать словами. До сих пор я как только мог старался оттянуть радостный миг, так что взрыв получился чудовищной силы, и я почувствовал, как целая лавина устремляется в горло девушки. Мне показалось, будто я уже никогда не перестану испускать рыки.

Лилиан смущенно не поднимала глаз, пока я не выскользнул из неё, пережив наслаждение до последней пульсации и пока член мой не стал опадать. Тогда она села и стала нечленораздельно подвывать.

Я бросился на поиски какого-нибудь ведра или таза и в темноте опрокинул ширму. Лилиан опустошила свой измученный ротик. Я подал ей стакан воды, и она прополоскала горло.

– Что это было? – спросила она, когда я приоткрыл занавески на окне.

– Маленькие детки, – ответил я. – А тебе понравилось, как я тебя сосал!

Я зажег лампу, поцеловал девушку и продолжал ворковать с ней, пока она одевалась.

– Да!

– А когда я выпустил это вещество тебе в рот... тебе понравилось тоже?

– Да.

– Мне было необходимо проникнуть в твоё прелестное тельце. Почему ты мне этого не позволила? С тобой что, никто ещё так не поступал?

– Я девственна, клянусь!

– А сама себя ты никогда не делала приятной рукой?

– Никогда. Это больно. Мне не нравится. Я люблю вас. Я никогда не пойду ни за кого замуж. Я буду жить для вас. Похоже, моя девственность вас раздосадовала? Если бы у меня её не было, разве я стала бы это скрывать? Скажите мне, чего вы хотите?

– Сегодня не могу. У меня голова идет кругом. Как эгоист я хочу быть внутри моей маленькой Лилиан. Принимая же во внимание твои интересы и будущее... я не должен лишать тебя невинности. Тебе нужно выйти замуж, и тогда тебе поможет в этом твой супруг.

– Да. Мама говорит, что муж может всегда в первую же ночь определить, девушка его жена или нет.

– Я слишком тебя пожалел. Мне следовало бы связать тебе руки тесьмой от брюк.

– Почему же вы этого не сделали? Вы ведь прекрасно знаете, что можете сделать со мной все, что захотите.

– Что ж, отложим это до следующего раза.

– Не сердитесь, если я по своей глупости не доставила вам удовольствия, но вы же понимаете, что такое со мной впервые. Обещаю в будущем быть послушнее и не сопротивлять-

ся, когда вам вздумается меня потрогать.

– Ты просто маленькая *demi-vierge*¹⁰.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Я читала этот роман: "*Les Demi-Vierges*".

– Мне кажется, ты любишь *взаимные* ласки без настоящих выпадов со стороны мужчины.

– Наверное. А что, мы при этом не можем быть счастливы?

– Вполне возможно. Существуют ещё и другие вещи, которыми мы могли бы заняться вместе. Ты знаешь, что мы только что делали?

– Разумеется, знаю. Я вовсе не собираюсь претворяться, будто это мне неизвестно. Девушки в Мирье частенько об этом говорили. Это называется "мими". И это очень вредно для здоровья, не так ли?

– Да, если этим слишком увлекаться.

Я находил её чувственной, но глуповатой. Может, она выбрала меня для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, доверяя моим сединам, а то и хвалам мама и *nan*, которые, по её же словам, "много думают о Джеки". Она пообещала написать мне записочку, чтобы скоротать вечер-другой, однако отказалась быть со мной на ты, к чему так никогда и не пришла за время нашей *liaison*¹¹.

Я отвез её на станцию; в фиакре она скучала и вообще вы-

¹⁰ *demi-vierge* /фр./ – полудевственница

¹¹ *liaison* /фр./ – связь

глядела равнодушно-болезненной. Взгляд у неё был отсутствующий. Казалось, она пребывает в глубокой задумчивости. О чем же она думает?

В тот момент я решил, будто она вспоминает новизну и бесстыдство того, что мы с ней проделали.

Однако сейчас, два года спустя, когда я вывожу эти строки, меня посещают низкие и ужасающие мысли. Предоставляю читателю самому догадываться или предлагаю вернуться к этой главе тогда, когда он дочитает эту книгу до конца.

2

*... Господь всемилостивый,
Ты явил мне боль и пот кровавый
Адского веселья, позорный столб,
Венец терновый, треск нервов
Рвущихся и хруст суставов
В те три часа страданий на кресте.
Твои мученья внятны мне сейчас,
О Боже праведный, распятый!..
(Джордж Мур)*

К моему величайшему удивлению, я не получал ни малейших известий от Лилиан, тогда как за несколько дней до нашей с ней встречи на Рю де Ляйпциг, я отправил г-ну Арвелю посылку с копченой рыбой, пикшей и сельдью, что обещал домочадцам ещё в свой последний приезд. Я успел переговорить с Лилиан относительно той периодики, которую я выслал её отцу, о маленьких презентях, преподнесенных мною матери, и заметил, что премного благодарен её родителям за то, что они столь часто изъявляют желание видеть меня у себя в гостях, позволяя мне таким образом видеться с ней. Она посоветовала мне продолжать в том же духе, однако

сказала, чтобы я был повнимательней с её *pap*, который по натуре своей был весьма ревнив. Она намекнула, будто всегда высказывается против меня и при моем приходе делает вид, будто вынуждена напускать на себя приветливость; короче, в Сони меня больше не пригласят: вскоре после нового года они на три недели отправляются в Ниццу.

Лириан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 2-е декабря 1897

Дорогой г-н С...,

Последние дни pap все порывается написать Вам, да только никак не может найти подходящего времени. Потому я занимаю его место и хочу поблагодарить Вас от имени всех за Ваш замечательный подарок. Рыба была изумительная. Одно плохо: её было слишком уж много.

Мама интересуется, когда Вы окажите нам честь отобедать у нас. Чем скорее, тем лучше, ведь мы уже сто лет Вас не видели.

Сегодня у Лили день рождения, а вчера был день рождения её малышей. Ожидаем Вас в гости на празднование по сему случаю. Все наши собачки в порядке. Обнимаю Вашего верного Смайка и всех остальных избалованных Вами питомцев.

В надежде скоро увидеть Вас прошу принять заверение в

моей искренней преданности Вам,

Лилиан Арвель

Мне это письмо показалось несколько странным, холодным и таинственным. Помнится, я написал, что мне подойдет любой день, однако ответа не получил. Тогда тринадцатого я отправил следующее двусмысленное послание от лица вымышленной подруги, Мэри.

Джеки – Лилиан

Париж, 13-е декабря, 1897

Дорогая моя Лилиан,

Ты прекрасно знаешь, как я не люблю тебя беспокоить. Я всегда говорила, что хотя и питаю к тебе самые дружеские чувства, малую толику которых, надеюсь, ты разделяешь, я никогда не хотела тебе надоедать. Я понимаю, что время твое расписано по часам, и ты не всегда можешь им распорядиться.

Ты спросишь, что все это значит? Я просто хочу попросить тебя о том, чтобы ты не забыла о моем существовании, когда будешь в Париже в следующий раз. Загляни ко мне хотя бы на минутку, как ты делала раньше, конечно, если хочешь со мной повидаться. Тем самым ты сделаешь мне приятное.

В последний твой визит ты обнадежила меня, пообещав вскорости написать.

Стоит ли говорить, что меня несколько задевает и огорчает твое молчание?

Приезжай скорее, если можешь, или в любое удобное тебе время.

Как бы то ни было, знай, что даже одна строчка от тебя способна скрасить уныние твоей преданной подруги.

Мэри

Покончив с этим посланием, я получил следующее приглашение:

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 13-е декабря, 1897

Дорогой г-н С...

Вы, должно быть, полагаете, что мы все вымерли. К счастью, это не так. Если мы и не написали Вам раньше, чтобы условиться о дне, когда Вы доставите нам удовольствие, составив компанию за ланчем, то лишь потому, что были крайне обеспокоены. Трое наших крошек были серьезно больны. Не знаем, удастся ли нам выходить сучку. Двое других чувствуют себя лучше. Мой Блэкамур, слава Богу, почти вне опасности. Не могли бы Вы позаловат к нам в следующий

четверг, 16-го? Мы рассчитываем на то, что вы проведете с нами весь день. Не приводите с собой никого из собак, даже Ваше сокровище – Смайка. Мы боимся, как бы чумка ни оказалась заразной. Будет очень жаль, если Ваши питомцы занедужат. Надеюсь, что Вы находитесь в добром здравии и что Ваше новое предприятие процветает.

Предвкушаю радость увидеть Вас. Прошу принять заверения в моей искренней дружбе и поверить мне,

*Преданная Вам,
Лилиан Арвель*

Все это было отпечатано на машинке, поскольку мисс Арвель запросто обращалась с "Ремингтоном" *nan*, однако к письму прилагался листок бумаги, на котором её рукой были написаны следующие слова:

"Маленькая девочка честно признается своему папе, почему она не писала ему, хотя очень-очень хотела".

16-е декабря, 1897

Как ни напрягаю я теперь память, мне не удастся припомнить ничего хоть сколько-нибудь важного во время того пребывания в Сони. Я присутствовал на ланче и не остался обедать.

Девушка сторонилась меня. Вечером *nan*, Лилиан и я вы-

шли на прогулку; я как сейчас вижу себя, заложившего руки без перчаток за спину и грустно переставляющего ноги. Лилиан, улучив момент, когда отец не видит её, вложила пальчики мне в ладонь.

Я замедлил шаг и, когда её приемный отец оказался впереди, шепнул:

– Между нами уже все кончено?

– Да! – смеясь, ответила она.

Я поспешил отойти от неё. Она бросилась следом, повторяя:

– Нет, нет!

В это мгновение к нам присоединился отец, и я больше не мог общаться с Лилиан в открытую. Когда я отправлялся на станцию, сопровождаемый хозяином, она вышла пожелать мне счастливого пути и крикнула, подчеркивая глубокий смысл слов:

– *A bientot*¹².

Её поведение показалось мне достаточно странным. И я начал обдумывать многое из того, на что успел обратить внимание.

Она как будто боялась г-на Арвеля и вместе с тем очень его любила. Он часто пересказывал мне одни и те же истории по два-три раза, и она подсмеивалась над ним у него за спиной.

Однако когда он за столом высказывал свое мнение, я ви-

¹² *A bientot* /фр./ – До скорого свидания

дел, с каким неподдельным вниманием она смотрит на него. Он всегда говорил о ней и о её будущем. Она была лентяйкой, вздорной и неспособной зарабатывать себе на жизнь. Её проект производства дамских шляпок был фарсом. И тем не менее он возился с ней, как с ребенком. Кроме того, я заметил, что лучшие спальни располагаются на втором этаже, снабженным длинным деревянным балконом. Самая большая, находящаяся впереди, имела два окна и принадлежала г-ну и г-же Арвель; в ней стояла одна двуспальная постель. Сзади она выходила в спальню поменьше, где и спала Лилиан. Общая дверь была снята с петель, так что проход закрывали только две тончайшие, подвешенные на петлях занавески, даже не портьеры. Я счел весьма своеобразным подобное расположение спальни, в которой обитала юная особа двадцати одного года.

В сущности, я стал подозревать, что между Лилиан и любовником её матери что-то есть. Мне мерещилось, будто он смотрит на неё глазами сатира. Он всегда заигрывал с ней и щипал. Она же была настолько внимательна, что рассказывала мне, как заботится о нем.

– Только я могу с ним отлично ладить, – говорила она. – Поскольку временами у него бывает просто ужасный характер, и мама ему перечит; я же стараюсь всячески его ублажать.

Я отправил в его адрес несколько огромных посылок с книгами, романами и легкой литературой, и терпеливо вы-

слушивал все его речи.

Я чувствовал себя очень несчастным в связи с Лилиан, да и вообще дела у меня шли из рук вон плохо; новый закон 1893 года относительно биржевых операций подорвал мой бизнес. Теперь я был на Бирже редким гостем, так что перестал встречаться с г-ном Арвелем; вместо этого я занимался тем, что пытался представить на рынок изобретенный мною новый химический продукт.

В добавок к моим бедам занемогла моя собственная Лилиан, и я стал её сиделкой. Здесь я должен сделать отступление и поведать вам довольно грустную историю, которая, тем не менее, имеет некоторое отношение к этому рассказу о грехе.

Ещё в 1880 году я познакомился с молоденькой девушкой шестнадцати с половиной лет, которая брала уроки в Консерватории, намереваясь сделать сцену своей профессией. Она была божественно хороша собой: белокурая, с голубыми глазами; пряменькая, как дротик, она обладала фигурой, скопировать которую её всю жизнь умоляли скульпторы. Я полюбил её, мою первую Лилиан, и когда она невинно ответила на мое чувство, стыдно сказать, воспользовался тем влиянием, которое, как я знал, оказывал на девушку, и грубо её изнасиловал.

Поднявшись с кушетки, на которой лежала в обмороке моя любовь, лишившаяся чувств от боли и ещё не отдававшая себе отчета в том, что я с ней сделал, я механически по-

дошел к зеркалу и уставился на свое отражение. Я не узнавал себя. Лицо мое приобрело мертвенно-бледный оттенок, губы стали белыми и холодными, зубы стучали. Теперь, когда моя животная страсть была утолена, я весь дрожал, а по щекам стекали две большие слезы.

Я и в самом деле чувствовал себя убийцей. Я торжественно поклялся никогда больше, проживи я хоть сто лет, не обманывать податливую нежность девственницы.

Теперь вы знаете причину того, почему я с таким уважением отнесся к дочери моего друга. Тайну эту я никогда не предавал огласке. Я никогда не открывал её мисс Арвель. Она не знает об этом сейчас и не узнает до тех пор, пока не прочтет эту книгу.

Моя Лилиан простила меня, потому что любила. Наше взаимное чувство крепло, и, в конце концов, стало ясно, что девушка не может без меня жить. При этом о своей любви не заявляла вслух ни одна из сторон. Естественно, мы постоянно тянулись друг к другу; и просто соединялись сердцами, душами и телами в божественном союзе полов. Говоря откровенно, вопроса денег между нами не возникало. Собственно, в то время у меня их и не было. Я был игроком. Когда наступала полоса везенья, я тратил золото, когда наоборот – урезал расходы и ждал, пока мне на пути вновь не повстречается слепая дама. Такова одна из причин того, почему я оставался холостяком. Я частенько представлял себя в союзе с эдакой юной девой из мира коммерции, привыкшей

к купеческой строгости представителей её семейства. Я воображал, как после принятия окончательного решения, покупаю ей, например, пару брильянтовых сережек, а быть может, уже на следующий месяц отдаю их в залог из-за дичайшей нужды.

Итак, в то время, когда я совратил Лилиан, мне улыбалась удача. Семья её была достаточно известной, однако отец слыл транжиром и спустил целое состояние, раньше времени вогнав в могилу жену. Эта женщина была святой и безропотно прощала свою заблудшую дочь, никогда не обделяя её материнской любовью и советом. Однако спустя несколько лет она скончалась.

Как-то вечером Лилиан пришла ко мне в подавленном настроении, вся в синяках и кровоподтеках. О нашей интрижке узнали, и отец, напившись полынной водки, нещадно избил дочь. Он лягнул её так, что она повалилась на пол, прыгнул ей на грудь и вышвырнул вон.

Я взял её к себе. Никогда не забуду наши первые попытки вести домашнее хозяйство. Мы сняли маленькую квартиру без мебели, и первой нашей покупкой стал матрас, набитый сушеными морскими водорослями. Стоил он пять франков. Он был разложен на полу, а под один его край подкладывалась походная сумка, служившая одновременно валиком и подушкой. Мое материальное положение становилось, однако, все лучше, и из разрозненных предметов мебелировки, которые мне удавалось приобретать на самых дешевых аук-

ционах, я со временем сумел создать для Лилиан миленький домик, уставленный причудливым антиквариатом, изящной, старинной мебелью, и увешанный картинами, которые я выгребал из всех дыр и углов во время моих странствий.

Каждое лето мы отправлялись в незабываемое путешествие. Я возил её в Англию, Италию и Швейцарию, где мы вместе карабкались по горам и обследовали ледники. Потом здоровье её начало постепенно ухудшаться, и я превратился в сиделку у постели больной. Теперь она осталась одна на этом свете. Мать её умерла. Братья и сестры не хотели с ней знать. Иногда к нам заваливался её вечно пьяный, беспутный отец и кланчил каких-нибудь старых лохмотьев и серебряной мелочи. Бессчетное количество раз она спасала никчемного виновника своего нынешнего состояния от гибели, бесчестья и голодной смерти.

Кроме меня, никто за ней не присматривал. Целую зиму я провел у постели Лилиан, мучимой острыми приступами суставного ревматизма; половину этого времени она никого не узнавала. Ела она только из моих рук, и на протяжении трех месяцев я не давал угаснуть огню в камине ни днем, ни ночью. Превратившись в её сиделку, я был безмерно счастлив. У самого у меня здоровье было в полном порядке: я никогда в жизни не болел.

Однако летом 1895 года у неё развились признаки сердечной недостаточности, унаследованной от матери, и с тех пор она стала инвалидом. Я видел, как постепенно красота по-

кидает её прелестные черты; все шло к худшему. Она озлобилась. Я не жаловался. Я не верил докторам, не оставлявшим мне никакой надежды. Я пытался выходить мою Лилиан, я баловал её, заставляя забывать о том, как серьезно она больна.

Такова была моя жизнь зимой 1897 года: дела стоят, моя верная любовница страдает от смертельного недуга, проводя почти все время в постели, а я мечусь, готовый на все ради денег, и бьюсь над новыми химикатами.

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 23-е декабря 1897

Дорогой Джеки,

Я был настолько занят отправлением рождественских открыток, что совсем не имел времени написать и поблагодарить Вас за великолепную подборку книг, большинство из которых для меня новы и будут прочтены с огромнейшим интересом. Лилиан обещает, что сама займется ими по приезде в Ниццу, так что, как видите, Вы сделали приятное более чем одной душе.

Рад сообщить, что ртуть в виде синего шарика, каскара и подофиллин показали себя превосходными лекарственными препаратами для собак, и если Вы пожелаете, я представлю Вам все детали, и это даст Вам возможность сби-

вать температуру с быстрой молнии.

Нам хотелось бы знать, есть ли у Вас какие-либо неотложные дела в следующую субботу? Если нет, приезжайте и проведите день с нами, поскольку Вы просто непременно должны отведать наш рождественский пудинг. Вместе с тем, мы бы вовсе не хотели помешать семейным торжествам.

Ещё раз благодарю Вас, с наилучшими пожеланиями Вам и Вашим близким,

С искренним уважением,

Эрик Арвель

Никаких новостей от Лилиан лично, только это приглашение на рождественский обед. Я решил никуда не ходить, хотя был совершенно свободен, и написал вежливое извинительное письмо.

Все трое были в Ницце, и я предполагал, что никогда больше не буду "иметь" мою Лилиан. Что касается причины, помешавшей ей встретиться со мной в ту зиму, после нашего первого свидания, то я не знаю её и по сей день, хотя теперь кое о чем догадываюсь.

Я принял решение не беспокоить девушку, однако 30-го декабря я отправился с презентом для матери и дочери в бюро Арвеля на рю Виссо и послал маман следующее письмо. В предыдущие годы я дарил только *bonbons*¹³.

¹³ bonbons /фр./ – конфеты

Джеки – мадам Арвель

Париж, 30-е декабря 1897

Дорогая Мадам,

Позвольте мне первому или, во всяком случае, одному из первых пожелать Вам здоровья, благополучья и всего наилучшего, чего Вы пожелали бы сами себе и своим близким, в наступающем году и во многие последующие лета.

В знак признательности за Ваше гостеприимство и в доказательство того, что я не забываю Ваших вкусных и скоромных (обильных) ужинов я беру на себя смелость преподнести Вам маленький презент – зонтик.

Мадемуазель, Ваша прелестная дочь, всегда была столь добра ко мне всякий раз, когда я навещался к Вам, что я хочу засвидетельствовать мое к ней почтение и попросить её принять флакон с нюхательной солью, который будет ей весьма полезен, когда она возьмет банк в Монте-Карло.

Желаю ей также счастливого нового года и воплощения всех её грез в 1898 году.

Если подарки мои покажутся Вам никудышными, прошу меня простить, приняв во внимание искренность намерений.

Теперь, смею надеяться, Вы извините мой не приезд на Рождество, поскольку мы по устоявшейся традиции отмечаем его как чисто семейный праздник в нашем парижском

доме.

Жму руку месье Арвелю и желаю ему также всех благ в будущем году; к этому мне нечего добавить, ибо ему известно, с какой искренней симпатией я к нему отношусь.

Обе вещицы я выслал по почте на адрес его конторы на рю Виссо.

Преданный Вам,

Джон С..

Пожалуйста, сообщите мне адрес г-на Арвеля и день Вашего возвращения с тем, чтобы я мог выслать его газеты и журналы в Ниццу.

Да, совсем забыл про собак! Как я мог забыть кровь Смайка и Салли Брасс – мою родную плоть и кровь – у меня нет сердца!

Потому со всей серьезностью желаю счастья в новом году Лили, Блэкамуру и всем остальным от себя и от имени моей собственной своры. Да будет так!

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 2-е января 1898

Дорогой г-н С...,

Маман и я были несказанно тронуты Вашей добротой, получив от Вас два столь восхитительных подарка.

Надеюсь, мне придется воспользоваться нюхательной солью для той цели, ради которой Вы мне её презентовали. По правде говоря, я не верю в то, что это удастся, поскольку мне не настолько везет, а кроме того, в азартные игры я не играю.

Мы от всего сердца признательны Вам и за Ваши пожелания. Мы же в свою очередь ищем Вам такое количество пожеланий счастья, что я даже не берусь всех их здесь перечислить. Это было бы напрасным трудом: мне не хватило бы всего листа. Пап просит передать Вам, что он пока не знает, где мы остановимся, но как только прибудем на солнечный Юг, то незамедлительно Вам телеграфируем. Что касается нашего возвращения, мы напишем Вам сразу же, как будем знать точную дату. Маман просит Вас принять кусочек её знаменитого рождественского пудинга, который она высылает Вам сегодня же.

Все наши собачки поправились. В Новый год они вступают в полном здравии. Они передают сердечнейшие приветия Вам, а также своим родителям, родственникам и всем остальным.

Дорогой г-н С..., прошу Вас принять заверение в моей дружбе.

*Искренне Ваша,
Лилиан Арвель*

Почему она не нашла места ни одному слову о любви или

о страсти? Я не знал, я пытался не думать о ней, ища забвение в упорном труде. Той скучной зимой я проводил дни в обществе фабрикантов и патентных агентов, а ночи – в спальне моей бедной больной Лили.

Минеер Фандерпунк, достопочтенный голландский книготорговец, который частенько снабжал меня старинными и любопытными трудами, прислал мне из своей утопающей в древней пыли роттердамской лавки письмо, в котором спрашивал, не буду ли я столь любезен сделать корректуру текста и проверить гранки одного сладострастного томика, который он намеревался издать тайком под названием "Азбука или Руководство девушки на пути к Знанию". Рукопись оказалась занимательной, а само задание нисколько мне не претило.

В те долгие зимние ночи я почти не отдыхал, то и дело просыпаясь и спеша к ложу моей больной возлюбленной. Она укладывалась как можно раньше, а я, расположившись в соседней комнате, читал или курил, пытаюсь направить поток мыслей на отшлифовку текста этой до крайности похотливой книжки.

Помнится, в одной главе говорилось об "удовольствиях только мужчины при помощи женщины, но без её ответного участия". В одном абзаце рекомендовалось своего рода псевдосоитие – между плотно сжатыми бедрами женщины.

Я добавил: "Подобная позиция может быть предложена всем, кто имеет дело с очень юными девушками или полу-

девственницами... Папы, охочие до кровосмесительных связей, возьмите это на заметку". (Диалог V. Глава II.)

На уме же у меня был распутный старик и страстная притворщица из Сони.

Целых две недели я не получал от неё никаких известий, пока внезапно ей ни пришла в голову мысль послать мне письмо следующего содержания:

Лилиан – Джеки

Отель "Жоли-Сит", Монако, 17-е января 1898

Мой милый,

Вы, вероятно, и в самом деле решили, будто я совершенно позабыла про Вас, однако это не так. С самого момента нашего прибытия сюда погода стоит настолько замечательная, что нас все дни не бывает дома.

Сейчас маман гриппует, и я сделалась её сиделкой, так что теперь у меня появилось немного свободного времени. Она спит, и первое свое письмо я адресую Вам. Как поживает мой милый "пап"? Здоров и весел, надеюсь. Что, очень дурной тон?

Последние несколько дней я не в состоянии описать, в каких я вся нервах. Не знаю, в чем причина, разве что погода жаркая. Она оказывает на меня такое же действие, как приход весны. Если бы то же происходило с моим "папоч-

кой", я была бы очень раздосадована, поскольку не доверяю его милосердию так, как доверяю своему, а коль скоро меня нет рядом, результаты могли бы быть пагубными.

Я захватила с собой нюхательную соль. Она стоит на моем туалетном столике, и каждое утро, одеваясь, я рассказываю ей столько всего о моем "пап". Ах, чего я ей только ни рассказываю!

До сих пор я ещё не каталась на велосипеде, однако уже успела побывать на охоте за голубями, а в прошлую пятницу ездила в Ниццу смотреть гонки. Удалось мне и в рулетку поиграть. Я проиграла, потом выиграла и в конце концов осталась при своем.

С нетерпением жду письма от Вас. Пишите по нижеследующему адресу, разумеется, Вашим вымышленным почерком: Мадемуазель Л. Арвель, отель "Жоли-Сит", Монако.

Но только я больше не хочу, чтобы Ваши письма писала или подписывала "Мэри". Я разрываю их на мелкие кусочки сразу же по прочтении ради себя и ради Вас самого, чего Вы наверняка не можете не понять.

Я переживаю за моих собачек, особенно я тоскую по Блэ-камуру. Вашим лучше, ведь они Вас не покидают. Я знаю одну персону, которая бы не отказалась поменяться местами со Смайком.

Вам так же хорошо, как и мне, известно, кого я имею в виду.

Шлю Вам горячий, долгий и страстный поцелуй.

*Ваша любящая
Лили*

Джеки – Лилиан

Париж, среда, 23-е января 1898

Дорогая моя девочка,

Твое прелестное письмо сделало меня счастливейшим человеком. Осмеливаюсь думать, что именно на такой результат ты и рассчитывала. Мне становится удивительно приятно при мысли о том, что я владею хотя бы толикой твоего сердца, и что ты и в самом деле питаешь ко мне нежные чувства. Все остальное просто замечательно, я буквально пьянею, однако без искреннего чувства это не имеет для меня почти никакой ценности.

Признаться откровенно, я уже начал было в тебе слегка сомневаться. Тому были все причины. С 26-го ноября ты обращаешься со мной довольно странным образом. Однако я не стану омрачать своего письма укорами в твой адрес. Как только мы окажемся вдвоем, я в нескольких словах объясню тебе, что имею в виду и что, кстати, совершенно неважно сейчас, поскольку твое послание полностью развеяло мои сомнения. Ты меня поймешь, если я скажу, что ты недостаточно "деловая". Даже в любви ты должна постараться осознать, какие мучительные мысли одолевают нас, когда

мы ожидаем столь редких весточек от той, которая как-то призналась: "Я люблю вас!".

С тебя причиталось хоть одно нежное словечко, торопливо записанная мысль о чем-нибудь приятном, телеграмма – что угодно, чтобы только помочь запастись терпением тому, кто томился ожиданием в такой дали от тебя, моя милая.

Как же ты могла забыть про все эти мелочи, которые, несмотря ни на что, так важны в нашей жизни! Ты написала мне накануне отъезда, пообещав сообщить свой адрес на Юге. Телеграф молчал. По этой причине я был не в состоянии послать г-ну Арвелю его газеты и журналы. Скажи ему, что ты наконец-то это сделала и что я отправлю ему посылку в следующее воскресенье.

Моя прекрасная Лили, у твоего "пап" был острый приступ гриппа, недолгий, но не слишком приятный, так что в настоящий момент я хуже некуда. Я ослаб, возбуждился и поглупел. Я тряпка, выжатый лимон, взгляд мой лишен какого бы то ни было выражения, когда я вижу, как пылают передо мной все без исключения диваны на свете.

Я рад, что ты в добром здравии и развлекаешься. Будь хорошей девочкой и не позволяй себя обманывать.

Я часто думаю о тебе. С тех пор, как мы... я думаю о тебе все время и очень надеюсь, что ты напишешь мне обо всех тех пустяках, которые рассказываешь бутылке с нюхательной солью.

Вероятно, мысли, мелькающие в твоей маленькой головке, сродни тем, которые посещают меня, когда я вспоминаю мою дочку. Знаешь ли ты, дитя мое, как много всяких приятностей мы можем испробовать вместе? Ты даже представить себе не можешь.

Но у нас ещё будет время обсудить это, когда ты вернешься. Удачи тебе в игре! Ты ведь знаешь избитую поговорку: "Кто несчастлив в игре, счастлив в любви!". Постарайся обмануть молву, изведав счастье в обеих. Я позабочусь о моей части контракта. Таково мое пожелание.

Если получишь плохие новости о собаках – особенно о Блэкамуре – срочно вышли мне телеграмму, и я отправлюсь в Сони. Их нужно окружать максимальной заботой, как и моих. Это серьезно.

Мои псы в хорошей форме. Смайк дважды в этом месяце дрался с большими дворнягами и был покусан.

Он похож на своего хозяина, ему лучше лаять, чем кусаться. Он очень любвеобилен, не может жить без ласки и ненавидит только когда о нем забывают те, кого он любит.

Пиши мне поскорее и почаще. Мне кажется, я заслужил нескольких милых посланий. Ты же, озорница, не заслужишь такого длинного письма, каким вышло это.

Сдается мне, что я люблю тебя чересчур. Спасибо за прелестный поцелуй. Правда, он был только один. Я шлю тебе целую массу, расположи их так, как тебе самой больше нравится.

И, пожалуйста, не ленись. Не тяни с письмом, в котором ты справишься, не пошел ли я на поправку.

Крепко обнимаю, малышка, и прошу лишь о том, чтобы ты была всегда.

*Навеки влюбленный в тебя,
(без подписи)*

Лилиан – Джеки

*Серкль дез Этранжсерс де Монако
Салон де Лектюр, Монте-Карло
21-е января 1898*

Дорогой г-н С...

Два слова о нашем здешнем адресе: Арвель, отель "Жоли-Сит", Монако.

Мы все здоровы и надеемся, что и Вы тоже.

Примите заверения в нашей дружбе.

Лилиан Арвель

Лилиан – Джеки

*Серкль дез Этранжсерс де Монако
Салон де Лектюр, Монте-Карло
21-е января 1898*

Любимый,

Вы тоже не "деловой" в любви, о чем пишете в Вашем просторном хорошем письме. Вот уж не знала, что для того, чтобы сделать Вам приятное, я должна быть "деловой", главным образом в любви. В будущем я стану такой, как Вы желаете!

У Вас были сомнения, но какие же сомнения могли Вас одолевать? Для меня это загадка. Разве я не была с Вами всегда откровенна; разве не рассказывала Вам обо всем, вплоть до мельчайших пустяшек, которые бы другие девушки, менее... как бы это сказать?... менее глупые, чем я, наверняка утаили бы от Вас? До тех пор, пока я не получу от Вас пространных и подробных объяснений, Ваша дочка будет сердиться.

Так что поспешите с ответным письмом и откройте свое сердце, чтобы оно предстало передо мной во всей наготы.

Если Вы и в самом деле меня так любите, отправляйтесь в Сони и навестите Ваших внуков... тубатек. Мне будет очень приятно, а кроме того, таким образом Вы завоюете ещё большее доверие в глазах маман, что крайне необходимо.

Мы получили Ваши газеты, за что Вам от папы и от меня огромное спасибо.

Начиная со следующей недели, мы намерены провести в Ницце месяц. До воскресенья Вы можете писать мне по этому адресу.

Как только у меня будет новый, я дам Вам знать.

Вы говорите, что Ваши собаки в добром здравии? Рада это слышать. Приласкайте от меня всех и особенно моего толстяка Смайка.

Покидаю Вас. Меня ждуют к чаю. Au revoir ¹⁴. Миллион поцелуев.

Лили

Мадам Арвель – Джеки

*Отель "Жоли-Сит", Монако
1-е февраля 1898*

Дорогой г-н С...

Я признательна Вам за Вашу доброту, однако, видит Бог, предлагая Вам навещать в мое отсутствие моих собачек, я просто шутила и никогда бы не стала причинять Вам столько неудобств на самом деле. Как бы то ни было, я очень рада, поскольку теперь совершенно успокоилась на их счет. Вовсе необязательно быть в Париже, чтобы подхватить грипп, как сказала Вам моя мать. Я тоже им переболела в довольно тяжелой форме, хотя и нахожусь в стране солнца.

Мы намерены остаться здесь ещё на три недели; нам хо-

¹⁴ Au revoir /фр./ – до свидания

телось перебраться в Ниццу, однако скоро начнется Карнавал, а г-н Арвель не выносит шума.

Рада слышать, что мой пудинг пользуется таким успехом; если бы я знала заранее, то послала бы Вам порцию посolidнее, да уж видно придется подождать до будущего года.

Г-н Арвель просит поблагодарить Вас за очень интересные газеты, что Вы ему прислали.

Лилиан весьма порадовало известие о том, что Вы навестили Блэкамура и нашли его в порядке. Она просит меня рассыпаться за неё в благодарностях и говорит, что Вы должны от её имени приласкать Смайка, Салли Брасс и всех остальных.

У нас тут стоит великолепная погода, и все же мне не терпится снова оказаться дома; еда в гостинице никуда не годится.

Мы надеемся, что после нашего возвращения в Сони Вы будете радовать нас своими частыми посещениями, а до тех пор прошу принять мои заверения в самых искренних и дружеских к Вам чувствах.

Адель Арвель

Я отчетливо помню, как ездил в Сони, осматривал собак, беседовал с бабушкой, с которой до тех пор не был знаком, давал слуге на чай, выслушивал историю заболевания мадам Арвель гриппом, и как по возвращении в Париж писал

в Ниццу.

Писал я и Лилиан, давая ей понять, что не являюсь любовником в общепринятом смысле. Я не ревновал, не чинил препятствий её свободе и никоим образом не подвергал критике её поведение. Я желал ей наслаждаться жизнью, флиртовать и делать все, что она хочет. Я же хотел только её любви, до тех пор, пока она выбирала меня в качестве объекта. Кажется, я говорил о том, что расстроен её долгим молчанием и что вовсе не требую каких-то длинных посланий, одной строчки будет достаточно, чтобы дать мне понять, что я ещё не забыт.

Теперь я должен объяснить её намеки на свою собственную откровенность и простодушие.

Ещё до того, что я отваживаюсь назвать первым обладателем телом Лили, я как-то поинтересовался, кто же это научил её так мило целоваться. Она честно призналась мне в том, что в бытность ученицей у Мирьё участвовала в исключительно платонического характера интрижке с одним юношей, изучавшим юриспруденцию; звали этого молодого человека Гастон или, более фамильярно, Бэби. Обычно он поджидал её по вечерам, когда она выходила из рабочей комнаты, и отправлялся с ней поездом в Сони, откуда потом возвращался в Париж один. По словам Лили, он ограничивался тем, что целовал её в губы. Она добавила, что он очень любил говорить непристойности и постоянно рассказывал о том, как бы хотел с ней поступить, окажись она в его власти

– "ну точно как вы", прибавила она.

Как-то вечером, уже в вагоне, он неожиданно схватил оба её запястья и, задрав до самой талии юбки, попытался изнасиловать. Она вырвалась; тогда он ударился в слезы и стал просить прощения.

Он все время писал ей, и мне довелось видеть одно из его писем. Иногда он выражался весьма свободно. Особенно мне запомнилась одна довольно длинная история, в которой его семейство предпринимает попытку женить его на некой богатой даме, а он стремится развестись и вернуться к Лили. Однажды ночью он приезжает в Сони и пробирается в сад, намереваясь подобраться к её окну, но тут является *papa* с ружьем, и бедный воздыхатель перепрыгивает через ограду и спасается бегством.

Все это выглядело весьма странно и довольно бессвязно, однако подвергать девушку перекрестному допросу я не стал. Кажется, она ещё упоминала о том, что Бэби присылал свою сестру для обсуждения возможности супружества, но Лили отвергла предателя после визита к г-ну Арвелю, который честно признался в том, что он не в состоянии дать Лириан ни единого пенни и что будущий муж обязан взять её во что бы то ни стало "по-английски".

Не знаю, сколько в этой истории вымысла, а сколько – правды, однако мне хочется сразу же сделать признание, которое покажет читателю, какой развратной личностью я был в то время.

Я обожал слушать Лили, когда она рассказывала мне о своем платоническом любовнике Гастоне. Случай с попыткой изнасилования действовал на мои чувства не хуже афродизиака, и я часто просил её повторить эту историю.

Я хотел знать все подробности. Меня интересовало, видел ли он её киску или только панталоны и настолько высоко была задрана юбка.

Я чувствовал, что получил бы удовольствие, увидев её в объятиях постороннего мужчины, и грезил о том, чтобы какая-нибудь женщина бесстыдно обнажила и изнасиловала её в моем присутствии.

Мысль о том, что любовник её матери изнывает по ней, а в последнем я был совершенно уверен, переполняла меня похотью, и я имел обыкновение пристально наблюдать за ними. Я любил подмечать, как он возится с ней, шлепает по верх одежды по попке и, просовывая руку под нижнюю юбку, щиплет за икры.

Она всегда говорила, что ни за что не оставит своего *papa*, и я, когда это происходило у него на глазах, обычно с ней соглашался и замечал, что она будет умницей, если станет слепо любить его и слушаться.

Я знал, что при правильной настройке из неё может получиться изумительный инструмент наслаждения. Я пришел к выводу о том, что с самого раннего детства её ласкали, опекали и всячески баловали и *papa*, и Гастон, не считая слуг и служанок, о которых мне ничего не известно, и что именно

поэтому она с такой легкостью воспринимала все мои идеи и не удивилась, когда я спасовал перед твердыней её девственности.

Хотя она разжигала во мне чувственную тоску до самого что ни на есть предела, я все же испытывал по отношению к ней невыразимую нежность. Я принимал в ней участие, видя, как глупа и нелепа её мать и что г-н Арвель из одному ему известных побуждений не дает ей подобающего совета. Я хотел наслаждаться её искусственной любовью, которая была для меня все равно что освежающая новизна, и вместе с тем преподавать ей урок честности, всё время думая исключительно о её интересах и будущем.

Многого для неё я сделать не мог, но мне хотелось, чтобы она нашла себе достойного мужа и предстала перед ним девственницей. Так я ей и сказал. Я дал ей понять, что в день свадьбы я исчезну из её жизни, и каких бы чувств я к ней ни испытывал, они останутся при мне. Она всегда отвечала, что я буду её любовником. Я сказал ей, кроме того, что поскольку мы не состоим в браке, она в любой момент может честно признаться в том, что наша связь сделалась для неё утомительной, и я оставлю её без единого слова упрека. Я старался делать так, чтобы она не чувствовала себя стесненной, а самое главное – не пичкал её ложными обещаниями и сказками.

Воскресный вечер

(Без даты. Получено 8-го февраля 1898)

Мой ненаглядный,

Вот Вам словечко, накарябанное жутким пером, в спешке, на этом мятом листке, обнаруженном мной совершенно случайно. Вы сами просили, Вам же хуже!

У меня нет времени даже дух перевести.

Видите, мне уже пора покидать Вас. Меня зовут!

Целую Вас всего... безумно!

Лили

Я был очень занят и болен. Острый приступ гриппа, перенесенного мной, которым я заразился от моей Лили, по-прежнему отвратительно себя чувствовавшей, оставил меня в обессиленном и подавленном состоянии; все суставы мои ныли, как никогда прежде.

Возлюбленная моя была смертельно, опасно больна. Я делил с ней ложе страданий. Состояние её требовало, чтобы в комнате поддерживалась температура 70° F. Мерзкая зима подходила к своему долгожданному концу. Я часто вставал по ночам, выполнял её пожелания и спешил в другие комнаты, где термометр должен был показывать точку замерзания.

Я покончил с "Азбукой" и отослал рукопись моему доброму другу Фандерпунку.

Мое новое химическое изобретение оказалось на рынке 9-го февраля. Я едва мог держаться на ногах, и меня хватило лишь на то, чтобы закутаться в шубу и добрести до постели моей Лили.

После мучительной ночи, когда я несколько раз вставал и выполнял свои обязанности сиделки, с ноющими членами, залитыми и моим собственным потом и потом моей страдающей подруги, я урвал все же несколько коротких часов сна, однако, намереваясь покинуть постель в восемь утра, я обнаружил, что все члены мои скованы; суставы затрещали, и я взвыл от боли. Спешу напомнить, что до того момента я не знал, что такое физическое страдание.

В бессильной ярости, сходя с ума от сжигающего жара ревматизма, я потерял все то мужское, что во мне ещё было, и забылся настолько, что стал горестно укорять мою несчастную больную Лили:

– Я принес себя тебе в жертву. Тебе была отдана лучшая часть моей жизни. Я никогда не отказывал тебе ни в чём, что мог дать, а теперь ты отняла у меня единственное богатство – мое здоровье! Я буду калекой, и что от меня останется? Пока я был крепок и полон сил, мне и в голову не приходило жаловаться. Я проводил возле тебя ужасные ночи без сна и покоя, глядя, как ты мечешься в жару; я пытался заснуть, мокрый от твоего пота, и внезапно кидался в вонючий холод, чтобы принести тебе лекарства, разжечь камин и ухаживать за тобой как за ребенком. Каждую ночь ты с регулярностью

маятника могла видиться меня у своего ложа. А теперь я живая развалина! По твоей вине меня покинули силы и здоровье! Ты забрала всё, даже его! Одному Богу известно, как я выберусь из этой адской нужды! И именно в тот момент, когда я хотел, чтобы ко мне вернулись мои жизненные силы!

Мне стыдно продолжать описывать весь этот бред. Я сошел с ума. Я проклинал себя, проклинал весь свет, проклинал нашу постель и плевал на матрас и смятые простыни, хранившие запах моего пота.

Бедная Лили потрясенно зажалась в угол, глаза её расширились от ужаса, а судорожные всхлипывания сотрясали ослабленное тело.

Когда-нибудь я попрошу у неё прощения за эти бессвязные богохульствования. Она меня простит, поскольку всегда любила и будет любить. Она доказала свою любовь. Она обладала всеми теми качествами, которые мы хотим найти в женщине – нежностью, преданностью и искренностью.

Может быть, я уже попросил у неё прощения? Кто знает?

Как я натягивал на себя одежду, как выползал на улицу, не помню, но мне удалось забраться в кеб и доехать до домика моей пожилой матери, обитавшей на окраине Парижа.

Там я висел на перилах до тех пор, пока меня не отнесли в постель; беспомощное, стонущее бревно утром 10-го февраля 1898 года.

Я прошел через все муки мышечного и суставного ревматизма. Я отлично знал свой недуг, поскольку видел, как с

ним борется моя возлюбленная.

Руки начали причинять мне боль и заставили второпях начиркать несколько строк карандашом прямо в постели, чтобы сообщить Лилиан Арвель в Монте-Карло о том, как худо я себя чувствую.

Наутро 20-го февраля я получил нижеследующее письмо без даты.

Обе мои руки были уже скованы приступом и лежали бесформенными снопами ваты. Тем не менее, мне удалось расположить письмо Лилиан на подушке и дожждаться, пока я не останусь один. Превозмогая боль, я зажал его между двумя моими обрубками. Зубами разорвав конверт, я прочел следующее:

Лилиан – Джеки

Пятница. (Без указания даты и места)

Если моему папочке захочется доставить удовольствие своей несмышленной дочке, он должен переправить ей обратной почтой двести франков. Представьте себе, с того самого момента, как мы приехали сюда, я только и делаю, что проигрываю, так что сейчас у меня нет и полпенни.

Разумеется, дальше так продолжаться не может, и я сразу же подумала о Вас, прекрасно зная, что Вы будете рады оказать мне эту маленькую услугу и таким образом

доказать, что любите меня так же сильно, как об этом говорите.

Последние два дня я очень плохо себя чувствовала, и теперь от всего сердца жалею Вас, побывав в постели и испытав те же муки, что и Вы недавно. Если бы я только могла оказаться рядом с Вами, как бы я была счастлива всячески заботиться о Вас и ласкать, доказывая тем самым, как горячо Вас люблю.

Мне не терпится вернуться в Париж. Здесь ужасная скука. Я похожа на тех селянок, которых раздражает один вид шпиля деревенской церкви. Вдали от моего дорогого Парижа я ощущаю себя совершенно потерянной.

Да, я флиртую, но исключительно из чувства патриотизма; так что у Вас нет необходимости ревновать, ибо любовь моя принадлежит Вам одному.

Если Вы спросите, как мне удастся флиртовать "патриотично", отвечу:

В нашей гостинице живет один молоденький немецкий офицерик, который просто без ума от меня. Я подыгрываю ему, а когда он уверяется в мысли, будто я дала наконец-то себя соблазнить, смеюсь. Это повергает его в состояние такой меланхолии, что я не берусь её описать.

Вот видите, дорогой мой папочка, какая безнравственная у Вас дочь!

Ну да хватит сплетен, не буду больше надоедать Вам моими побасенками. Покидаю Вас с уверениями в том, что

с нетерпением жду следующего месяца. Догадываетесь почему?

Лили

Голова моя так и упала на подушку. Я закрыл глаза и застонал от смешанной физической и душевной боли.

3

*Telle que la voila
Sous les rideaux honteux de ce hideux repaire,
Dans cet infame lit, elle donne a sa mere,
En rentrant au logis, ce qu'elle a ange la.*
(Альфред де Мюссе)¹⁵

БЕЛЬ: ... Ложиться в одну постель с мужчиной, как это, должно быть, странно!

ЛЕДИ БРЮТ: Что ж, поначалу и в самом деле довольно необычно, но очень скоро привыкаешь.
(Сэр Джон Ванбруг)

На следующий день пришла почтовая открытка, на которой был изображён замок Монте-Карло, а подпись гласила: "Souvenir de Monaco"¹⁶.

Своей рукой Лили написала: "Лучшее и нежное напоминание". Надо ли говорить, что на это послание я не ответил. Я был слишком болен и слишком измучен во всех отношениях.

¹⁵ Вот так же и онаИз-за гардин стыдливых гадкого притонаВручает матери всю выручку, что лономЗа грешный труд любви получено сполна.

¹⁶ Souvenir de Monaco /фр./ – на память о Монако

Эрик Арвель – Джеки

Париж, 10, Рю Виссо, 4-е марта 1898

Дорогой Джеки,

Вы должны простить меня за то, что я не написал Вам раньше и не поблагодарил за все те приятные часы, что Вы подарили мне во время моего пребывания в Монте-Карло, где я, как мне кажется, почти получил квалификацию больничной сиделки, благодаря гриппу, который рядил нашу компанию за ужином, но зато заполнял все мое свободное время.

У меня есть для Вас новости от полковника Б..., который приезжал в Монте-Карло, вынужден заметить, не только затем, чтобы "поднабраться".

Надеюсь, домашние Ваши в порядке. Передавайте от меня привет всей семье.

Я все ещё читаю некоторые из присланных Вами книг. Когда у Вас будет время и "envie" ¹⁷, не забудьте, что повар виллы "Лириан" ещё не умер, а сама она почти доделана и готова к процветанию в веках.

Примите наилучшие пожелания, к которым присоединяются обе мои дамы. Надеюсь, думая о Лириан, что с "Морд Эмли" все будет в порядке и не получится, как с "Пэлл Мэлл Трибьют".

¹⁷ envie /фр./ – желание, охота

Остаюсь искренне Ваш,
Эрик Арвель

"Морд Эмли" было названием истории с многочисленными продолжениями, в которых живописались приключения некой лондонской простолюдинки и которыми полнились страницы одного еженедельного журнала, регулярно высылаемого мной г-ну Арвелю. Намек на добродетель героини романа, который как раз читали г-н и г-жа Арвель, потряс меня своей вопиющей бестактностью.

Недуг все ещё мучил меня, и я пережил несколько рецидивов. Возлюбленная моя тоже была очень больна.

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 11-е марта 1898

Дорогой Джеки,

С огромным огорчением узнал из Вашего письма о том, что Вас постигло. Болезнь – штука грустная. Очень надеюсь, что второе выздоровление будет гораздо успешнее первого и что когда я обращусь к Вам на следующей неделе, Вы снова будете в полном порядке.

Пожалуйста, не утруждайте себя пересылкой мне каких бы то ни было книг или журналов. Подождите, пока я сам о них не напомню и не навещу Вас лично.

В прошлую субботу я видел на Бирже Дж..., а вчера встретил Вашего брата П...; в ответ на мои расспросы они оба ответили, что все живы и здоровы.

В такую сырую и скверную погоду Вам лучше подольше побыть дома. Подождите, пока все не переменится, и тогда Вы, вероятно, сможете выбраться к нам на недельку с Вашими собаками, отведать кушаний нашего шеф-повара и прекрасно расположиться в одной из верхних спален, которая будет обустроена по Вашему желанию.

Поклонитесь от меня всем домочадцам. Примите самые искренние пожелания скорейшего и полного выздоровления от мадам, мадемуазель и от меня самого. Надеюсь, Вы воспримете приглашение погостить у нас не как любезность, а в той истинной форме, в какой оно подразумевалось.

*Всегда Ваш,
Эрик Арвель*

Как было объявлено, *papa* навестил меня, и мне представилась возможность сердечно поблагодарить его за радушное приглашение, которое я не мог принять, поскольку, хотя я каждый день проводил несколько часов на ногах, мне удавалось разве что проковылять от постели до окна. Доктор пока запрещал мне покидать спальню, где меня заботливо окружали ширмы; мне даже не позволяли ходить по остальной части дома.

Г-н Арвель пришел, чтобы поболтать. Говорил все время

только он один, за что я был ему весьма признателен, поскольку не чувствовал себя в состоянии поддерживать беседу. Помню, что речь шла о процессе над Золя, и я обнаружил, что мой друг является заклятым врагом Дрейфуса. Он не хотел слушать никаких возражений против людей, облаченных в форму французской армии. Как это часто с ним случалось, скоро я понял, что он не имеет ни малейшего представления об обсуждаемом предмете.

Незадолго до его ухода мы остались с ним на несколько минут наедине, и я попросил передать мои приветы мадам и мадмуазель Лилиан.

К моему удивлению, он воспринял эту просьбу сдержанно и мрачно. Он нахмурился, и лицо его стало терять былую выразительность.

Не буду строить из себя умника. Это изменение в лице, случившееся, когда я заговорил о его дочери, поразило меня тогда своей странностью, однако в тот момент я не придал этому случаю такого значения, с каким воспринимаю его сейчас. В сущности, я просто уверен в том, что на протяжении всего 1898 года былая проницательность изменяла мне. Думаю, что остроту ума мне значительно притупила болезнь. Иначе никогда в жизни я не проявил бы такого терпения, как в отношениях с мисс Арвель, и никогда не стал бы продолжать этот мой *liaison*.

Сейчас у меня нет ни малейшего сомнения в том, что я был ослеплен страстью к ней и что присущую мне силу ра-

ционализма в значительной степени поколебало перенесенное мною тяжкое испытание.

Я изголодался по этой девушке, несмотря на всю корыстность её побуждений, и воображал, будто она испытывает ко мне некую любовь. Смею предполагать, что я ощущал некоторую притягательной в её эгоистичной душе.

Лили – Джеки

Вторник

(Без указания даты и места, получено 26-го апреля 1898)

Мой дорогой папочка,

На два письма я не получила от Вас никакого ответа. Я перестаю что-либо понимать. То, что Вы не ответили на мое последнее из Монако, я ещё могу принять, но что случилось со вторым? Вы были больны, и для того, чтобы доказать Вам, что мое маленькое сердце нежнее Вашего, я шлю эту весточку, однако обещаю, что она будет последней, если останется такой же безуспешной, как и предыдущие. Тогда я пойму, что вы желаете забыть конец 1897 года.

Меня укусил Блэкамур, когда я пыталась помешать ему убить другую собаку. Из-за повреждения правой руки, я теперь вынуждена пользоваться пишущей машинкой.

Я тревожусь о Вашем здоровье, о котором узнаю крайне мало от папа, который в свою очередь черпает информацию

от Ваших людей на Бирже.

Потому прошу Вас ответить мне незамедлительно, если ещё хотите, чтобы я забыла Вашу преступную грубость.

Полагаю, Вы скоро почтите нас своим присутствием. Или я требую слишком многого?

Рассчитываю непременно получить весточку и как можно скорее.

Лилиан

Джеки – Лили

Среда, 27-е апреля 1898

Дорогая моя девочка,

Я был рад получать новости о том, как ты жива-здоровая, моя милая. Я уже давно и постоянно думаю о тебе. Мысленно я представляю тебя как бы в двух ипостасях. Сначала ты – соблазнительная маленькая эсеница с волнующим ртом, а потом превращаешься в милую и скромную молодую леди. Я задаюсь вопросом, какая же из двух станет моим будущим?

Вижу, что ты не забыла конец ноября. Помню его и я.

Двумя последними весточками, полученными мною от тебя из Монако, были письмо, отправленное 20-го февраля и почтовая открытка от 21-го. С тех пор я получил два

письма от г-на Арвеля. И это все. Может быть, ты выслала мне ещё какое-то письмо, которое я до сего дня не получил? Это, право, странно.

Да, признаюсь, я был рассержен, когда пришло твое последнее письмо из Монако. Больной, вконец измученный болью, я чиркнул тебе несколько строк карандашом прямо в постели. Ты ответила мне довольно холодно, ни словом не обмолвившись обо мне и моем здоровье. Я буквально вышел из себя и больше тебе не писал. Об этом я подробнее расскажу при встрече.

С 10-го февраля вплоть до страстной пятницы я лежал в постели, потом был ограничен стенами моей комнаты, переживая улучшения и ухудшения самочувствия – главным образом, последние, – а теперь я даже выхожу на улицу, правда, только днем. Думаю, все позади.

Надеюсь, твой укус не смертельный. При случае я покажу тебе, как разнимать двух дерущихся псов. Я строю из себя искусного профессора, однако и меня в сентябре покусала здоровенная псина, когда я оттаскивал от неё Смайка. Я никому об этом не говорил, хотя знать не знал этой чужой шавки. Тем не менее, я не боюсь бешенства. Быть может, я уже сошел с ума, кто знает?

Моя бедная Салли Брасс, мать твоей Лили, сдохла в прошлую субботу под вечер. От переохлаждения. Произошел застой в легких. В пятницу ей поставили горчичник, в субботу вечером второй, и она околела. Предугадать это бы-

ло невозможно. У меня было предостаточно бессловесных животных. Теперь с меня хватит. Смайк в полном порядке. Две мои маленькие сучки тоже, за исключением дочки Салли. Она страдает. По-прежнему ищет маму.

Заключительная фраза в твоём письме "почтить нас своим присутствием – или я требую слишком многого" является примером милой дерзости, которой я явно не заслужил. По-моему, наши мелкие ссоры не имеют ни малейшего отношения к Сони. Разве я не всегда вел себя корректно? Тебя нужно будет как следует наказать. Если хочешь подвергнуться экзекуции, приезжай скорее в Париж, как-нибудь вечером, когда сможешь, ладно?

Ну как, малышка Лили, чувствуешь себя гадкой и порочной девочкой? Ответь мне скорее и назначь день приезда, все равно когда. Я буду тебя ждать, как в прошлый раз, чтобы исцеловать тебя с головы до пят и доставить столько удовольствия, сколько смогу. Будет очень приятно. Приезжай! Я хочу тебя – всю.

Видишь, не такой уж я и плохой, а моя злость – кратковременна, особенно если это касается тебя, моя драгоценная дочка. Припадаю к твоим губкам,

Твой папа

Теперь, записывая эти строки, я понимаю, что то ли в силу моей болезни как таковой, то ли, возможно, за счет огромно-

го количества салицилата соли, мною поглощенного, я видел происходящее не настолько отчетливо, как следовало бы.

К примеру, я поставил Лилиан на вид тот факт, что она не упомянула о моем недуге в письме, в котором обратилась ко мне с просьбой о двухстах франках. С моей стороны это было ошибкой, что читатель сам увидит чуть позже.

Вместе с тем, мне бы следовало уделить больше внимания её истории о затеряншемся неизвестно где письме. В Париже, по самым различным адресам я получал тогда сотни писем, деловых уведомлений и любовных посланий, они приходили и ко мне домой, куда угодно, даже на адрес почтового отделения, чего требовали мои многочисленные интрижки, но я не помню, чтобы хоть одно письмо потерялось.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что Лилиан солгала мне. Она никогда не посылала мне никаких ответов с Юга. Если бы это было не так, она бы выразила обеспокоенность по поводу окончательной судьбы своего послания и наверняка стала бы переживать о том, как бы оно не угодило в руки кого-нибудь из моих родственников, каждодневно находившихся у моего ложа, или не украл ли его кто-нибудь из слуг. Позже в своем повествовании я ещё вернусь к мании "исчезнувшего письма". Когда же я сообщаю ей, что до сих пор не получил упоминаемое ею послание, она воспринимает это как пустяк, в чем читатель может убедиться сам из прилагаемого перевода:

Лилиан – Джеки

*Без указания времени и места
(Получено 28-го апреля 1898)*

Обожаемый папочка,

Ваша записка пролила бальзам на мое сердце, хотя и вынудила пролить две большие слезы. Да, не могу не признать, что известие о смерти Салли Брасс заставило меня разрыдаться, тем более, когда я думаю о том, что во время Вашей болезни она оставалась без внимания! Если бы я могла о ней позаботиться, ничего бы этого не случилось. Я счастлива, что мой дружище Смайк в порядке, но уж тогда Вы сами за ним присматривайте.

Упрек относительно моего последнего письма из Монако я нахожусь незаслуженным. Если бы Вы как следует вчитались, то, напротив, обнаружили бы в нем множество намеков на Ваше здоровье. Единственным, что могло задеть Ваши чувства, была моя просьба, поскольку Вы, естественно, отнесли меня к разряду корыстных женщин.

И все же, если бы Вы меня знали достаточно хорошо, то никогда даже не подумали бы ни о чем подобном. Я была в затруднительном положении и очень расстроена. Я предположила, что могу поведать Вам о своей проблеме и даже попросить о помощи. Теперь я вижу, что ошиблась; давайте больше вообще не будем об этом говорить!

Одно из моих писем затерялось. Я написала Вам сразу же по приезде домой.

Мое здоровье в порядке. Сейчас я чувствую себя не очень хорошо, но это ерунда.

Рассчитываю вскорости с Вами свидеться. В Париже у меня не осталось ни одного клиента. Поэтому мне нужно будет придумать подходящий повод. Но в своем ожидании Вы ничего не потеряете.

Шлю Вам нежнейшие ласки, ворчливый мой папочка!

Лили

Это письмо было для меня полезным, поскольку, упоминая о легком недомогании Лилиан, что я понял как её менструальное расстройство, оно тем самым устанавливало определенные месячные даты.

Сейчас я не в состоянии вспомнить содержание моего ответа, так как копии не сохранилось, однако он, должно быть, пришелся ей не совсем по душе, поскольку следующим на связь со мной вышел её отчим, причем почти месяц спустя.

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 23-е мая 1898

Дорогой Джеки,

После Вашего последнего визита у нас почти не было времени. Нас успешно выпроваживали из всех комнат подряд, и даже сейчас мы вытеснены на кухню. Нам бы хотелось Вас повидать и показать все, что до сих пор было сделано, однако, признаться честно, мы по-прежнему ютимся на кухне, воскрешая былые времена, а все верхние комнаты забиты барахлом, которое так любит коллекционировать хозяйка.

Как Вы посмотрите на то, чтобы отведать все, чем мы богаты, на кухне в следующую среду? У меня будет свободный день, и мы сможем выйти в сад без деревянный ботинок, если только не пойдет дождь; однако на всякий случай прихватите с собой самые прочные охотничьи сапоги, не то промочите ноги. Если у Вас есть более интересное занятие, чем сидеть на кухне, дайте мне знать. Надеюсь увидеть Вас в добром здравии и с аппетитом в сорок лошадиных сил. Дамы передают Вам наилучшие пожелания и тоже выражают надежду на встречу.

Сердечный привет всему семейству.

Остаюсь искренне Вашим,

Эрик Арвель

25-е мая 1898

По-моему, я представлял собой весьма жалкое зрелище, когда тащил свои ноющие члены вверх по посыпанной гравием дорожке, что вела через восхитительный сад к вилле

"Лилиан", где моя ненаглядная и её мать тепло встретили меня, поблагодарили за то, что я принес им обычную искупительную жертву, и помогли почувствовать себя непринужденно, в то время как отец, пребывавший в наилучшем расположении духа, делал все, чтобы мне было удобно. Говоря об их гостеприимстве, я должен раз и навсегда отдать им должное, сказав, что нигде меня не встречали с такой сердечностью и добротой, как в Сони-сюр-Марн. Как только меня ни обхаживали! Моего совета спрашивали по любому поводу.

Я ощущал, что все эти люди испытывают по отношению к мне своего рода уважение. Я говорил спокойно, без суеты, однако полагаю, что в тот момент они все в самом деле любили и почитали меня.

Дом подвергся значительным усовершенствованиям. Сад расширился в два раза по сравнению с прежним размером за счет приобретения соседней собственности, а в самой непосредственной близости от них продавался ещё один маленький дом с садиком. Г-н Арвель предложил мне купить его, однако это было невозможно по очевидным причинам, хотя Лилиан сопроводила предложение отчима многозначительными взглядами.

Темный проход рядом с кухней, где я впервые вкусил поцелуй Лилиан, исчез, а на его месте возникла новенькая гостиная, до сих пор ещё не обставленная, почему стол и накрывался на кухне. Я отведал ланч, после чего меня упрости-

ли остаться на ужин. Кажется, в тот день я первый раз провел у них весь день. С начала болезни я ни разу ещё не засиживался затемно.

Хитрюга Лилиан попросила меня помочь ей расстелить скатерть для ланча, и мы остались одни. Поймут ли мои читатели, что, оказавшись рядом с своей любовью, я сразу же так возликовал, что позабыл про все упреки относительно её безразличия ко мне с ноября месяца, относительно её денежного запроса и пропажи (!) письма? Насколько я помню, идя на поправку и перекипая через край страстью к Лилиан, я вообще ничего ей не сказал. Я был на седьмом небе от счастья. Стоило ей только дотронуться до меня, умышленно или случайно, чувственность моя возгоралась сама собой. Её воздействие на мои половые органы не ослабевало все то время, пока я её знал, вплоть до одного случая, речь о котором пойдет в должном месте.

На протяжении всего дня она была сама приятность, и ничто не могло сравниться с грацией и девичьей непринужденностью её манер. Ласки её следовали одна за другой. Стоило нам очутиться за дверью или на лестнице, неважно где, как её губы приникали к моим, и она дрожала от восторга, в то время как мои руки обшаривали, не встречая преград, весь её гибкий стан.

Я изнывал от сознания того, что виделся с девушкой недостаточно часто. Я был уверен в том, что после нескольких лишних встреч мог был делать с ней буквально *все* и навер-

няка подчинил бы её своей воле.

Я не хвастун и не мню о себе ничего особенного – если бы это было не так, зачем бы я стал писать это циничное признание? – однако я видел, что стоит мне с ней заговорить, как она отдается мне всей душой, что, оказываясь со мной наедине, чувствуя мою близость, она испытывает самое сильное наслаждение, на какое только способна женщина.

За столом она усаживала меня рядом с собой и заботилась о том, чтобы моя тарелка и бокал всегда были полными. *Papa* и маман сияли от удовольствия. Инстинктивно я понимал, что на меня смотрят как на поклонника Лилиан. Положение было завидным, и я решил пустить все на самотек, не слишком беспокоясь сегодня о том, что ожидает меня завтра.

Был упомянут приступ гриппа маман. Лилиан тоже испытала его на себе. Я поведал историю своей болезни, не упоминая, однако, причины. Ни я, ни они никогда не говорили о моей возлюбленной. В Париже знали о том, что моя красавица Лили всегда со мной и что так называемый (мною же) "брачный" адрес выгравирован на ошейниках всех моих псов. Однако о ней никто и никогда не вспоминал, включая Лилиан Арвель.

Говоря о недуге, случившемся с маман в Монте-Карло, Лилиан, оказавшаяся в тот вечер на несколько минут со мной наедине, небрежно заметила, как плохо ей было на Юге. Если удастся, она постарается больше никогда не путешествовать вместе с родителями. *Papa* все время хотел ра-

но ложиться спать. Маман вынуждена была подчиняться, так что по ночам Лилиан откровенно скучала. Я поддел её на предмет немецкого офицера, однако она ответила, что это был обычный "коридорный" флирт, а эпидемия испортила всю поездку. Ей приходилось ухаживать за матерью с помощью *nana*. У них было две спальни, одна для неё и одна для родителей, но однажды, когда маман было особенно плохо, *nana* пришел к Лилиан и *спал с ней в одной постели*.

Я умышленно удержался от того, чтобы не обратить внимания на невольное признание, слетевшее с её уст, однако я был бы слепцом, если бы не заметил откровенного желания, каким г-н Арвель пылал к моей Лилиан, дочери своей любовницы. Здесь я вынужден сознаться: вместо отвращения и ревности мысль о том, что он её любит, самым жутким образом распалила мою похоть, я словно вдохнул атмосферу кровосмешения, и это до крайности меня возбудило.

С Лилиан было не все в порядке. За едой она пила молоко и теряла аппетит. Мать попыталась заставить её есть, однако Лилиан отвергла доверху наполненную тарелку и попросила дать ей кусочки поменьше, сказав: "Чуточек!". Это её выражение сразу было подхвачено на вилле.

Рауль, её брат, тоже стал темой беседы за столом. Дела его в Лондоне шли успешно, однако его слепое увлечение Шарлоттой, или Лолоттой, как они её называли, крайне беспокоило его мать и буквально бесило отца. Лилиан принимала довольно вялое участие в разговоре, однако она не могла

простить себя за то, что воспринимала как своего рода соблазнение её красивого брата, в котором она явно души не чаяла. Когда они с Шарлоттой впервые приехали в Лондон, Рауль встретил девушек на станции, а после ужина они пошли прогуляться. По возвращению в квартиру Лолотта выждала, пока Лилиан ляжет в постель, после чего заявила, что вернется через несколько минут. В ту ночь она пошла спать в гостиницу к Раулю, заставив Лилиан пролежать в волнениях до самого утра.

Эта история была изложена передо мной без утайки; *nana*, метая громы и молнии, рассказал о том, как запретил Лолотте не только приходить к нему домой, но и вообще попадаться ему на глаза. Однако с маман и с Лилиан Шарлотта дружила по-прежнему; так что когда *nana* бывал в отлучках, она приезжала на выходные и спала в постели мисс Арвель, о чем хозяин дома был осведомлен. Эти побочные сведения, проливающие некоторый свет на жизнь провинции, тешили мою порочность. Я получал удовольствие, изучая это семейство, но больше всего, разумеется, ту любовь, которую испытывала ко мне Лилиан. Она проливала бальзам на мою гордость. Мне было 46; ей было 22; и она выбрала меня в свои любовники. Разве может быть что-либо слаще для распутника, приближающегося к пятидесятилетнему рубежу?

Я убеждал её приехать в Париж. Она отвечала, что, мол, мать её чересчур строга и держит под неусыпным взором каждое движение. Полагаю, мадам Арвель и в самом деле

приглядывала за ней, причем весьма умело. Я часто заводил с ней беседы, однако ничего путного относительно дочери из неё невозможно было вытянуть. В отчаянии я бросил это занятие. Отец был более разговорчив, и я чувствовал, что мне нужно только ждать и внимательно его слушать, если я хочу узнать что-либо о Лилиан.

Я догадывался о том, что, оказавшись у неё в Париже какая-нибудь работа или просто заказчики, которых ей надлежало обслужить, я наверняка завладел бы ею. Разумеется, легко было понять, что заставить приехать ко мне её могли бы деньги. Я мог придумать покупателей на её шляпки и чепчики в беспутной столице, заплатить за заказ, который никогда не был сделан, короче, проделать нечто подобное.

Но у меня не было денег. Содержимого моего кошелька едва хватало на то, чтобы платить за удобства возлюбленной, страдающей неизлечимой болезнью.

Лилиан показала мне маленькие и очень симпатичные часики, которые подарил ей отец; в его присутствии она заявила, что хотела бы приладить их к платью при помощи банта настоящего любовника с драгоценными камешками. Я сказал, что буду рад найти такой бант, если её отец не будет против.

Он ответил с достаточной долей откровенности:

– Что ж, Джеки, если дело за мной, то я ничего против не имею, однако мать ни за что не позволит ей принять подобный подарок. Она страшно обидится и сразу же вернет вам.

Так что вы не должны этого делать. Мы англичане, как вам известно, но вот "мисюсь" – француженка.

Несколько месяцев спустя, узнав об этом, Лилиан пожалала плечиками и сказала:

– Как бы то ни было, вы должны были мне его подарить. Они бы поворчали-поворчали и в конце концов согласились.

Когда я покидал их в тот вечер, заручившись обещанием Лилиан приехать ко мне как можно скорее и обремененный лестными комплиментами и сердечными пожеланиями её родителей, я не мог отогнать от себя подозрения о том, что замечательный подарок *papa* в виде часов был знаком признательности Лилиан за приятные мгновения, пережитые им наедине с ней в её девственной постели, когда они ухаживали за маман, слегшей от гриппа в Монте-Карло. От этой мысли по моему телу прокатывалась волна сладострастия.

Лили – Джеки

*Без указания даты и места
(Получено 29-го мая 1898)*

*Дочка не переставая думает о своем дорогом папочке.
Она обожает его и надеется вскорости увидеть.*

Долгий и нежный поцелуй,

Лили

Я попытался найти для неё клиенток из числа любовниц моих друзей, рассказывая им о дешевой маленькой *модистке*, с которой познакомился в провинции и которая была бы не прочь подработать их старые шляпки или сшить что-нибудь из их собственного материала. Мне обещали несколько заказов, и я отписал ей, сообщив о проведенных переговорах. Судя по её ответу, письмо у меня вышло очень страстное, хотя теперь я уже ни за что на свете не вспомню его содержание.

Лили – Джеки

*Без указания даты и места
(Получено 1-го июня 1898)*

Мой дорогой,

*Какое гадкое, безнравственное, нахальное и вместе с тем очаровательное письмо! Вы один умеете писать такие. Но только что за наглость классифицировать меня как маленькую *modiste*.*

Знайте же, мой возлюбленный папочка, что меня здесь считают лучшей шляпницей и слава обо мне уже разнеслась на многие мили вокруг. Я – Виро этой деревни. Очень грубо с Вашей стороны пытаться попортить мою добрую репутацию. За это Вы получите одним поцелуем и одной лаской меньше. Вот как я Вас наказываю за ваши оскорбления.

Но давайте поговорим серьезно.

Мне достаточно безразлично, на кого я работаю. Я спокойно отношусь к такому сорту женщин, которых Вы упоминаете. Они и так уже составляют большинство моих клиенток. Беда лишь в том, что они отнимут у меня уйму времени, тогда как если бы мне удалось получить заказ от оптовика, о чем я Вам говорила, мне осталось бы только подключить к работе моих девушек, после чего я могла бы сбежать и провести весь вечер с моим обожаемым папочкой. Что было бы очень гадко, но и очень приятно. Вам, у кого такая уйма свободного времени, почему бы Вам не обратиться к оптовикам и не подыскать для меня кого-нибудь среди них?

Если Вы не найдете способа оправдать мою поездку в Париж, я не отвечаю за свое целомудрие, поскольку с прошлой среды, после того, как Вы весь день провели у нас дома, у меня нет ни малейшего желания быть порядочной девушкой, скорее напротив.

Так что ищите и найдете. Вот увидите, Вам не придется жалеть о затраченных усилиях, поскольку Ваша маленькая дочка знает, как вознаградить Вас за все старания, на которые Вы идете ради неё.

Я люблю Вас,

Лили

Лили – Джеки

*Без указания даты и места
(Получено 23-го июня 1898)*

Скабрзный, но очень любимый папочка,

Просто очаровательно, что Вы думаете о своей дочурке. Она, со своей стороны, не забывает Вас, что вполне естественно, Вы не находите? Я с нетерпением жду знаменитых клиенток, о которых Вы пишете, ибо тогда мой обожаемый хозяин бросит все свои силы на удовлетворение меня!

Я стала такой гадкой, какой только могу быть, естественно, исключительно в воображении. Между тем, от мысли до её воплощения в жизнь всего один шаг, не так ли?

Сейчас Ваша маленькая девочка несчастна; её мать до ужаса строга и несправедлива к ней. Г-н А... считает, что её начинают доводить перемены в жизни и что я не должна принимать близко к сердцу то, что она говорит или делает, но мне все чаще не хватает терпения, и на этой неделе я уже дважды была на грани того, чтобы убежать из дома, поскольку перемена в её обращении со мной причиняет мне боль и переполняет отчаянием. Я плачу чуть ли не каждый день. Если бы я оказалась рядом с моим дорогим папочкой, все было бы совсем по-другому! Я хочу Вас ещё сильнее, чем всегда. Я изголодалась по той горячей привязанности, которую Вы выказываете в мой адрес. Я пала духом.

Безумно люблю Вас,

Лили

Я и в самом деле уже успел заметить, что Лилиан находится с матерью в натянутых отношениях. Об этом не нужно было даже думать. Любовница г-на Арвеля явно ревновала к тому вниманию, которое тот уделял её дочери и, как я видел, не выносила их забав. Они всегда обменивались двусмысленными шуточками и при том на весьма легкомысленные темы.

К примеру, *papa* поддразнивал Лилиан насчет "похода в театр". Он говорил: "Любишь ходить в театры, Лилиан?". Девушка хихикала, мать хмурилась, а мой хозяин откровенно смеялся. Я сидел, как дурак, и ждал возможности поинтересоваться у Лилиан, что значит "театр", тем более, что они не были заядлыми театрами. Оказывается, они были знакомы с одним джентльменом, который останавливался на некоторое время в их доме и буквально ненавидел драму. Он заявлял, что драматические театры являются вертепами и что люди посещают их лишь затем, чтобы предаваться нескромным ласкам и тискаться. Таким образом, "ходить в театр" на языке Арвелей означало действие, когда мужчина и женщина предаются похоти. Было очевидно, что Лилиан вот-вот превратится, мягко выражаясь, в орудие удовольствия своего отчима. Мне же нравилось видеть юную распутницу и чувственного старика вместе. Так я пришел к выводу, что ни

г-н, ни г-жа Арвель не в состоянии дать стоящий совет брату или сестре. Какой линии поведения придерживаться в жизни; каковы их обязанности перед собой и обществом; будущее женщины; честность и порядочность мужчины – ничего, что бы указывало на добродетель, не обсуждалось в их доме. Почему? Мать и тот, кто претендовал на положение отца, были абсолютно не в состоянии чему-либо научить детей. На вилле "Лилиан" не знали чувств – только аппетиты. Их научили исключительно тому, что нужно зарабатывать деньги и экономить; есть и пить; а если им встретится человек не отличающийся такой хитростью, как они, пользоваться преимуществом.

Сейчас я не наблюдал в доме Арвеля никаких проявлений любви. Лилиан нравилась ему похотливо; г-жа Арвель души не чаяла в муже потому, что он был опорой, однако все они злословили за спиной друг друга. Когда же их аппетиты были удовлетворены, они начинали ссориться, как ссорились при мне, без малейшего смущения.

У *nana* был грубый, громкий голос; один строительных дел мастер отказался прийти к ним снова, поскольку, по его словам, не привык к тому, чтобы на него кричали. Г-жа Арвель была женщиной сварливой и не могла бы удержать при себе ни одного слуги, а Лилиан дерзила матери потому, что ощущала поддержку отца.

Тем не менее г-н Арвель временами тоже ополчался на дерзкую Лилиан. В мой последний приезд он сказал ей, что

женщины неспособны добывать себе средства к существованию. Она насупилась, и на лицо её легла черная туча. Когда она отвечала, губы у неё были синими:

– Мне хватает. Разве я не плачу тебе за постой?

– Вполне, – проворчал Арвель. – Но ты не платишь ренту и налоги!

– Это будет последней каплей, – огрызнулась девица. Только попроси, чтобы я сейчас дала тебе деньги за ренту, и моей ноги здесь больше не будет!

Подобные ссоры имели место, как правило, перед едой, когда все их нервы были расшатаны приступом голода. Стоило им разогреться вином и мясом, как они снова делались приятными в обхождении, а *papa* щипал Лилиан, когда та проходила мимо, и обменивался ласкательными словечками со своей любовницей. Я всегда сидел и помалкивал, хотя г-жа Арвель могла обратиться ко мне и иронично заметить:

– Ну разве он не душка?

У меня часто возникало впечатление, будто я явился на ланч или обед в буфетную, где кухарка и повар вздорят со своей дочкой, служанкой хозяйки. Но что мне-то было с того? Я страстно желал Лилиан.

В ответ на её послание я предложил ей попробовать смириться с домашними неурядицами, ибо если она отважится оставить дом, жизнь её пойдет наперекосяк. Она и думать не могла о карьере молодой женщины, предоставленной самой себе. Счастье вне пределов социальных условностей бы-

ло для неё заказано, и она вынуждена была разыгрывать лицемерку, чтобы сделать, как лучше, и принять все то, что исходило от матери, которая все же любила её, воспитала и дала образование. Я постарался обрисовать положение женщины, исходя из общечеловеческих понятий, и таким образом увидел, как молодой особе, хотевшей оказаться в надежных руках, было позволено упасть в мои объятия в надежде на добрый совет. То, почему Арвель не стремился наставить её на путь истинный, было очевидно. Он хотел её сам, хотя, возможно, в то время, он и не подозревал о своих желаниях или был неспособен оценивать собственные чувства. Полагаю, что проанализируй он ощущения, рождавшиеся в его груди, он бы постарался обуздать то, что я воспринимал как растущее желание обладать дочерью его любовницы. Однако он не отдавал себе отчета; он только знал, что её близость ускоряет ток его застоявшейся крови; что он снова чувствует себя молодым, когда веселит или ругает её – кроме этого, его ничто больше не интересовало и не трогало.

Мысли о её будущем, её интересах, об окончательном финале столь неестественной связи, видимо, никогда не приходили ему в голову, иначе он вел бы себя поскромнее и прекратил свои никчемные пререкания, а кроме того, стал бы удерживаться от обсуждения с ней климактерического периода её матери. Однако в обращении с девушкой он зашел ещё дальше, как она сама рассказала мне в ответ на мой вопрос о том, любит ли г-н Арвель её мать или нет.

– Да нет, не очень. Маман говорит, что сейчас он до неё даже не дотрагивается. Свою любовь к ней он доказывает теперь редко и нерегулярно.

Я отбросил всю щепетильность. Если Лилиан не будет играть со мной, ей захочется ещё кого-нибудь, и в один прекрасный день наступит очередь *nana*. Я не мог её уберечь.

Я стал говорить ей о том, что полюблю её ещё сильнее, если она будет мне послушна. Я хотел быть её хозяином. Она должна подчиняться мне как рабыня.

Я не мог больше ждать. Я жаждал её и, поскольку обещанные клиентки оказались не такими расторопными, как мне того хотелось, сгорая от нетерпения ещё раз вкусить её нежного тельца, предавался размышлениям и останавливался на мысли о том, что небольшая наличность может решить все проблемы. Я написал ей и поинтересовался, в состоянии ли она разыграть эту маленькую комедию:

"Скажи своим, что слышала о долге – неужели никто не должен тебе по счетам? – и приезжай за ним в Париж. Встреться со мной, и я передам тебе чек на пятьдесят франков. Возвращайся домой и продемонстрируй деньги маман, дай их ей, если она захочет, заметив при этом, что тебе удалось получить одну часть и что перед отъездом на море та же дама обещала выплатить тебе вторую половину. Через две недели ты снова приедешь в Париж и вернешься домой к родителям с ещё несколькими луидорами. Так я куплю вольную для своей рабыни у её матери."

Лилиан – Джеки

Среда

(Без указания даты и места. Получено 15-го июня 1898)

Мой единственный господин,

На сей раз я постараюсь не надоесть Вам своими проблемами; я утаю все на самом дне моего сердца, и только когда мы окажемся наедине, я, облаченная в наряд Матери Евы – ибо такова Ваша воля и так Вам будет приятно – приоткрою уголок моего сердца, содержащего все причины моих слез. Спасибо Вам за ту быстроту, с какой Вы ответили на мою последнюю записку. В Вашем добром и странном письме я обрела новые силы. Как только мать начинает быть со мной несправедлива, я думаю о Вас, и хотя по природе своей я нетерпелива, мне этого хватает для того, чтобы не реагировать на её поступки и высказывания и сдерживать слова, которые так и рвутся с языка, что всегда приводит к скандалам. Все же это очень трудно, и, должно быть, я и в самом деле люблю Вас всей душой, если могу так укрощать совой характер. Вы определенно правы во всем, что говорите, и я решила последовать Вашему доброму совету.

Идея Ваша вполне осуществима, тем более что у меня есть должница, и папа об этом знает. Правда, здесь есть

одно "если" или "но". Сама мысль о необходимости взять деньги у Вас мне отвратительна, поскольку Ваши чувства и так уже были задеты во время моего пребывания в Монте-Карло.

Я плохо выражаюсь, но Вы, так хорошо меня понимающий, сумеете прочесть между строк.

Заказщицей, о которой я говорю, является некая мадам Хелена Мюллер. Она задолжала мне почти семьсот франков, и я никогда не получу с неё ни су.

Чиркните мне словечко и скажите, когда я смогу Вас увидеть. Я разовью предложенную Вами историю, и все будет в порядке.

Я свободна, кроме пятницы, когда ко мне пожалуют несколько заказчиц на примерку шляпок.

Скоро, я надеюсь, я увижу моего столь обожаемого папочку. Поцелуев я не посылаю; сохраню их всех до очной беседы. Ваша покорная раба,

Лили

Эрик Арвель – Джеки

10, рю Виссо, Париж, 17-е июня 1898

Дорогой Джеки,

Вы меня просто потрясаете. Огромная благодарность за книги. Вы лучшие всех. Не хотели бы вы пожаловать к нам на

*ужин sans ceremonie*¹⁸ в понедельник вечером. М тоже будет, и мы сможем предложить богатый стол.

Передайте мои сердечные пожелания родителям и всем остальным, остаюсь,

Искренне Ваш,

Эрик Арвель

Лириан – Джеки

Без указания даты и места.

(Получено 19-го июня 1898)

Возлюбленный господин,

Завтра, в субботу, у меня получается очень занятой день, поскольку мне нужно будет отправить домой работу целой недели, и, как вы сами понимаете, я должна там присутствовать, чтобы проверить, правильно ли все доделано.

В понедельник к нам на ужин приходит один джентльмен, и ходят разговоры о том, чтобы пригласить некоего М. Джеки С... Я его не знаю, но хотела бы познакомиться, а поскольку я желаю доставить ему удовольствие, мне в тот день лучше никуда не выходить, а не то я буду недостаточно хорошенькой вечером.

Мисс Арвель скажет М.С..., в какой день дочка сможет подарить несколько приятных часов своему дорогому папоч-

¹⁸ sans ceremonie /фр./ – без церемоний, запросто

ке. Между тем я шлю Вам долгий-долгий поцелуй и тысячу ласк, одна нежнее другой.

Лили

20-е июня 1898

О том импровизированном ужине мне почти нечего рассказать. Мне удалось провести несколько коротких мгновений наедине с моей возлюбленной и напомнить ей о том, что я ожидаю от неё полнейшего послушания во всем. В следующий раз, когда мы встретимся, ей придется подчиниться самым страшным ласкам; я измерю глубину её любви по тому, как она смирится с моим жесточайшим с ней обращением, если мои капризы увлекут меня в этом направлении. Она была моей, и я мог поступать с её телом по своему усмотрению. Вершиной страсти для меня будет ощущение, что она находится в моей власти, что я вправе причинить ей боль, а она должна сносить все муки, подбадривая себя мыслью о том, что все эти страдания, какими бы неприятными они ни были, рассчитаны на удовольствие её хозяина. Говоря это, я резко ударил её по лицу, и она ответила радостным воркованием горлицы.

– Вы больно мне делаете!

Приободрившись, я ущипнул её за руку. Она хотела было вскрикнуть, но не решилась, поскольку *papa* находился совсем рядом, и пробормотав "Ах, вы причинили мне боль!",

растаяла на моих жадных губах.

Я снова объяснил ей, что, хотя она совершенно свободна в глазах света и может, если пожелает, выйти замуж завтра же, не услышав от меня ни слова ревности, оказываясь со мной *tete-a-tete*¹⁹, она должна отбрасывать чувство стыда; я намерен вытравить из неё её врожденную стыдливость, принуждая делать все, что захочется мне. Я научу её, как получать удовольствие, когда её унижает, когда над ней надругается мужчина, которого она любит; постепенно она будет наслаждаться мыслью о попрании всех законов приличия. Начальная стадия заложит основы неведомых ей доселе мук и страданий, которые будут усиливать и продлевать её чувственное удовольствие, а острая боль после моих злонамеренных наказаний будет оттягивать мгновение радости, и в конце концов эти противоборствующие ощущения ввергнут её в дичайший водоворот похоти. Она увлеченно выслушала меня и сказала, что эта идея безумно ей нравится. Я втайне решил сделать из неё искусную шлюху. Она забудет о том, что такое стыд, и не станет шараться, что бы ни выдумал развращенный ум мужчины в исступлении страсти. Мне хотелось – что за бредовая иллюзия! создать проститутку из девственницы и вручить будущему супругу эдакую непорочную Мессалину. Я знал, что легко могу вылепить её по своему желанию.

Любой может правдами и неправдами заставить девушку лежать смиренно, а при помощи небольшого усилия и шар-

¹⁹ *tete-a-tete* /фр./ – с глазу на глаз

ма постепенно установить полное взаимопонимание, однако формирование девственницы по своему желанию представлялось мне чем-то новым и благотворно влияющим на обрывки моей поистрепанной совести. Я жаждал насладиться резвой девчушкой и в тот момент скорее отрезал бы себе руку, чем причинил ей вред или обесчестил. По недомыслию своему я полагал, что веду себя с ней благородно, и приписывал себе немалую выдержку. Кто скажет теперь, был ли я прав или ошибался?

22-е июня 1898

Я не без колебаний приступаю к рассказу о том, как в конце концов получил возможность обнять не завуалированные формы моей Лилиан, потому что мне предстоит сделать признание, которое наверняка не будет в должной мере понято многими моими читателями.

Я любил Лилиан всеми фибрами моей черной души. Что поделать, если мой мозг не способен к ревности. Я отдал ей свое сердце. День и ночь я думал только о ней, однако мне было безразлично, чем она занимается и кому дарит свою благосклонность, пока она доказывала, что любит меня. Хуже всего то, что я хотел, чтобы у неё были и другие поклонники. Я бы сам отдал её в объятия многих мужчин, если бы только потом она снова вернулась ко мне. Мысль о том, что любовник её матери преследует Лилиан с похотливой одер-

жимостью, что он, возможно, является её настоящим отцом, только усиливала мою любовь к ней. Ну, разве не отвратителен я после этого? И все же в то же самое время – вопиющее противоречие, которое я сам не мог понять, если только это не было воспоминанием о моей первой Лилиан – я уважал её девственную плеву. Я рассматривал её как священный дар доверия, нечто, чему я не должен повредить и к чему не имею права применять насилие. Она была для меня кумиром, которому нужно поклоняться, который я слишком чтил, чтобы его разбить или испортить. Раз и навсегда я должен, ибо поклялся говорить правду, сделать заявление, к которому больше не вернусь.

Когда бы я ни назначал Лилиан встречу, я всегда заранее доводил себя хотя бы раз до семяизвержения, либо за ночь до этого, либо, чаще всего, утром, поскольку виделись мы по вечерам, с тем, чтобы сохранять холодность и не поддаваться возбуждению, оставаясь таким образом хозяином своих страстей и удерживаясь от покушения на её венец девственности.

В конце концов моя милая девочка приехала, причем довольно пунктуально. Она села рядом, поближе ко мне и зашебетала. Она рассказала, что один *employe*²⁰ из контор "Гарде Л'Эст" часто докучал ей своими ухаживаниями. Он хотел жениться на ней. Он встречался с её отцом, который прямо заявил, что у его дочери нет приданого и что он не отдаст

²⁰ employe /фр./ – сотрудник

её ни одному мужчине до тех пор, пока тот не предоставит доказательств того, что является обладателем состояния, насчитывающего по меньшей мере десять тысяч фунтов. Бедный клерк упал духом и ретировался. Если эта история и в самом деле имела место, она доказывала лишь то, что г-н Арвель не хотел выдавать дочь замуж. Я намекнул ей на это, но она в ответ только рассмеялась и страстно меня расцеловала; я отвечал на ласки, буквально пожирая её лицо и шею. Теперь она превратилась для меня в неразрешимую задачу. Я не мог ни снять с неё одежду, ни даже задрать на ней юбки. Она отбивалась от меня. Я был раздосадован, утомлен и разгорячен. То была не любовная схватка, а настоящий поединок; на все мои попытки она без усталости отвечала:

– Вы делаете мне больно! Ой, вы делаете мне больно!

В конце концов я убедил её согласиться раздеться и лечь со мной в постель. Поторговавшись и выдвинув условием, что я задерну оконные занавески, она уступила. Полагаю, она поняла, что меня начинает раздражать её затянувшееся сопротивление.

Она заставила меня раздеться первым, лечь и подождать её.

Я согласился, и вскоре она скользнула ко мне под одеяло. Я собрался было заключить её в объятия, когда она уложила простынку между нами таким образом, чтобы наши тела не соприкасались вовсе, и истерически расхохоталась. Однако скоро я обнял девушку и завернул подол её ночной рубаш-

ки, получив возможность вкушать истинное наслаждение от прикосновения её плоти к моему обнаженному телу.

Я взял её руку и приложил к своему члену. Она отдернула пальцы и отвернулась от меня. Я поинтересовался, почему она так делает.

– Ой, да просто я такие рожи корчу, когда мне приятно! Вы не можете себе представить, как я нервничаю!

Откуда она знала о том, что миг наслаждения превращает её в дурнушку? Кто сказал ей об этом?

– Ты должна взять его в руку, Лили!

– Нет! Нет! – воскликнула она.

– Смотри, я трогаю тебя! – сказал я и ловко поиграл её пуговкой.

– Вы делаете мне больно! – в который раз заскулила она. Тогда я, теряя терпение и понимая в душе, что она просто кокетничает со мной, обхватил её за талию, сдернул простыни и покрывало и полностью обнажил девичьи ягодички. Попка у неё была кругленькой, имела приятные формы и выглядела пышнее, чем можно было бы ожидать от столь изящно сложенного существа.

– Ну так что, не будешь делать, как я хочу? Хорошо, я тебя заставлю. Я буду шлепать тебя до тех пор, пока ты не подчинишься!

Сказав это, я забыл о всякой жалости, крепко сдавил её правой рукой, а левой обрушил целый град звучных шлепков на нежные ягодички.

Она отбивалась, визжала и все время причитала:

– Вы делаете мне больно!

Я шлепал её изо всех сил, не обращая ни малейшего внимания на крики; кажется, ей пришлось страдать минут пять – долгий период, когда подвергаешься наказанию.

В конце концов, у меня заболели пальцы, дыхание сбилось, и я уже готов был остановиться, когда она сдалась и попросила пощады, протянув при этом руку, чтобы обласкать мои достоинства. Теперь она стала сговорчивей, и я онанировал её до тех пор, пока она не пустила эликсир, продолжая, однако, сетовать на то, что мой любопытный палец причиняет ей боль.

Возможно, я зашел чуть дальше, чем требовалось. Возможно, я хотел выяснить, не была ли девственная плева повреждена в период между ноябрем и июнем. Но нет, Лилиан по-прежнему была *virgo intacta*²¹.

В результате всех этих маневров, которые, как я видел и чувствовал, ей весьма нравятся, девушка сильно увлажнилась. Я лег на неё, заставил развести в стороны бедра и вложил головку моего инструмента между наружными губками её грота; губки были, кстати сказать, очень пухлые, волосатые и предрасположенные к полноте. Я не хотел пользоваться предоставленным мне преимуществом, однако наслаждался ощущением, возникающим в кончике моего древка от объятий второго ротика Лилиан.

²¹ *virgo intacta* /лат./ – нетронутая девственница

Когда я зашел-таки слишком далеко и сделал толчок, будто бы намереваясь приступить к внедрению, девушка вспомнила свой крик попугая:

– Вы делаете мне больно!

Я соскользнул с тела Лилиан. Она легла набок. Когда я прижал девушку к себе, её попка оказалась напротив моего дробника. Я вложил распираемое пламенем орудие между крепких полушарий. Ей это понравилось. Я передразнил её неизменное, заунывное "Вы делаете мне больно!".

Я спросил, счастлива ли она и не хочет ли, чтобы я её пососал.

– Сначала я хочу вас! – пробормотала она.

Тогда я, придя в неистовство, вопреки всем моим попыткам сдерживать извержение, принялся елозить взад-вперед так, словно вознамерился заняться с девушкой содомией; я почти уверен в том, что конец моего мужского органа вошел ей в анус. Она была весьма волосата и, в отличие от большинства женщин, имела легкую поросль вокруг крохотной морщинистой дырочки, спрятанной между восхитительными ягодицами.

Скоро я выпустил заряд, и Лилиан осталась в постели. Закрытость её прелестного задка не позволила выскользнуть наружу ни единой капле. Я поинтересовался, удалось ли мне хоть чуть-чуть проникнуть внутрь, однако она стала это отрицать. Потом была ещё игра, когда я снова заставил её довольствоваться моим пальцем; тем временем я занимался

тем, что сосал её большие огненные соски. На сей раз она сама попросила меня онанировать её. Эта последняя схватка была оценена ею по достоинству, однако ничего больше она не хотела.

У неё в головке витала некая смутная идея о том, что она может выйти замуж и не позволить супругу взять её. Казалось, она приходит в ужас, представляя, как бурав мужчины вторгается в её тело. Она постоянно просила меня быть осторожней с её клитором, когда я его щекочу; она слышала историю, как одну девушку любовник изнасиловал средним пальцем! У меня возникло впечатление, что настоящее соитие с мужем или любовником не соблазняет её.

Я начал осторожно рассказывать ей о моем приятеле, с которым дружил в Англии. Он был лорд и состоял в браке. Будучи гораздо старше супруги и исповедуя, к счастью или к несчастью, те же идеи терпимости, что и я, он позволял своей дрожайшей половине заводить любовников; я хотел, чтобы Лили направила к этой легкомысленной чете своего брата, трудившегося в Лондоне. Она отказалась говорить с ним на эту тему.

Я предложил ей других женщин, если она надумает попробовать трибадизм²². Однако пока эта идея ей не улыбалась. Скоро я выяснил, что на сомом деле она любит мужчин и будет не прочь "пошутить" с двумя партнерами одновременно. Я спросил, не хочет ли она сходить на ланч со мной

²² Трибадизм /или "трибадия"/ – то же, что и лесбийская любовь

и с моим другом из Лондона. Она ответила, что с удовольствием, однако отказалась навестить его, когда осенью приедет в Англию.

Когда все кончилось, и она оделась, видя, что я довольно спокоен и даже холоден по отношению к ней, Лилиан приникла ко мне и стала сбивчиво и мило извиняться за все свои проступки.

– Я хотела быть вашей рабой и, поднимаясь в поезд, представляла себе все, что буду делать и как безропотно отдамся вашим объятиям. Но когда вы завладели мной, я не смогла подавить чувство стыда. Позвольте мне сперва привыкнуть к вам, и тогда я стану по-настоящему вашей "вещью", преданной вам и даже ещё более покорной, чем Смайк; вы не представляете, каких трудов мне стоит набраться храбрости и преодолеть эту Рю де Ляйпциг по пути к вам.

Потом ей захотелось снова заправить постель, чтобы прислуга не обратила внимание на то, что мы ею воспользовались.

Это смешение в ней истинной или притворной невинности с природным распутством и кокетством смущало и радовало меня. Она пробудила во мне сильнейшую похоть, и стоило мне только взглянуть на неё, как в мой мозг начинали проникать самые грязные мысли об утонченном наслаждении.

Мы покинули дом, и я отвел её в кафе, где нам принесли пинту сухого шампанского. Осушая бутылку и беседуя на

ничего не значащие темы, я увидел, как у Лилиан опускаются веки, ноздри трепещут, а на алых губках, разгоряченных недавними прикосновениями моих усов и зубов, появляется слюна.

– О, да ты кончаешь! – воскликнул я.

– Да, дорогой, но откуда вы знаете?

Я указал на выдавшие её признаки и поинтересовался о причине.

– Только потому, что сижу здесь с вами вдвоем! Боже, я насквозь промокла!

Она была не прочь вернуться на Рю де Ляйпциг, но уже было слишком поздно. Несмотря на то, что стоял месяц июнь, мне повезло, и я взял закрытый *fiacre*²³, благодаря чему по дороге на станцию, смог проверить, действительно ли моя девочка потекла.

Должен напомнить, что я вручил ей пятидесятифранковый банкнот, который, по её словам, она была вынуждена показать маман, чтобы отчитаться за свою продолжительное отсутствие. Опечаленный, я покинул Лилиан и по пути домой все думал о её симпатичных панталончиках, украшенных тесьмой, и изящной сорочке им в тон, с маленькими бантиками из розовых ленточек. Я представлял себе наши будущие оргии с ней – моей Лилиан – и зашел в этих мечтах достаточно далеко.

²³ *fiacre* /фр./ – фиакр, наемный экипаж

4

Trouver, dans une souffrance de degre tres variable, tantot legere, tantot grave ou d'un raffinement atroce, qu'on fait infliger, qu'on voit infliger ou qu'on inflige enfin soi-meme a un etre humain, la condition toujours necessaire, et parfois suffisante, de la jouissance sexuelle: telle est la perversion de l'instinct genital qu'on designe sous le nom de sadisme.

(Л.Туано)²⁴

Лили – Джеки

*Без указания даты и места
(Получено 24-го июня 1898)*

Сейчас пять часов утра, однако, будучи не в состоянии сомкнуть глаз, я осторожно встала, чтобы не разбудить спящих домочадцев и быстро чиркнуть несколько строк моему возлюбленному господину.

²⁴ Находить в страдании самой различной степени – будь то легком, то сильном, или в ужасающей утонченности, заставляя наказывать, наблюдая за наказанием или, в конце концов, самолично подвергаясь наказанию от рук человеческого существа, – всегда необходимое и иногда достаточное условие достижения сексуального наслаждения: это и есть извращение полового инстинкта, получившее название “сализм”.

Со вчерашнего дня во мне борются самые противоречивые чувства. Я стыжусь своей похотливости и вместе с тем сожалею о том, что была столь сдержанной.

Я обожаю Вас, одна только мысль о Вас сводит меня с ума. Я изнываю от желания снова Вас увидеть. Я изголодалась по Вам. Я хочу быть Вашей, целиком и полностью; быть Вашей вещью, Вашей работой.

У меня к Вам есть одна просьба: когда мы встретимся в следующий раз, если я паче чаяния и вопреки собственной воле откажу Вам хоть в чем-нибудь, умоляю, произнесите вслух простенькую фразу: "Сделай это, чтобы доказать мне свою любовь!".

Я знаю, что я очень глупа, но, мой дорогой и любимый папочка, я прошу лишь о том, чтобы Вы учили меня; часто я ругаю себя за то, что берегу ради какого-то существа, которое наверняка никогда в жизни не полюблю, ибо только Вы владеете моей душой, моим сердцем, моим телом.

Какими же долгими покажутся мне дни до конца этого месяца! Боюсь, я уже успела уязвить Вас своим невежеством и робостью.

Вспоминаю Ваши губы,

Ваша

Лили

Лили – Джеки

Воскресенье

(Без даты. Получено 27-го июня 1898)

Обожаемый господин,

Сегодня Ваша девочка страдает. Не беспокойтесь. Ничего серьезного; через три-четыре дня все пройдет.

Какой Вы хороший и великодушный! Вы обладаете терпением ангела, но Ваша дочка и правда превратится в рабыню в самом буквальном смысле этого слова.

Одной из причин, почему мой жалкий стыд не позволяет мне быть покорной, как бы я сама того желала, является то, что я не считаю себя достаточно хорошенькой для Вас. Я ужасно боюсь рассеять все Ваши иллюзии, Ваши, человека, знавшего такое множество женщин. Если бы я была сформирована как настоящая женщина, а не как глупая, неуклюжая девчонка, все было бы совершенно по-иному.

Сложена я хорошо, я знаю, но чересчур худа. Мне бы хотелось быть обворожительно прекрасной для Вас; только Вам на радость и в удовольствие.

К следующей нашей встрече у меня накопилась уйма вопросов. Есть некоторые вещи, в которых я совершенно не в состоянии разобраться и сгораю от желания их знать!

Когда захотите увидеть меня, подайте мне знак, и я прилечу к Вам, моя любовь, но только не раньше конца месяца.

Я обожаю Вас,

Ваша

Лили

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 30-е июня 1898

Дорогой Джеки,

Мадам уполномочила меня выразить Вам её глубочайшую признательность за то восхитительное дополнение, какое Вы сумели сделать к её туалетному столику. Ума не приложу, где Вы только нашли такие великолепные хрустальные бутылочки, ведь их в наши дни уже не производят; уверяю, встречены они были с неописуемым восторгом. Мы все никак не можем на них наглядеться, а поскольку доставлены они были вчера вечером, мы то и дело берем их в руки. Вы слишком добры и повергаете нас в растерянность, когда мы думаем о том, с каким великодушием Вы всегда склонны отвечать на гостеприимство, которое в Вашем случае оказывается для нас самих сущим удовольствием. Не могли бы Вы пожаловать в субботу с тем, чтобы провести у нас весь день, а мы – получили возможность отблагодарить Вас за Вашу доброту? У нас будут свежие фрукты и овощи, а если нам повезет, мы предложим Вам такого гороха, который Вам едва ли приходилось пробовать. Передайте мои искренние пожелания всем Вашим домочадцам, которые, надеюсь, находятся в полном здравии.

*Искренне Ваш,
Эрик Арвель*

Лили – Джеки

*Без указания даты и места
(Получено 1-го июля 1898)*

Любимейший господин,

*Приходите завтра, тогда и договоримся о понедельнике,
если хотите.*

*Томлюсь желанием увидеть Ваше, столь дорогое мне ли-
цо.*

*Приезжайте как можно раньше и постарайтесь задер-
жаться подольше, если хотите сделать приятное своей ра-
быне и подарить ей немножко счастья.*

Я была бы не прочь Вас укусить,

Лили

2-е июля 1898

День получился долгим и счастливым. Большую часть времени я сумел провести наедине с моей Лилиан. И она была моей, насколько вообще может быть женщина. Она весьма изменилась, и я чувствовал, что теперь она находится полностью под моим влиянием. Она была милой, нежной и до-

верчивой.

Как и раньше, она попросила меня помочь ей накрыть стол для *dejeuner*²⁵, и, хотя маман то и дело заходила в гостиную, нам удалось обменяться множеством тайных ласк. Лили обладала каким-то особенным, свойственным только ей добродушием. Никогда не забуду одной её спонтанной выходки, которую она тоже больше не повторяла; не помню, чтобы какая-нибудь другая женщина делала со мной нечто подобное. Я сидел на диванчике в конце комнаты, а Лили была занята за столом. Она выронила тарелку и, молча приблизившись, наклонилась и прижалась ко мне щекой. Я ничего не сказал, она – тоже. Так она оставалась несколько мгновений. И все.

Я обращался с ней по-доброму, однако настаивал на послушании и отдавал короткие приказы целовать или трогать меня, как того требовала моя капризная фантазия. Необходимость быть мне покорной очень нравилась девушке. Она сказала, что сознает свой никудышный характер, терпеть не может, когда ею командуют, и что ни мать, ни отец не в состоянии вынудить её сделать то, чего бы не хотелось ей самой. Однако передо мной она добровольно складывала оружие.

Ссылаясь на свое письмо, она хотела, чтобы я ей объяснил чарующую тайну мужской эрекции. Я дал ей краткое пояснение, и она ответила, что думала, будто у мужчин твердость

²⁵ *dejeuner* /фр./ – завтрак

и упругость наблюдаются всегда. Я поинтересовался, приходилось ли ей обращать внимание на своих псов. Она сказала, что не любит этого делать и никогда не отваживалась.

Папа как-то заметил в разговоре со мной, что Лилиан ненавидит читать книги. Он попытался было слегка её образовать, предложив несколько здоровых английских романов. Французские романы он старался в своем доме вообще не иметь. Я подумал о "*Les Demi-Vierges*", но промолчал. Я никогда не заводил с ним бесед о девушке, никогда даже не упоминал её имени; однако почти всегда он сам начинал рассказывать о ней. Я спросил Лилиан, любит ли она книги, а она ответила, что обожает читать. Тогда я захватил с собой "Желтую комнату", которую дал ей; Лилиан убежала прятать книжку.

Эта история полна бесстыдства и рассказывает о флагаелляции²⁶ и пытках, которым подвергал двух молоденьких девушек эротически настроенный дядя одной из них.

В течение дня, потеряв терпение, Лили сумела на время исчезнуть и перелистать её, а вечером призналась мне в том, что с интересом прочтет о страданиях героини. Я предостерег её от описанной в книге преувеличенной жестокости. Я попытался объяснить ей наслаждение, получаемое влюбленной женщиной, подчиняющейся самым похотливым желаниям, и что покорность тоже не лишена удовольствий. Я снова сделал ударение на той радости, которую намерен испы-

²⁶ Флагаелляция – наказание поркой

тать угнетая и унижая её, когда мы останемся наедине; она же в ответ заявила, что те усилия, на которые ей придется пойти, чтобы подавить свою непослушную натуру ради моего деспотического удовлетворения, окажут на её чувственность самое необычайное эмоциональное воздействие.

Я не могу рассказать о том, как мы целовались и ощупывали друг друга. Я учил её лизать мое лицо, шею и уши и периодически заставлял трогать напрягающийся под тканью брюк дротик.

Я предлагал Лили класть на это место руку, чтобы почувствовать мягкость. Затем я соединял наши губы и, взяв пальчики девушки, ещё раз накрывал ими теперь уже затвердевшее древко. Этот урок набухающего мужества ей очень понравился.

Теперь я подхожу к принципиально новому опыту, полученному мной в тот день. Находясь в Сони в прошлый раз, я велел Лили перед следующей нашей встречей у неё дома повязать волосы на её "киске" тесемкой или ленточкой, причем так, чтобы кончик выглядывал из-под платья. Цвет повязки должен был соответствовать оттенку платья с тем, чтобы я мог иногда дергать за кончик, не привлекая к себе внимания посторонних. По легкой боли, возникающий при оттягивании волосков, я мог бы почувствовать, что нахожусь в интимной связи с самой сокровенной частью тела девушки, и одновременно проверить её преданность мне, обладая возможностью причинять ей боль, когда мне этого хочется.

Она будет доказывать свою любовь, снося это надоедливое неудобство, и посредством подобной смиренной покорности моим самым причудливым и развратным капризам демонстрировать, что всем сердцем любит меня. Она попыталась сделать вид, будто эта идея насмешила её, однако я видел, что слушает она меня внимательно, а оригинальность моей странной причуды ей даже нравится. Она нашла особенное наслаждение в роли рабыни "очень грязного папочки", как она назвала меня, а когда я упомянул слово "инцест", что бывало со мной довольно часто, Лили закрыла глаза, ноздри её затрепетали, а ротик в буквальном смысле увлажнился: влага слюны оросила её чувственные, выразительные губы.

Перед самым ланчем я сказал:

– Ты делаешь вид, будто согласна подчиняться мне, однако ты не выполнила того, о чем я просил тебя в прошлый приезд.

Она сразу же поняла, о чем идет речь, хитро на меня взглянула и сказала, что будет покорной.

В течение вечера маман ездила в Париж за ещё одним новым слугой. *Pana* предложил мне вместе с ним прогулять собак, однако я отказался, сославшись на боль в щиколотках. Я не обманывал его, ноги у меня и в самом деле ныли, хотя и не так сильно, как я хотел это представить. Он попросил меня в таком случае посидеть на скамейке в саду и позвал дочь из киоска, где она работала со своими помощницами, чтобы та

составила мне компанию, пока его не будет. В доме не осталось никого, кроме Лили, её работниц и меня. Лили показала мне кончик ленты, выглядывавший из заднего кармашка её платья: она прикрепила ленточку к волосам на левой стороне лобка и вывела вокруг бедра через разрез в нижней юбке. Она сидела рядом, и я то и дело дергал за ленточку, отчего Лили морщилась, говорила, что я делаю ей больно, и украдкой целовала, внимательно следя за тем, чтобы никто из девушек её не заметил. Я сказал, будто не верю тому, что она и в самом деле закрепила ленту там, где хотелось мне, и, просунув руку в отверстие, добрался на ощупь до узелка, удостоверившись в точности выполнения моего желания и слегка пощекотав бороздку. Я сказал Лили, что она плохо её привязала и что в следующий раз лента должна выпускаться из-за ремешка или пояса. Она ответила, что так тоже можно сделать.

Я сообщил ей о том, что мой лечащий врач отправляет меня в Лямалу на процедуры, которые продлятся двадцать один день, чтобы избавиться таким образом мой организм от остатков недуга, все ещё дававшего о себе знать. Я с трудом мог передвигаться и сжимать пальцы, однако затянувшаяся болезнь не повлияла на мою мужскую энергию.

Она договорилась о встрече со мной 5-го августа в два часа дня, и я, как обычно, рассказал ей о том, что намереваюсь с ней сделать. При мне будет маленькая плеточка, так что, получив несколько ударов ею, Лили, вне сомнений, что-

бы избежать дальнейших наказаний, сделается очень покладистой и не будет мне противоречить; со временем мне таким образом удастся сломить барьеры её стыдливости, которые, как я с готовностью допускал, были простительны и естественны.

Я проинформировал её и о том, что собираюсь покрыть поцелуями каждый уголок её тела, которое ей придется самым непристойным образом выставить напоказ перед моим похотливым взглядом; я даже просуну язык между щечками её попки и велю ей сделать то же и со мной.

– Да, дорогой! А что ещё... расскажите мне?

Я научил Лили брать мои пальцы в рот, облизывать их и сосать, а потом проделал это с её пальчиками.

– Гастон обычно целовал мне руки, – сказала она.

– Но он ведь не прикасался к твоим губам?

– Никогда! – беззастенчиво выпалила она. – Вы первый мужчина, который коснулся моих губ своими.

Она забыла, что уже рассказывала мне о том, как "бэби" учил её голубиным поцелуям.

После этого наше уединение вновь нарушалось до тех пор, пока Лили перед самым ужином не вышла набрать зелени к салату. Я следовал за ней по пятам и увидел роковую нить, выпавшую из платья и теперь волочившуюся по земле между её ног. Я шепотом сообщил об этом Лили; маман и *papa* были поблизости, за столом, поскольку ужинали мы на открытом воздухе. Девушка смутилась, неловко повернулась,

сама наступила на ленточку, и неожиданный рывок заставил её подпрыгнуть от боли.

Когда ужин закончился, отчим в сопровождении Лилиан окольной дорогой повел меня к станции, чтобы ещё немного прогулять собак, и мы разговорились о работе девушки в качестве шляпницы.

– Полагаю, – сказал я, – что при составлении счетов вы иногда накидываете по несколько франков, если заказчица заведомо не отличается сообразительностью?

– Никогда, – ответила Лили. – Я не стану обманывать представительниц моего же слабого пола. Грабить мужчин, это я ещё понимаю, но только не женщин.

Я навсегда запомнил это её неосторожное заявление.

Теперь речь зашла о замужестве, и Лилиан ещё раз сказала, что не допускает даже мысли о том, чтобы оставить своего папочку; при этом она прижалась к моему гостеприимному хозяину. Я ответил, что вполне могу это понять и что она права, оставаясь при нем, тогда как он, отпустив её на все четыре стороны, совершил бы глупость. Я добавил, что он избаловал её, но что муж возьмет над ней власть. Я, к примеру, верил в действенность телесных наказаний. Молодым женщинам просто необходима плетка, и если бы мне самому пришлось заботиться о ветреном создании, будь то дочь или жена, я бы всегда имел при себе хлыст, к помощи которого прибегал бы без зазрения совести. Г-н Арвель согласился со мной, и я заметил, что удивительно, но наша

рискованная беседа доставляет ему удовольствие. Лицо его сделалось серьезным, а потом он рассмеялся. По особенно-му выражению глаз и общей мрачности его физиономии я мог с уверенностью судить о том, что им владеет некое сладострастие. Настоящее чувственное желание – вещь серьезная. Мужчина всегда серьезен и мрачен, когда затронута его развратность, что является признаком дремлющей в нем животности. Лилиан смеялась, лукаво поглядывая на меня. Она знала, что я имею в виду. Когда станция была уже близко, девушка поотстала и показала мне знаком, что исправила свою ошибку и вывела конец тесемки над поясом впереди платья. В окружавшей нас темноте я получил возможность приблизиться к ней и потянуть за ленту. В ответ я получил тихое "ох, больно!", после чего последовало её рукопожатие, торопливый поцелуй и вздох наслаждения. Я больше не давал о себе знать, и мать с отчимом решили, что я уехал 5-го, однако я сделал все так, чтобы посвятить тот вечер Лили, и удалился восвояси лишь на следующий день.

"Азбука" была уже готова, и я пообещал г-ну Арвелю, что сразу же вышлю ему экземпляр, поскольку он всегда любил почитывать всякую не слишком пристойную беллетристику. Свое обещание я выполнил дня два спустя. Он сказал, что постарается сделать так, чтобы книжка не попала на глаза Лили, а сам будет читать её исключительно в кабинете. Это замечание поразило меня, поскольку совершенно не требовалось от г-на Арвеля. На обратном пути в Париж я смутно

представлял себе дочь Арвеля и Адель читающей одновременно "Желтую комнату" и "Азбуку". Я начал думать, что понял бы его слова в целом гораздо лучше, если бы поверил в противоположность всего того, что он говорит, особенно когда он упоминает имя Лили.

Вернувшись в Париж, я рассказал ей о том, что *papa* получит от меня один неприличный труд, попросил втихаря тоже его прочесть. Я сказал Лили, что хочу снабдить его этой развратной книжкой для того, чтобы он поднабрался опыта и, может быть, изнасиловал дочь, когда меня не будет рядом. В августе она останется вдвоем с бабушкой, поскольку *papa* и маман собираются ненадолго в Германию.

Нагруженный сердечными пожеланиями укрепить здоровье ваннами в Лямалу и получив наказ по возвращении первым делом наведаться в виллу "Лириан", я сел в поезд и закрыл глаза, думая о том, какие ещё радости уготованы мне перед отъездом.

2-е июля 1898

По пути на Рю де Ляйпциг, где должна была состояться наша встреча с Лили, я купил легкий бамбуковый прут или, иначе говоря, хлыст для верховой езды, чтобы не идти по улицам с обычной плеткой.

Явившись на свидание, пунктуально, одетая с кокетством, которое должно было дать мне понять, каких усилий стоил

ей этот туалет, она прямо с порога спросила:

– А где ваша плетка?

Я показал ей прут.

– Это для тебя, Лили, а потом – для моих собак.

В руке она держала "Желтую комнату", которую, как она решила, я хочу сразу же получить обратно. Я сказал, что она может держать книжку столько, сколько сочтет нужным, и читать не спеша. Лили читала её в поезде. Призналась, что книга ей понравилась. Чтение распалило её, и ей пришлось удовлетворять себя пальцем. Я обратил её внимание на то, что раньше она говорила, будто никогда этого не делает.

– Как правило, нет, но иногда я просто не могу удержаться.

Я посоветовал ей сдерживаться и не давать волю привычке. Когда я продолжил свои наставления и сообщил, что постоянная мастурбация приводит к снижению тонуса и эластичности половых органов у женщин, отчего тайная щелка перестает закрываться, а внутренние губы удлиняются, она поблагодарила меня за совет и пообещала бороться и искушением, чтобы не иссушать столь прелестную часть своего тела.

– Я люблю мою киску, – призналась она. – Мне нравится разглядывать волосы на ней. Обожаю играть с ними.

Я сказал, что киска у неё и в самом деле очень милая и что было бы обидно её испортить. Две большие внешние губки должны смыкаться естественным образом, но если Лили и

дальше будет заниматься онанизмом, они не смогут этого делать.

Я попросил её показать мне тот абзац, который явился причиной кризиса. Она прочла:

– "Он вставил свой колоссальный причиндал в её пылающую п..." и т.д.

Это было не совсем то предложение, которое столь чрезмерно возбудило её, однако оно-то и довело дело до конца. Лили не понимала отдельных слов, но догадывалась об их значении по контексту. Она считала, что исключительная, кровавая и затянута жестокость, описываемая в том, невозможна, однако вполне принимала идею доминирования мужчины над женщиной, покорной его похотливой воле, и сама слегка фантазировала не тему грубости. Впоследствии она хотела прочесть новые книги, но только не на тему лесбиянства. О чем угодно, просто о страсти или о жестокости, если она имела место между мужчинами и женщинами. Она полагала, что на свете все возможно и приятно, если мужчина и женщина любят друг друга. Это была далеко не плохая философия, принимая во внимание, что проистекала она естественным образом от девственницы двадцати двух лет. Как же она теперь изменилась после общения со мной!

Во время нашей беседы я усадил её рядом с собой на диван и велел повыше приподнять подол платья, поскольку хотел видеть и чувствовать её ноги, икры и колени. По своему усмотрению я заставлял её то раздвигать, то снова сдвигать

бедра, скрещивать и разводить ноги.

Я страстно её целовал. Мои губы странствовали по всему её лицу. Я целовал её глаза, лизал и нежно покусывал ушки. Последняя ласка особенно ей понравилась.

Я заставил её встать передо мной; угрожая плохим обращением и, пощипывая за мясистые части рук, сломил её слабое сопротивление, просунул руки под платье, вытянул из-под штанов сорочку и положил ладонь ей между бедер, полностью накрыв центр любви. Таким же образом, не отрывая руки от её полных, волосатых губок и не обращая внимания на краску стыда и протесты, я провел девушку по комнате. Ощущение было приятным для нас обоих. Когда она шла, я наслаждался, чувствуя движение её мягких бедер и придерживая ладонью меховую шкурку. Я остановился перед зеркалом гардероба и заставил Лили взглянуть на странную группу, которую мы собой являли. Она спрятала лицо на моем плече, и я почувствовал, что теперь она увлажнена, разогрета и готова на все.

Я поинтересовался, может ли она снять штаны, не раздеваясь. Она ответила утвердительно.

– Английская девушка не смогла бы, но я прикрепляю штаны к корсету.

Я откинулся на спинку дивана и велел ей снимать их медленно, не присаживаясь. Она проделала это послушно, и я получил истинное наслаждение, наблюдая, как Лили вынимает ножки из разукрашенного лентами белья. Я подождал

её и снова поставил перед собой, в непосредственной близости; при этом сам я сидел в *chaise-longue'e*, и руки мои в первый раз беспрепятственной ощупывали под одеждой её живот, попку, бедра и природное отверстие. Для меня это был момент восторга. Я вложил указательный палец как можно глубже между твердых ягодиц и стал винтообразным движением постепенно вкручивать его внутрь, одновременно ощущая, как растёт её наслаждение спереди, где средний палец моей левой руки умело продолжал сеанс смелой ласки. Мне стоило немалых усилий проткнуть её анус, однако, к моему удивлению, девушка не пожаловалась на боль. Впоследствии она призналась мне, что ей понравилось чувствовать мой палец в заднем отверстии. Кризис наступил для неё довольно быстро; она больше не могла стоять вертикально и вскоре медленно опустилась на колени, ошеломленная, задыхаясь от удовлетворенного сладострастия и склонив голову мне на грудь. Я целовал нежную шею и доводил девушку до оргазма со скоростью, на которую только была способна моя кисть, пока она сама ни вырвалась из моих объятий.

Тогда я велю ей раздеться передо мной донага. Она с негодованием отказывается. Настает время прибегнуть к помощи моего прутка, и, поскольку она по-прежнему противится, я два или три раза вытягиваю её по бицепсам и плечам; морщась от жгучей боли, она соглашается разоблачиться до сорочки. Я снова целую и облизываю все прелести её торса, теперь почти голого; я учу её, как нужно сосать мои губы,

как щекотать кончиком языка мои щеки и лоб, не забывая при этом о шее и ушах.

Достаточно возбудившись, я приказываю ей снять сорочку.

– Никогда! – восклицает она.

Я снова берусь за прут и наглядно показываю Лили, насколько она не права, что отказывается, будучи уже обнаженной чуть ли не до пупа. Однако она по-прежнему не хочет уступать, и я стегаю её, правда, не слишком сурово, по спине, плечам и рукам. Мне доставляет удовольствие видеть темные рубцы, оставляемые посвистывающим бамбуком. Она вздрагивает от каждого удара. Я уверен в том, что ей нравится быть наказуемой мужчиной. Неожиданно я разворачиваю её и, приказывая замереть в таком положении, трижды стегаю по голым ягодицам. Я задираю на ней сорочку, целиком обнажая округлый задок; девушка тихо стоит на коленях, облокотившись на диван. Я никуда не тороплюсь и медленно считаю:

– Раз, два, три!

Бедная маленькая попка получает три резких удара поперек обеих ягодиц, то есть, хотя я не говорю ей об этом, в общей сложности шесть. Я приручил девушку; она поднимается с искаженным лицом и роняет к ногам грешную сорочку. Наконец-то она оказывается стоящей передо мной нагишом, в ярком свете солнечного летнего дня. Я снова целую и ласкаю её, восхищаясь плоским животом и великолепной

порослью, черной, как ночь.

Лили явно в растерянности, однако скоро я вновь заставлю её улыбнуться, обещая, что никогда не стану делать ничего для неё неожиданного.

– Я буду всегда сообщать заранее о своих желаниях и если то, что я задумал, тебе не понравится, говори мне, а уж я решу, даст тебе хозяин поблажку или нет.

Я откровенно ей объясняю, что намереваюсь сделать.

– Сначала я всю тебя оближу, а потом буду сосать, а потом ты будешь сосать у меня, пока я не разговеюсь целиком и без остатка тебе в рот. Однако я хочу сразу предупредить тебя об одной очень важной вещи. Когда я обладал тобой в первый раз, ты выплонула мой эликсир. Для мужчины, которого любит женщина, это равносильно оскорблению. Ты должна проглотить все до последней капли и не выпускать орудие изо рта до тех пор, пока тебе ни скажут. Если ты не в состоянии выполнить того, о чем я говорю, это означает, что ты не любишь меня, поскольку что бы от меня ни исходило и каким бы грязным это ни казалось, оно не может вызывать в тебе отвращение.

– Но я не могу. У меня не получится. Может быть, я даже заболēju.

– Попробуй, и если ты меня на самом деле любишь, у тебя получится.

Теперь я тоже уже был обнажен. Я обнял девушку, словно ребенка. Она была легкой, как перышко. Я поднял её, по-

ка её тело ни оказалось на уровне моего подбородка, и изо всех сил отбросил на постель. Трудно передать прелесть её голенького тельца, неуклюже падающего на простыни.

Вскоре мы уже сплелись на одеяле, и я не могу описать всех наших поцелуев, ласк и объятий. Я лизал лицо девушки, посасывал её шейку, соски и щекотал языком подмышки, в то время как её живот, пупок и бедра тянулись за своей долей поцелуев к моему жаждущему рту. Она повизгивала от удовольствия и скоро не то заворковала, как горлица, не то замурлыкала, как котенок. Я перевернул Лили на живот, и через несколько мгновений её затылок, плечи, позвоночник, поясница и попа увлажнились моей слюной. Я захотел просунуть язык между округлыми ягодицами, однако она мне этого не позволила. К тому моменту я был чересчур возбужден и лишен сил, чтобы настоять на своём. Поэтому я просто лег на девушку, сделал вид, будто совокупляюсь, и почувствовал, как кончик моего дробтика постепенно проникает внутрь.

– Ой, мне больно внизу. Наверху было приятно.

– Тогда возьми за него сама и вставь туда, куда тебе хочется.

Она положила головку прямо на свой чувственный бутон, и я осторожно начал движение, потирая набухшим концом её клитор. Это ей понравилось. Я сказал, что женщина может получать удовольствие, когда её берут в задний проход. Позволит ли она мне проделать то же и с ней? Она ответила

утвердительно и без колебаний. Я предупредил, что в первый раз будет больно.

– Как жаль, что все, происходящее впервые, причиняет боль!

Она повернулась ко мне ягодицами, предлагая их с нежным взглядом.

– Я должен полизать тебя там, чтобы сделать дырочку влажной.

– Нет! Не надо!

Тогда я смочил слюной свою стрелу и начал вводить её толчками между пышных щечек.

– Вы неправильно делаете! – воскликнула она.

– Руководи сама, Лили.

Она послушалась, и я вошел одним рывком.

– Ох! – жалобно взвизгнула девушка. – Больно! Мне так больно, папочка!

При этих словах меня охватил прилив жалости. Какое малодушие, подумал я, вот так содомировать мою доверчивую малышку! Я отказался от своего замысла и мой орган заметно потерял твердость.

– Попробуйте ещё, – сказала Лили и снова взялась за мое оружие. – О, да вы недостаточно возбуждены!

Я не стал говорить, что пришло мне на ум. Не сознался я в этом и позже. С тех пор я часто думал о том, чтобы предостеречь её от предоставления своего анусика в распоряжение мужчины, однако постоянно забывал это сделать. Боюсь, что

когда она прочтет эту книгу, будет уже слишком поздно.

Я устал и покрылся испариной, однако желание по-прежнему не покидало меня. Я отдохнул и преподал Лили небольшой урок по искусству руководства, показывая, как нужно держать мужской ствол, как двигать кистью, медленно или быстро, и тому подобное. Она оказалась смышленной ученицей.

Потом она встала, чтобы заняться волосами, и, вынув гребешки и заколки, распустила свои длинные пряди, которые упали черными потоками ниже её тоненькой талии.

Она подняла бамбуковый прут и принялась поддразнивать меня, нанося по моему распростертому на постели телу легкие удары. Я вскочил и хотел было выхватить у неё прут, однако задача оказалась невыполнимой. Я гонялся за девушкой по всей комнате, представляя собой, должно быть, весьма комичное зрелище: полунапряженный член, болтающаяся на бегу мошонка. Когда я уже готов был схватить её, Лили прыгала на постель и соскакивала с другой стороны, так что ложе всегда оказывалось между нами. Задыхаясь, я, в конце концов, лег и холодно заметил:

– До чего же противно видеть, как молоденькая леди совершенно голая прыгает по комнате! Лили, и тебе не стыдно?

Она поняла мои слова буквально и бросилась надевать сорочку.

– Конечно, я же голая! Я совсем забыла!

И она села на диван, стараясь прикрыть киску. Вскоре я

снова избавил девушку от сорочки и в который раз заключил в свои объятия.

Затем я серьезно взялся за неё, перекатывая из стороны в сторону, а она тем временем ощупывала мое копье и тебила придатки так, как я её только что научил. Я не просил её трогать меня, пока я буду её сосать. Она делала это по собственной прихоти. Я открыл губы затененной щелки и внимательно осмотрел её снаружи и изнутри. Она была маленькая и розовая, довольно узкая и тоненькая внутри. Влагище явно никогда не отрывалось. Лили была истинной девственницей. Она кончила, и некоторое время мы просто отдыхали.

– Теперь вы! – сказала она.

– Как?

– Как хотите!

Я раздвинул ноги и поставил девушку на колени между моими разведенными в стороны бедрами. Она наклонила голову и заглотнула своего дружка. Несколько подсказок, и вот уже она сосет меня, как профессионалка. Её большой рот и чувственные, полные губы говорили о том, что она рождена для того, чтобы всю жизнь сосать мужские орудия. Я подложил под её щеки ладони и задержал голову, медленно пронзая и оставляя теплый рот и поясняя, что совершаю с ней соитие низменным и неестественным образом.

Затем я извлек член из её ротика и велел сосать только мошонку, одновременно щекоча кончиком языка напряжен-

ный ствол. Пока Лили занималась маленькими оливками в мешочке, я тер свой увлажненный орган о её пылающие щеки и рассуждал о том, что в один прекрасный день могу кончить на её лицо, на волосы, короче говоря, на неё всю, пока каждый уголок её тела ни будет испачкан мною. Слушая эти сальности, девушка крайне возбудилась и взялась за порученное с новыми силами. Я просунул бедро между её ног и стал тереть им бороздку. В конце концов, я почувствовал, что не могу больше выносить прикосновений её языка. Я взял её голову и стал двигаться сам, продолжая беседовать с Лили самым отвратительным образом, когда разразилась буря; девушка щекотала языком мой член до тех пор, пока я ни отпихнул её.

Подняв глаза, она сказала очень авторитетным и серьезным тоном:

– Вот видите, ничего не осталось!

Я похвалил её, и она робко попросила меня позволить ей выпить воды. Я милостиво согласился, и тогда сладострастная весталка стала умолять позволить ей пососать меня ещё! Ей это понравилось!

Было пять часов. Мы находились в комнате с без четверти три. Я был совершенно разбит и до сих пор не успел упаковать вещи к завтрашнему отъезду. Мы целовались и пылко прощались.

Лили обнаружила неподдельную ревность и все пыталась заставить меня рассказать о других женщинах, желая, веро-

ятно, услышать о моей любовнице. Она не верила тому, что я собираюсь отправиться в Лямалу один. Сказала, что будет писать мне каждый день, чтобы я о ней не забывал. Я не должен был вступать ни в какие любовные связи с женщинами, однако она позволила мне иногда проводить с ними ночи, поскольку считала, что мне это необходимо. Она сказала, что ей безразлично, скольких женщин я имел до сих пор, однако новых соперниц она не потерпит.

Дома она не сможет получать ответы на свои письма, поскольку её непременно выдаст почтовый штемпель. Тогда я договорился с ней о том, что буду подписывать письма инициалами и слать их в адрес почтового отделения на рю де Страсбург, что рядом с Восточным вокзалом. Ей никак невозможно было ездить в Париж без подходящего повода, однако часто родители могли неожиданно послать её туда за чем-нибудь, но тогда ей надлежало вернуться следующим же поездом. В таких случаях она могла бы зайти на почту.

Квартира на рю де Ляйпциг не слишком её заботила. Шалунья была не прочь, чтобы я сам снял какое-нибудь местечко, где она могла бы хранить *peignoir*²⁷ и т.д.

Теперь она была полностью одета и призналась, что беседа со мной сделала её совсем мокрой. Я проверил. Под внешними губами, которые были очень большими и волосатыми, обнаружилось удивительное количество влаги, однако, поскольку смыкались они идеально плотно, снаружи было со-

²⁷ *peignoir* /фр./ – пеньюар

вершенно сухо.

Я рассказал ей о "французских письмах". Она не знала, что это такое.

– Почему бы вам ни достать их, тогда вы могли бы владеть мной всецело, не опасаясь оставить меня в интересном положении?

"Почему бы вам" было любимым выражением Лили, однако я знал, что не могу на него полагаться.

Я заставил её ощутить через брюки, как сознание того, что она такая влажная, возбуждает меня, и ей снова захотелось лечь в постель.

Я поинтересовался, похож ли её отчим на человека, втихоря читающего "Азбуку"? Я поделился с Лили своей уверенностью в том, что он влюблен в неё.

– Почему вы так решили? – спросила она, напуская на себя вид полнейшей невинности.

– Потому что ты девушка, которая призвана разжигать в мужчинах похоть, и я не понимаю, как он может жить под одной с тобой крышей и не хотеть тебя, тем более что мне он кажется натурой весьма страстной и почти не принимает в расчет твоей матери.

Я внимательно наблюдал за ней, однако она даже глазом не моргнула. Не было ни возмущения, настоящего или поддельного, ни отвращения, ни удивления.

– Ты должна тереться об него, где только сможешь, пусть твоя щека и волосы касаются его лица, когда вы вместе пе-

чатаете на машинке и тому подобное, а потом посмотри на его брюки и тогда увидишь, есть ли у него эрекция. Так ты выяснишь, испытывает ли он к тебе то половое влечение, которое я в нем подозреваю.

– Как-то на днях, – ответила она, – он вошел ко мне в спальню без стука. Я сидела перед зеркалом в сорочке и приводила в порядок волосы. Он страшно покраснел и вообще выглядел довольно глупо. Он отругал меня за то, что я не закрываю дверь, а я возразила, что, мол, нужно было стучаться.

Однако она забыла, что между обеими комнатами нет ничего, кроме занавески.

Она упомянула о новой привычке её любимого Блэкамура забираться в кресло у неё за спиной и нюхать ей подмышки. Я сказал, чтобы она почаще мыла эту часть своего тела.

– Разумеется, я мою. Каждое утро!

– Тогда используй пахучее туалетное мыло. Собаки терпеть не могут никакой парфюмерии.

– Мама говорит, чтобы я никогда не мылила подмышки мылом. Это очень вредно.

– Если хочешь привлекать мужчин запахом женщины, любым способом избегай мыла. Но совет твоей матери скорее годится для кокетки, а не для уважаемой девушки, и очень меня удивляет. Подозреваю, она просто этого не знает.

Потом я сунул обещанные пятьдесят франков ей в ладошку, тем самым буквально окрылив Лили. Когда она поки-

дала меня, осыпая заверениями в любви, это была уже другая девушка: любящая, постепенно утрачивающая всякое стеснение. Я решил, что после нескольких подобных свиданий мне уже будет нечему её учить.

*Вначале Бог дал знанья клад бесценный
Не то шуту, не то девице пленной;
Они живут и дышат лишь любовью,
Что облагает сердце жаркой кровью.
Желанье девственниц, забывших срам:
Сокрыв румянец, волю дать устам.*

(Поуп)

Достопочтенный граф Фонтарсийский была моим старым другом и, настолько я помню, знакомство наше к тому времени продолжалось вот уже более пятнадцати лет. Он превосходил меня во всех отношениях, по рождению, здоровьем и полученным образованием, я же смотрел на него с восхищением снизу вверх, поскольку он обладал всеми достоинствами англосакса. Человеком он был немногословным; сдержанным, но предельно честным; пронизательным и дальновидным. Я очень гордился нашей с ним дружбой и старался быть по отношению к нему как можно более лояльным. Я никогда не заводил друзей, которые стояли бы ниже меня на социальной лестнице, и не общался с людьми, лишенными образования.

Если я не мог войти в гостиную к самому высокопоставленному чиновнику в стране, то предпочитал оставаться в стороне или вкушать радости уединения. Поэтому я был горд и польщен тем, что лорд Фонтарсийский ищет моего общества. Когда я приезжал в Англию, он приглашал меня к себе в лондонский дом или принимал в своем загородном замке, а если ему случалось быть проездом в Париже, он всякий раз давал мне об этом знать. Когда я пишу эти строки, ему за шестьдесят, это по-прежнему бодрый и энергичный человек, властный и рожденный повелевать. Его обуревают те же беспристрастные мысли, что и меня, по поводу отношений полов, а посему, как два сладострастных человека света, мы вместе пережили немало необычных приключений, что, однако, не имеет ни малейшего касательства к тому короткому эпизоду моей жизни, о котором я сейчас веду речь.

Лорд Фонтарсийский развелся с женой, однако вступил в связь с обворажительнейшей женщиной, находившейся с ним в далеком родстве, на которой он впоследствии женился. О его *liaison*'е знали, хотя смотрели на это сквозь пальцы, как то водится в кругах британской аристократии. Если друзья приглашали его поохотиться или пострелять, при этом никогда не забывали о леди Кларе, как я впредь буду её называть, а их спальни по странному совпадению, если и не соседствовали непосредственно, то всегда оказывались поблизости одна от другой. Да и в новомодных светских газетах их имена то и дело встречались рядом.

Она была очень хорошей женщиной, тихой, спокойной и чувственной; однако внутри неё пылал огонь страсти, который не мешал ей здраво судить о людях и вещах. Я нравился ей, и она была со мной весьма любезна. Я никогда не занимался с ней любовью, хотя, думаю, пожелай я того, лорд Фонтарсийский закрыл бы глаза на любую её выходку с Джеки, однако мне не хотелось рисковать нашей старой дружбой ради нескольких мгновений удовольствия.

Я поделился со своими друзьями несколькими соображениями касательно Лили, и они загорелись желанием встретиться с ней.

Я пообещал их познакомить, если сумею её переубедить, после чего мы разыграем маленькую оргию, во время которой милорд и миледи, Джеки и Лили, отбросив стыд, вместе испьют любовную чашу необузданного разврата.

Между тем я попросил Клару прислать мне свое мнение о Лили, которое привожу здесь, поскольку считаю довольно любопытным. Редко случается так, чтобы одна женщина беспристрастно высказывалась о другой. Не нужно при этом забывать, что обе ни разу не встречались.

Мнение Клары о Лили

"Ваша Лили очень милая и хороша воспитанная девушка, однако она не хочет так просто сдаваться.

"Клара полагает, что если представится возможность,

при небольшом усилии и после мягкого убеждения Лили будет скорее довольна, нежели обижена.

"Клара считает, что Джеки полезно бывать с Лили как можно больше, поскольку он не вправе ожидать, что она поделится с ним самым сокровенным, если не чувствует его присутствия и редко ласкает. Она думает, что Лили готова полюбить Джеки, но колеблется и не уверена в том, чем это для неё закончится. Лили останется сама собой и отдаст все свое существо любимому человеку, только испытывая настоящее наслаждение в его объятиях и даря ему все те радости, что заключены в ней.

"Кроме того, Клара считает, что хотя матушка Лили и говорит "нет" одному или двум презентам, сделанным её дочери, она вовсе не это имеет в виду. Всякой истинной женщине приятно получать подарки от человека, которого она любит".

Лучший пример природы либеральных идей лорда Фонтарсийского можно найти в следующей выдержке из одного из писем Клары ко мне:

"Возможно, Лили пригодится опыт, приобретенный Klarой с одним умудренным годами поклонником. Она повстречала его в загородном доме и осталась с ним наедине, так как её хозяин вечером возвращался в город. Новый знакомый не мог сдержать своих чувств, однако слуги, то и дело за-

ходившие в комнату, все же охлаждали его пыл.

"Он предложил ей встретиться с ним в городе. Случай привел его в одну квартиру, где Клара и ещё кое-кто разыграли для него маленькое представление. Клара придумала историю о том, будто некий дядюшка уехал и оставил её присматривать за апартаментами. "Кое-кто" (лорд Фонтарсийский) заперся во внутренней комнате и припал к приспособленному для этих целей глазку, чтобы стать свидетелем происходящего.

"Клара вышла, встретила своего дряхлого обожателя и провела его в комнаты, не испытывая ни малейшей охоты показывать себя перед тем, кого она любила, в обществе другого мужчины, однако пути к отступлению не было, и ей пришлось действовать вопреки своим собственным чувствам.

"Войдя в комнату, гость сразу же подергал запертую дверь; на тот случай, если бы он обнаружил, кто за ней скрывается, у Клары был заготовлен припадок.

"Обследовав помещение, гость приготовил "французское письмо" и предложил перейти к делу без отлагательства. Он покрыл Клару и стал кряхтеть и пыжиться, но чем дольше он это делал, тем меньше становилось его достоинство; тогда он решил, что если Клара встанет на колени, у него может получиться то же самое сзади – по-собачьи – однако, увы! все было тщетно. Клара не ощутила даже кончика его члена.

"Тогда он сказал, что это "письмо" помешало ему как следует напрячься и что он был слишком возбужден. В конце концов он снова взобрался на Клару и, взяв свой орган в руку, сумел-таки излиться на новенькие панталоны женщины, которые она специально надела для такого случая.

"За сим он получил её благословение и отправился восвояси с мыслью о том, что лишит подругу девственности на следующий день, на который назначил ей очередную встречу.

"Клара же удалилась искать утешение в запертую комнату; она чувствовала себя так, будто приняла участие в баталии.

"Клара хочет закончить это долгое бумагомарание словами надежды на то, что читатель найдет в Лили все, что желает, и выражает заинтересованность узнать о его видах на эту девушку".

Лилиан – Джеки

Без указания места и даты

(Получено в Лямалу, 7-го июля 1898)

Мой обожаемый господин,

Я хотела бы, чтобы Вы получили эту записку завтра вечером, когда прибудете на место, но тогда мне нужно отправить её с сегодняшней почтой, а я не успеваю.

Как бы то ни было, Вы получите её наверняка в четверг и, надеюсь, почувствуете себя не таким одиноким. Правда, с Вами Ваш милый и преданный Смайк, однако это не совсем то же самое, если бы рядом была Ваша Лили.

Мысль о Вашем отъезде крайне огорчает меня. У меня такое ощущение, что за эти три недели Вы совсем забудете обо мне.

Ненавижу Вашего доктора, которой так жестоко нас разлучил. Как бы мне хотелось оказаться возле Вас! Таким образом я бы доказала, что не умею скучать в Вашем обществе, потому что люблю Вас.

Мне безразличны все те радости, которые, по Вашим словам, необходимы в моем возрасте, поскольку все это фальшь и излишество. Настоящее счастье в том, чтобы любить, быть любимой и естественным образом предъявлять доказательства своей привязанности.

Если Вы решите испытать меня, осмелюсь предупредить, что Вы станете первым, хотя я постараюсь сделать все, что в моей власти, чтобы усладить Вашу жизнь.

Скажем, разве не упоительно, милый мой папочка, быть всегда вместе и никогда не расставаться?

Однако я схожу с ума, ибо несчастна, не имея величайшей радости ощущать себя Вашей, всецело Вам принадлежащей, и будучи не в состоянии сказать себе, что никакая сила на свете не разлучит нас опять.

Вы считаете себя слишком старым для меня, однако раз-

ве Вам, любимый мой, не известно, что если Вы испытываете гордость оттого, что сумели вызвать страсть, подобную моей, я, со своей стороны, не менее горда тем, что меня выбрал человек, который знает жизнь и успел её оценить, как оценили Вы.

Я дуручка, но я только пытаюсь все узнать, всему у Вас научиться. До чего же глупой Вы, должно быть, меня считаете!

Я понимаю, что для того, чтобы её любили, женщина никогда не должна выказывать свою любовь, однако какая-то неведомая сила заставляет меня рассказывать все то, что происходит в моем сознании – глупая я глупая...

Теперь всякая иллюзия связи с кем-то другим становится невозможной. Она была бы для меня мучительна каждым своим мгновением. Я никогда уже не смогу переделать себя и даже прикоснуться к другому мужчине. Вот видите, что Вы сотворили со мной, мой нежно любимый господин.

Целую Вас всюду, где это будет Вам наиболее приятно.

Ваша раба,

Лили

Приласкайте от меня Смайка.

Лили – Джеки

(Получено 8-го июля 1898)

Всего одна строчка, чтобы напомнить моему дорогому о том, что его раба непрестанно думает о нем. Как я завидую Смайку, он все время с Вами и может тысячью самых разных способов доказывать Вам свою любовь.

Кроме того, я уверена в том, что Вы по-настоящему его любите, тогда как ещё неизвестно, волнует ли Вас по-прежнему Ваша непослушная девочка.

Заботьтесь о Вашем здоровье и не утруждайте себя слишком частыми письмами; не уставайте, относитесь к жизни спокойно и возвращайтесь к своей Лили сильным, чтобы большие никогда её не оставлять.

Надеюсь, Вы нашли в гостинице всё, что ожидали. Все ли с Вами добры?

Как бы мне хотелось оказаться там, чтобы ухаживать за Вами!

Жду не дождусь конца месяца, когда Вы возвратитесь в добром здравии и окрепшим.

У нас здесь стоит хорошая погода; надеюсь, у Вас тоже. Гостиничная жизнь так скучна, что будет жаль, если Вам придется из-за погоды сидеть в четырех стенах.

Если Вы не слишком устали писать, расскажите мне обо всём, что делаете и как Вам там нравится.

Страстный поцелуй моему господину и привет счастливицу Смайку.

Лили

Лили – Джеки

(Получено 9-го июля 1898)

Обожаемый господин,

Я до сих пор не имела возможности приехать в Париж, однако интуиция подсказывает мне, что там меня ждёт записка. Я еду завтра, поскольку у меня накопилось несколько пустячных поручений, и под этим предлогом постараюсь забрать то, что я уверена, найду в условленном месте.

Я с нетерпением жду от Вас известий о том, чем Вы занимаетесь, не слишком ли скучаете и, прежде всего, в порядке ли Ваше здоровье.

Во всех письмах я могу сказать Вам одну и только одну простую вещь: я ужасно утомилась. Жизнь для меня сейчас ни что иное как тяжкое бремя; я так одинока и так тоскую! Существование мое лишено полноты, чего-то все время хочется, и это «что-то» – Вы.

У нас по-прежнему стоит великолепная погода, правда, немного ветреная, что наводит меня на очень гадкие мысли.

Если бы мой возлюбленный папочка был здесь, я знаю, что бы с ним сделала его прирученная дочка.

Умираю от желания вновь увидеть Ваши черты, столь дорогие мне, Ваше лицо, на которое я обожаю смотреть, но

мне ещё предстоит долгое ожидание – девятнадцать бесконечных дней.

Я оставляю Вас. Блэкамуру предстоит его ежедневная ванна, и отец зовет меня.

Целую Ваши губы и язык, как Вы любите.

Лили

Лилиан – Джеки

Телеграмма, получена 10-го июля 1898

Лили тоскует.

Лили

Лилиан – Джеки

(Получено 11-го июля 1898)

Бесполезно, дорогой мой господин, пытаться отговаривать меня от принятого мной решения относительно замужества. Серьезно обдумав возможные последствия, я вынесла себе следующий приговор. Если я выйду замуж, то только за Вас и ни за кого иного. Заметьте, однако, что я никоим образом не хочу, чтобы Вы думали, будто жениться на мне – Ваш долг; мысли мои идут как раз таки в про-

тивоположную сторону. Я хочу только того, чтобы Вы раз и навсегда поняли: союз, не подразумевающий Вас, для меня невозможен. Подумать только, какой ежеминутной мукой он мог бы стать! Моя натура слишком лояльна, чтобы позволить мне принимать в этом участие. Вопреки моей собственной воле, я никогда не могу скрыть своих чувств. Средств вылечить этот недуг просто не существует. Меня можно либо взять, либо оставить. На Вас, мой единственный любовник и обожаемый папочка, лежит решение моей участи.

Теперь давайте поговорим о вещах менее серьезных. Я бесконечно признательна Вам за Ваше доброе письмо, которое я нашла здесь вчера. Я хочу поведать Вам обо всех моих приключениях на *poste restante*²⁸.

а) Сенсационное вступление, когда я не решаюсь, под взглядами присутствующих, устремленных на меня, сразу же пройти к решетке. Покупаю марки.

б) Все ещё боясь зайти в отдел до востребования, я покупаю открытку и отсылаю её в Лувр с коротеньким сообщением о сделке.

в) Глупая трусиха, которую Вы так хорошо знаете, я беру телеграфный бланк и пишу на нем известные Вам инициалы, поскольку, несмотря на желание прочесть Ваше письмо, мне по-прежнему не хватает смелости спросить о нем

²⁸ *post restante* /фр./ – отделение на почте для корреспонденции до востребования (прим. перев.)

вслух.

Вот Вам признание очень глупой маленькой девочки.

В следующий раз, однако, я намереваюсь быть посмелее, поскольку, в сущности, я же ведь отнюдь не единственная женщина, получающая письма на почте?

Я все сильнее завидую моему большому Смайку, которого так люблю. Он может быть счастлив, тогда как я – бедная, маленькая и покинутая. Он же никогда не покидает Вас и может лицезреть весь день и даже всю ночь. Всё это очень-очень несправедливо. Я соскучилась до смерти. Честное слово, если моя жизнь скоро не переменится, я наверняка сойду с ума.

У Вас, должно быть, завелась целая уйма любовных интрижек, о которых можно писать с часа до шести. Страшно подумать!

Хотела бы я заставить Вас любить меня так сильно, чтобы Вы просто не могли обходиться без меня, что в настоящий момент является моей позицией в отношении Вас.

Я дочитала "Желтую комнату". Воздействие, оказанное на меня этой книгой, ужасно. Как бы то ни было, одна вещь показалась мне гротескной: то, каким образом будущий жених занимается с Элис любовью. Это вполне соответствует современным представлениям, не так ли?

Покрываю Вас поцелуями, покрываю буквально всего, причем каждый последующий поцелуй дольше и сладострастнее предыдущего.

*Ваша раба,
Лили*

Лилиан – Джеки

(Получено 12-го июля 1898)

Вот и ещё день прошёл, но я рада этому, потому что стало меньше одним днем без Вас. Как жаль, что Вы сейчас в отъезде; папа и маман завтра уезжают, и их не будет до воскресенья, так что я остаюсь одна. Окажись Вы здесь, я была бы счастлива, а теперь вот я буду чувствовать себя только ещё более одинокой.

На этой неделе, если хотите, можете писать мне прямо сюда. Надеюсь, здоровье Ваше улучшается с каждым днем. Я по-прежнему в полном порядке; сердце заставляет меня страдать, и Вы тому причиной. Мне всё скучно, ничто не интересует. Жизнь кажется мне пустой и обыденной. Если бы рядом был мой господин, все было бы по-другому.

Газеты Ваши были получены в субботу вечером. Спасибо за "Наших собак".

Я все ещё не обнаружила той знаменитой книжки, которую Вы одолжили папа. Думаю, он держит её на рю Виссо. И совершенно ясно почему!..

Я пью Вас медленно, нежно, но страстно. О Вас все мои мысли, все желанья.

Лили

Лилиан – Джеки

Телеграмма, получена 13-го июля 1898

Нежнейшее напоминание, люблю.

Лили

Лилиан – Джеки

(Получено 14-го июля 1898)

Вам прекрасно известно, что я ревную, так что очень нехорошо с Вашей стороны изображать из себя эдакого гадкого папочку и дразнить свою дочь этой Вашей глупой Ивонной; хотя ей всего восемь, обкрадывает она, пусть даже по чуть-чуть, ту любовь, которая принадлежит мне.

Я не довольна ни Вами, ни Смайком, который дает ласкать себя посторонним. Когда связываешься с таким гадким папой, как мой, забываешь о всяком покое, даже если речь идет о восьмилетнем ребенке.

Вероятно, господин хочет, чтобы раба раззадоривала его издалека, однако она не собирается его возбуждать, поскольку воспользоваться этим могут другие.

Да, воскресный вечер я провела в Париже у одной моей

знакомой, но меня сопровождала служанка.

Я хочу, чтобы Вы получали от меня весточки каждый день; вот почему всякий раз, когда я не могу писать, я шлю Вам телеграммы.

Можете говорить мне что угодно о Вашем "никудашном пузе".

Это не станет препятствием для моей к Вам любви. Поэтому-то и не имеет смысла продолжать в таком тоне. Вы задеваете мои чувства.

Я бы хотела оказаться рядом с Вами, чтобы самой натереть Вас одеколоном и целовать всего; чтобы сосать Вас, как Вы любите, заставляя трепетать от наслаждения.

Мой рот и кое-что ещё увлажняются, когда Вы говорите о той капельке, которую выделяете, когда пишете мне. Какая обидная трата!

Да, дорогой, мне нравится думать о том, что Вы делаете мне мими, в то время как я сосу Вас; мне думается, что это просто изумительно. Мне нравится все, что Вы делали до сих пор, и я с нетерпением жду воплощения Вашей идеи относительно кисточки. А я смогу то же самое проделать с Вами?

Лили

Её виды на супружество несколько удивили меня, и я решил, что она слишком мной увлечена. Я бы не стал распространяться о моих собственных ощущениях, однако счел

своим долгом сдержать её растущую страсть. Я начал писать ей непристойные и гадкие письма. О том, что я говорил и что предлагал, можно догадаться по её ответам. Я расписывал себя самыми черными красками и вдалбливал в голову девушки, что слишком стар; мужчина сорока шести лет не может жениться на двадцатидвухлетней. Кроме того, разве я не инвалид с моим проклятым ревматизмом, который может возобновиться в любой момент, к тому же склонный к полноте? К моему величайшему изумлению, чем грубей и похотливей я становился, тем откровеннее она мне симпатизировала.

Лили – Джеки

(Получено 15-го июля 1898)

В самом деле, папочка, какой-то Вы несерьезный. Ну что за прихоть – выбрасывать письмо, предназначавшееся мне! Это говорит о Вашей внимательности и о том, как Вы любите свою дочь.

Ваша раба очень, очень сердита, и если Вы и впредь будете вести себя таким постыдным образом, ей придется подыскать себе господина получше. Ваша кровная дочка не отдает предпочтение языку, однако с удовольствием остановила бы выбор на Вашем. Но так как получить его она не может, ей сейчас приходится мириться с английским или

французским, что оставлено на Ваше усмотрение.

Меня очень радует мысль о том, что лечение Вам по душе и, прежде всего, что оно Вас не расслабляет. Когда Вы вернетесь, я его продолжу.

Можете писать мне сюда до воскресенья, однако потом мы должны будем переместиться на poste restante на рю де Страсбур.

Да, я получила Ваше письмо. Я слетала за ним в Париж. Я бы очень расстроилась, если бы его вдруг не оказалось на месте. Смайк слишком избалован, но я понимаю, что Вы не можете собраться с духом и наказать его за его проделки. У меня точно так же происходит с Блэкамуром. Он прелесть, и я рассказываю ему всё, что приходит мне на ум по поводу моего гадкого папочки.

Спокойной ночи, любимый, побегу относить эту весточку на почту, потому что хочу, чтобы она была у Вас завтра же.

Я жажду Вас,

Лили

Лили – Джеки

(Получено 16-го июля 1898)

Любимый мой, больше сюда не пишите, поскольку родители возвращаются нынче вечером. Придется нам ещё раз

прибегнуть к помощи poste restante, что – видит Бог! – весьма удобно.

Я также предпочла бы слово "дочка" этой "fille"²⁹; по-моему оно звучит более интимно, Вы не находите?

Знайте же, мой дорогой господин, что если я балую Вас, как Вы мило выразились, точно так же я балую и себя.

Вы заслуживаете, чтобы Вас очень строго наказали, что с Вами и произойдет, когда Вы вернетесь, причем вот каким образом: я высосу Вас два раза подряд за то, что Вы посмели написать это предложение: "а кроме всего прочего, при моем возрасте". Что Вы такое говорите? Честное слово, можно подумать, будто Вам доставляет удовольствие казаться в моих глазах старше, чем Вы есть. Ещё раз повторяю: поступайте, как хотите, я буду любить Вас, несмотря ни на что.

Вам прекрасно известно, что я никому не расскажу о том, чем мы с Вами занимаемся, и что я не намерена доставлять удовольствие другим мужчинам. Мне нет никакого дела ни до кого, кроме Вас. Вы единственный, кто когда-либо будет обладать мной, ибо вы единственный, кого я люблю.

Быть подставкой для Ваших ног, лежать под Вашим письменным столом, чтобы Вы становились на меня прямо ботинками, и служить Вам комнатной посудой, поскольку Вы говорите, что будете мочиться на мое нагое тело – вот

²⁹ fille /фр./ – дочь, девушка

две идеи, являющиеся далеко не тривиальными. Вы же знаете, что можете делать со мной всё, что захотите, мой гадкий, очень гадкий папочка!

Смайк такой же нахальный, как и его хозяин; шлю ему нежную ласку, а его владельца кусаю во все места.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 17-го июля 1898

Нежные поцелуи от Вашей Лили.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 18-го июля 1898

Не забывайте; люблю, целую.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 19-го июля 1898

Поздравляю с днем рожденья. Впереди у нашей любви ещё

много времени.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 20-го июля 1898

Я очень занята. Пишите сюда. Отца нет. Люблю.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 21-го июля 1898

Дорогому проказнику. Нежно люблю.

Лили

Лили – Джеки

(Получено 22-го июля 1898)

Папочка, господин,

Раз Вы того хотели, Ваша раба подчиняется и, хотя уже поздно и она очень устала, пишет Вам просто так, поскольку посыльный уже прошел, и у меня слипаются глаза.

Сейчас мне нужно закончить кое-какую работу, но,

несмотря на это, я жажду быть очень гадкой. Ведь это так приятно, не правда ли, дорогой мой папочка?

Женщины скучны. Нет, я решительно их не люблю. Я всегда питала слабость к сильному полу. Разве я не права? Смотрите, как плохо я пишу и какие леплю ошибки. Увы, в самом деле, я должна оставить Вас, постель зажала меня. Как бы то ни было, окажись в ней Вы, я едва ли сомкнула бы глаз, а Ваша киска, которая принадлежит только Вам, была бы влажнее обычного.

Ваша раба обожает Вас и тоскует,

Лили

Целую Смайку.

Лили – Джеки

(Получено 23-го июля 1898)

Сдается мне, что Вы в немалой степени пренебрегаете мною.

Вероятно, тому виной курс лечения, которому Вы следуете и который, утомляя Вас безмерно, способствует потере всякого счета. Это очень обидно, Вы же знаете, потому что я не люблю гадкого папу, который забывает о своей дочери. Вы – настоящее чудовище.

Как я уже Вам сообщала, отец находится в отлучке, а мать присоединится к нему во вторник. Мне же никогда не

представится счастливой возможностью присоединиться к Вам. Однако Вы тоже не делаете ни единого шага в мою сторону, так что можно подумать, будто я Вас совершенно перестала интересовать. Если так оно и есть, Вы зря за меня переживаете. Чуть-чуть откровенности, и Вы очень скоро от меня освободитесь. Уверяю, я никогда не буду навязываться Вам вопреки Вашей воле. Да и зачем мне это? Любовь ничего не стоит, если она вынужденная, а я слишком молода, чтобы владеть всеми теми штучками, которые используют женщины определенного толка, когда хотят, чтобы их обожали.

Ещё раз, возлюбленный мой, повторяю, что нет таких уз, которые бы привязывали меня к Вам, а потому Вы вполне свободны, особенно если Вам не хочется больше наведываться на рю де Ляйпциг и тем паче, если Вы больше не считаете меня того достойной.

Раньше Вы никогда не сообщали мне о том, будто доктор велел Вам задержаться ещё на воскресенье, и я сильно подозреваю, что это всего лишь повод для того, чтобы оттянуть с возвращением.

Лили очень раздосадована.

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 25-го июля 1898

Всего один поцелуй. Гадкий.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 26-го июля 1898 (утром)

Вы ещё живы?

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 26-го июля 1898 (вечером)

Всё болею из-за Вас.

Лили

Лили – Джеки

Вилла "Лилиан", 26-го июля 1898

Любимый, но очень плохой папочка,

Я задаюсь вопросом, почему Вы написали в воскресенье в poste restante, когда я сказала, что можно отправлять почту мне сюда? Вам не нужно было бояться присутствия мамы, иначе я бы не стала просить Вас писать нам домой.

Пора бы Вам уже понять, что я более чем осторожна.

Последние несколько дней я не была в Париже и не подозревала, что Ваша весточка поджидает меня на рю де Страсбур. Оттого-то я и досадовала, решив, что Вы так жестоко про меня забыли.

Сегодня я пользуюсь пишущей машинкой, чтобы немножко Вас наказать, а если бы у меня ещё была хоть какая-то гордость, мне следовало бы оставить Вас в неизвестности, что сами Вы делаете с такой завидной сознательностью. Но там, где дело касается Вас, я теряю рассудок.

Мама уехала сегодня утром, как я Вам и говорила. Я теперь одна-оденёшенька с моими собаками, как бедная и несчастная Золушка. Меня посещают весьма игривые мысли, но я ничего Вам про них не расскажу, поскольку Вы ко мне недостаточно добры.

Надеюсь, моя единственная любовь, скоро я Вас увижу; несмотря ни на что, я шлю Вам миллион ласк, одна сладо-страстнее другой.

Приникаю к Вашим дорогим, обожжаемым губам.

Лили

Лили – Джеки

Телеграмма, получена 28-го июля 1898

Умираю от желания увидеть Вас.

Лили

Лили – Джеки

(Получено 29-го июля 1898)

Моя единственная, ненаглядная любовь,

Когда папочка не делает того, о чем просит его дочка, что происходит? Он получает незаслуженные упреки. Я умоляла Вас писать мне сюда и, разумеется, предполагала, что не получу от Вас известий через почту. Вообразите мое негодование, когда я обнаружила, что мною пренебрегают, что Вы меня бросили. Вот какова причина моего знаменитого воскресного письма, которое так Вам не понравилось.

Я люблю Вас слишком сильно, и оттого любая помеха выводит меня из себя. Мне сразу же представилось, будто Вы влюблены в какую-то другую женщину. Видите, во мне снова говорит ревнивая дочка.

Как Вы милы, что послали мне свою фотографию! У неё только один недочет: слишком много Смайка и слишком мало Вас.

Со вчерашнего дня я каждое мгновение целую Ваше дорогое лицо, и счастье мое растет, когда я думаю о том, что скоро смогу сделать это по-настоящему. Что за каракули, скажете Вы, мой обожаемый господин, но я так нервничаю, что перо не держится у меня в руках.

Следует ли мне встретить Вас на платформе по прибытии?

Я одна и легко могу это сделать.

Жду Вас более чем с нетерпением, но это отнюдь не значит, что Вы должны поступать опрометчиво: если доктор велит Вам остаться, не уезжайте из Лямалу раньше времени.

Страстно сосу Вас,

Лили

Лили – Джеки

(Получено 31-го июля 1898)

Мой милейший, любимый папа,

Как я счастлива: ещё один день в одиночестве – и скоро я снова увижу Вас. Я просто дурею от радости. Чиркните Вашей дочке хоть строчку, чтобы она знала, где и в какое время Вы желаете видеть её в понедельник.

Я замечаю, что вы любите меня совсем не так, как бы мне того хотелось – безрассудно.

Вы как будто стесняетесь своей Лили. Что если кто-нибудь из Ваших знакомых увидит Вас на станции в моем обществе? Они подумают только то, что Вы, вероятно, счастливый человек, раз Вас любит такая приятная девушка. Может быть, Вы так не считаете, но, тем не менее,

это именно так.

Видите, дорогой господин, есть мелочи, которые я не могу оставить без внимания, а иногда я боюсь, что Вы просто используете меня как игрушку.

Надеюсь, моя откровенность не огорчит Вас на этот раз. Я вовсе этого не хочу, напротив. Но я люблю Вас верно и преданно, настолько, что готова по первому Вашему знаку бросить всё на свете, если только это доставит Вам удовольствие.

Да, одним словом, отца с матерью, всё и вся.

Мне кажется, что такая всецелая любовь заслуживает ответного чувства.

Ваша дочка страстно Вас хочет и с величайшим нетерпением ожидает понедельника.

Лили

P.S. – Я выполнила то, что велел мне мой господин. С шести часов вчерашнего вечера до сегодняшнего утра я не делала "пипи", хотя ночью мне очень хотелось. Поэтому я очень скверно спала. Кроме того, я постоянно думала о моем дорогом папа, который тоже думал обо мне.

Мой liaison с Лили, вероятно, очень заинтересовал леди Клару, поскольку она часто писала в Лямалу, спрашивая о новостях в наших отношениях. Никаких личных интересов она не имела, так как лесбийские вкусы были ей чужды, од-

нако она призналась мне, что вся эта история весьма ей нравится, и потому я время от времени сообщал ей новости о моей "дочке".

Не могу придумать ничего лучше, как процитировать здесь несколько фрагментов моих описаний Лили, сделанных вскоре после того, как я, извлекиши пользу из курса ванн и обрета облегчение, возвратился в Париж.

Джеки – Кларе

(Заметки о Лили)

Будучи в Лямалу, я пытался вызвать в Лили отвращение, поскольку опасался, как бы она окончательно не потеряла из-за меня голову, однако чем хуже я себя вел, тем сильнее становилась её привязанность.

Я сказал ей, что вернусь к вопросу брака при встрече, но только не через письма, поскольку то, что на бумаге выглядит грубо, в живой беседе разрешается само собой.

Я наговаривал на себя, напоминал о том, сколько мне уже лет, о ревматизме и большом животе. Это причиняло ей боль.

Я написал ей, что мечтаю, чтобы она сидела нагишом под столом и служила мне подставкой для ног, пока я сочиняю ей письма. Что хочу посадить её на бидэ и, встав сверху, направить струю мочи ей на живот и на "киску". Эти

идеи ей понравились.

Когда мы встретимся, я буду иметь с ней серьезный разговор. Ругать её через посредство писем я не намерен. К самому себе у меня нет никаких претензий, поскольку я никогда не обманывал её и не пытался ввести в заблуждение. Действительно ли она сходит с ума от любви ко мне или просто плетёт интригу?

Мне бы очень хотелось лишиться её девственности. Но нет, я не должен уничтожить бедную, похотливую девушку. Я постараюсь держаться подальше от тела моей Лили. Я не причиню ей вреда.

Я пытаюсь втолковать Лили, что страсть и сердце – это две разные вещи. Она может случайно оказаться неверной, но если в сердце у неё сохранится уголок и для меня, я буду удовлетворен.

Её нисколько не шокирует, когда я стараюсь довести до её ума тот факт, что она всецело принадлежит мне как рабыня, что она должна выполнять все мои самые сладострастные капризы, какими бы отвратительными они ни были.

Она с таким пылом пишет мне о том, что выйдет за меня замуж и т.п., что я решил помешать ей полюбить меня слишком сильно, рассказав, какая я грязная скотина, и особенно подчеркивая, что другие мужчины любят гораздо порядочнее, чем я.

Я изобразил себя деспотичным, тираничным зверем,

вергающим её в деградацию и унижение.

Чем циничнее и откровеннее были мои письма, тем больше они ей нравились.

Она явно в меня влюблена, и я вынужден пустить всё на самотек.

Может, она думает, что я очень богат?

Она крайне нетерпелива, возбуждима и обладает пылкой натурой. Она упрекает меня, однако я искренне полагаю, что она несколько ошибается. Я ещё ни разу не выходил из себя, напротив, обращался с ней как с ребенком, и она просит обратнo.

В нашей переписке возникло некоторое недопонимание, и Лили сочинила отвратительное письмо, оплатив мне той же бесцеремонностью и сообщив, что никогда не придёт ко мне на рю де Ляйпциг, поскольку это место ей не подходит. Я пропустил последнее замечание мимо ушей, и ответил в спокойном и укорительном тоне, под конец наказав её за то, что она написала такое письмо, запретив ходить по малой нужде с семи вечера до семи утра следующего дня. Она рассказала, что послушалась меня и провела плохую ночь.

Поскольку она была одна с бабушкой, 1-го августа я пригласил её на рю де Ляйпциг. Я прождал до 15:30. Она так и не появилась. Я ушел и вернулся домой только в 18:50.

Оказалось, она приехала в 15:40 и послала мне две телеграммы. Она ждала меня на Восточном вокзале.

Вместо этого в семь я стал ужинать. Она прислала до-

вольню едкое письмо, сообщая, что её маман возвращается в четверг.

Лилиан – Джеки

Первая телеграмма, получена 1-го августа 1898 в 16:30

БУДУ ВОСТОЧНОМ ВОКЗАЛЕ ТЧК ЛИЛИ ТЧК

Вторая телеграмма, получена в 18:30

ЖДУ ВОСТОЧНОМ ВОКЗАЛЕ ТЧК ЛИЛИ ТЧК

Лили – Джеки

Вилла "Лилиан", 2-е августа 1898, 11:00

Не понимаю, чем Вы могли заниматься с трех до половины седьмого, и не хочу знать. Для меня это навсегда останется загадкой, поскольку Вы смогли прождать чуть больше часа, зная, что я не всегда могу делать так, как мне бы того хотелось.

Несмотря на то, что я дома одна, мне по-прежнему приходится разговаривать с клиентками, и потому я опаздываю.

Уверяю Вас, Вы многое потеряли, не подождав чуть долъ-

ше, поскольку я была как раз созревшей для такого гурмана, как Вы.

Пустяжи, не будем больше об этом говорить, только вот маман в четверг возвращается, а потому...

Теряя терпение, мы иногда теряем много интересного.

Лили очень рассержена на своего папа и не будет спешить его извинить.

Я ответил ей сдержанно и кратко, назначив *rendez-vous* на среду, 3-е августа.

Лилиан – Джеки

Телеграмма, получена 3-го августа 1898

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ТЧК ОБЫЧНОЕ МЕСТО ТЧК ЛИЛИ
ТЧК

Лили появилась, очень обрадованная встрече со мной и раскаивающаяся, несмотря на свое едкое замечание, на знаменитой Рю де Ляйпциг, куда она зарекалась никогда больше не приходить.

Мне она показалась весьма хорошенькой, одетая в прелестный простенький костюм из *esru coutil*³⁰, плотно облегавший её упругие ягодицы. Она очень гордилась этим ме-

³⁰ *esru coutil* /фр./ – небеленый тик

стом; однажды, когда маман оставила нас втроем, я стал свидетелем того, как она специально натягивает сзади юбку и демонстрирует отчиму, что из этого получается, со словами, что она – *Venus Callipyge*³¹.

Лили сделала вид, будто сердится, однако я прямо заявил ей, что она дурочка. В прошлый раз она опоздала на целый час, и уж если кому-то следует выходить из себя, так это мне, а отнюдь не ей. Ревность и раздражение Лили были смешны, и, в конце концов, я заставил её пробурчать, что она меня прощает.

Потом мы поцеловались так, как не целовалась до нас ни одна влюбленная пара. Я раздел её наполовину и отчасти в шутку, отчасти всерьез стал шлепать, щипать и оттягивать черную шерстку, оттенявшую лобок девушки, делая ей чуть-чуть больно.

В тот день, когда она опоздала, я велел ей привязать к волоскам на *mons Veneris*³² ленточку и с самого утра не "удовлетворять нужду", чтобы к моменту нашей встречи она испытывала огромное желание помочиться. Она проделала все эти глупости и когда говорила, что была "созревшей" для меня, подразумевала именно это. На сей раз она ничего этого делать не стала, потому что дулась на меня. Тогда я вlepил ей пощечину.

Я часто так поступал. Мне нравилось наблюдать, как лег-

³¹ *Venus Callipyge* /лат./ – Венера Твердозадая

³² *Mons Veneris* /лат./ – лобок

кий румянец заливал её щеку в том месте, куда пришёлся удар. После каждой звонкой пощечины я видел в её глазах вспышку похоти; её дьявольский ротик прикивал к моим губам, словно в благодарность за то изысканное наслаждение, которое доставляло ей наказание. Я вернулся к мысли сделать её подставкой для ног; сев на диван, я грубо повалил Лили на колени. Сжав голову девушки ладонями, я прижал её смеющееся лицо к своим брюкам под животом и потер носом и губами о ткань, из-под которой уже рвался ей навстречу затвердевший ствол. Потом я завалил её на ковер, и она растянулась на спине во весь рост, с беспорядочно задранными юбками; штанишки её были открыты. Я пнул её ногой и перевернул концом ботинка, осторожно наступив на обнажённый живот. Лежа таким образом в полной моей власти, она хихикала, мурлыкала и ворковала, напоминая голенького счастливого младенца после купанья. В процессе возни из роскошных локонов Лили выпало несколько заколок и гребешков; подобрав их, я стал колоть ей бедра острыми кончиками и колот до тех пор, пока она ни взмолилась о пощаде.

Тогда я поставил её на ноги и заставил стащить с меня русские кожаные ботинки на шнурках, приказав целовать подошвы и верхнюю часть. Она делала всё, что я говорил, и слушалась с удовольствием. Затем я велел ей раздеть меня, и она неловко справилась с обязанностями камердинера. Всякий раз, когда она что-нибудь с меня снимала, я приказывал

ей нести это через всю комнату, вешать там на крючок и возвращаться ко мне.

Я распорядился, чтобы она расстегнула мои брюки, извлекла член, опустилась на колени и пососала. Она нисколько не смутилась и даже не стала задерживать шторы. При свете дня мы нагишом легли в постель. В изножье кровати стоял шкаф с зеркалом; к своему удивлению Лили обнаружила, что ещё одно зеркало вмонтировано в потолок. Мы стали пресыщаться отражением наших тел, распростертых на постели, страстно целуясь, щупая друг друга и наслаждаясь ощущением абсолютного контакта наших чувствительных кож.

Я спросил, не хочет ли она, чтобы я её полизал, однако она предпочла, чтобы я её мастурбировал.

Я так и сделал, и когда она, конвульсивно сжав бедра в упоительной агонии последнего спазма, пришла в себя после потрясения, лег на неё. Я вложил кончик моего орудия между влажных губок её игрушки.

Она как всегда сказала:

– Больно! Вы делаете мне больно!

А потом воскликнула:

– Как бы было хорошо, если бы не было больно!

Потом я приказал ей лизать мне яички и бедра; подняв ноги в воздух, я стал учить её той порочной, очаровательной ласке, которая получила название "*feuille de rose*", когда кончик напряженного языка входит в анус. Лили быстро смекнула, что к чему, и выполнила это экзотическое задание пре-

лестнейшим образом.

Потом она сосала, и я обильно излился в восхитительный ротик, сжимая ладонями её голову до тех пор, пока снова ни стал мягким. Она без усилий проглотила все до последней капли, и когда я выскользнул из её губ, канал остался таким сухим, как будто никакого семяизвержения не было вовсе. Она обожала сосать и называла мой мужской орган своей "*rouree*", или "куколкой".

Пока она облизывала меня, я сказал, что у меня заготовлена ещё парочка грязных идеек, которые мне бы хотелось на ней испробовать.

Я дал ей прочесть две крайне неприличные книжки, посвященные одной и той же теме: полной покорности женщины жестокости и похоти мужчины. Это были "Монастырская школа" и "Наставления полковника Шлёпкина".

Я сказал, что намерен сделать её совершенно лишенной стыда и деградированной путем постоянных унижений, через которые ей придется пройти в моем присутствии, пояснив, что испытываю гордость оттого, что могу заставить её выделять самые отвратительные вещи. Чем ужаснее моя испорченность, тем больше это нравится Лили, называющей меня не иначе как "мой грязный *nana*". Она получала удовольствие, когда я поколачивал её, встряхивал и вообще грубо с ней обращался.

Когда мы оба были обнажены, я велел её лизать мне подмышки и целовать соски. Насчет подмышек она стала возра-

жать, но я настоял на своем.

Лили нравилось, когда мои безжалостные пальцы проникали в её задний проход, а я в свою очередь обнаружил, что между ягодицами у неё растут волосы. С возрастом она могла стать очень волосатой.

На сей раз вопрос о деньгах не поднимался, родителей не было, и она сообщила мне о том, что отец с матерью снова оставят её дома 20-го, поскольку собираются в Германию, так что я, вероятно, смогу видеться с ней почаще.

Теперь мой донельзя развращенный мозг стала одолевать новая кошмарная идея. Мне страшно захотелось отдать Лили лорду Фонтарсийскому и Кларе. В моем присутствии эта чета могла бы проделать с ней всё, что сочтет нужным. Я пытался прогнать эту мечту, но она не покидала меня ни днем, ни ночью. Я думал о том, что для Лили это будет сопряжено с огромными усилиями и превратится в по-настоящему тяжелое испытание; сознание того, что я растлеваю девственницу, которая откровенно меня любит, возбуждало и радовало меня до крайности.

Я все не мог решиться заговорить о моём плане. Я не переставая обдумывал эту затею, и помню, что в каждом письме к Лили старался изобразить себя самым развратным распутником на свете.

6

*Любовь моя, приди к своей Лилит
(Обитель Рая убрана цветами)
Плени меня объятьем нежных складок
И дай познать ту плоть, что мне вручишь ты!*

.....

*Всего дороже мне твоя любовь.
Так лобызай меня, как я велю!*

(Данте Г.Россетти)

Так я и пролежала с ним всю ночь, а он... утром встал, оделся и оставил меня такой же невинной, какой я была в день появления на этот свет.

Я часто лежала с ним, а он со мной, и хотя все фривольности, что случаются между мужчиной и женщиной, были нам хорошо известны, он ни разу не предложил пойти дальше и очень этим гордился.

(Даниель Дефо)

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 7-е августа 1898

Мой самый любимый на свете,

Простите меня за то, что я не отвечала на Ваше письмо и что сегодня прибегаю к помощи печатной машинки, но меня укусил в руку москит, так что теперь я не могу писать.

Пользуюсь отлучкой папа и печатаю на его машинке.

Какой наглостью было с Вашей стороны посылать мне эту жуткую карикатуру на моего красивого и горячо любимого Блэкамура!

Я считаю, что он прекрасно растет, и люблю его, так что в будущем не смейтесь над тем, как он таскает свои уши, а не то мы перестанем быть друзьями.

Я грущу, думая о том, как долго ещё не увижу Вас, поскольку родители уедут не раньше 20-го, если не позже.

Ожидание не идет мне на пользу, ведь Вы же знаете, что терпение и я – вещи несовместимые. Кроме того, я хочу Вас видеть. Очень скучно прожить две или три недели и ни разу не поцеловать папа.

Вы говорите, чтобы я не роптала, но я ничего не могу с собой поделатъ. Я должна сопротивляться своей судьбе, и прошу Вас разделить со мной мою беду.

Бегу. Возвращается папа, и я не хочу, чтобы он расспрашивал, что я тут пишу.

Целую Ваши дорогие губы и, чтобы не забыть, мою любимую куколку.

Лили

Кажется, я написал Лили несколько очень эротических писем. Помню, я послал ей отрывок из одной страшно неприличной книжки, повествующей о бесчеловечных радостях и озаглавленной "Жестокие удовольствия" (см. Приложение А).

В последнем письме я велел ей самой напомнить мне при встрече обо всем, что я просил её сделать, и пострадать ради меня. Она должна была сказать:

"Господин, ленточка готова, и вы можете за неё подергать, а сама я умираю от желания пописать, потому что не делала этого уже много часов. Можно я пописаю сейчас?".

Ей предписывалось сказать мне ещё какие-то гадости и попросить, чтобы я с ней это проделал, однако теперь я уже не помню всех своих тогдашних экстравагантных требований.

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 21-го августа 1898

Любовь моя,

*Я ждала, чтобы освободиться, написать Вам и сказать:
"Лили ждет только знака от своего возлюбленного господи-*

на, чтобы броситься ему в объятия".

Наконец-то родители уехали. Поэтому я целиком представлена самой себе, так что если мой дорогой папа пожелает, его дочка, которая им недовольна, придет и сообщит ему об этом собственными губами.

Я принесу Вам те отрывки, которые Вы присылали мне, и таким образом мне будет проще отчитаться перед Вами о своих впечатлениях. Мне будет гораздо приятнее рассказывать Вам о моих чувствах, когда рот мой прищипнет к Вашему, а Ваша борода, такая шелковистая, будет ласкать мне щеку.

Я не забыла о распоряжениях, сделанных Вами в последнем письме, и напомню Вам всё, что Вы желаете.

Одно только слово, и я приду, чтобы хоть немного развеять Вашу грусть.

Лили очень нежно запечатлеват долгий поцелуй на кончике носа её куколки и тыкается своим нескромным язычком в то место, которое так нравится её папа.

Лилиан – Джеки

Телеграмма, получена в полдень 22-го августа 1898

СРЕДА ТЧК ПОЛОВИНА ТРЕТЬЕГО ТЧК ЛИЛИ ТЧК

Лилиан – Джеки

Телеграмма, получена в 11:00 в среду 24-го августа 1898

БОЛЕЮ ТЧК ЗАВТРА ЗПТ ЕСЛИ ХОТИТЕ ТЧК ЛИЛИ
ТЧК

Лилиан – Джеки

Без даты. Получено 24-го августа 1898

Сегодня Лили нездорова, и если завтра не будет улучшения, ей придется перенести встречу.

Как бы то ни было, если завтра утром Вы не получите от меня телеграммы, приходите в обычное место, и я там буду.

Разумеется, дорогой папочка, я опечалена тем, что причиняю Вам боль, пусть даже на мгновение, но если Вы чуть-чуть подумаете, то поймете, что мое молчание вполне естественно.

Маман отправилась в путешествие в ту часть света, где все люди, как говорят, сама элегантность. Поскольку она оставила на меня свои туалеты и я должна наделать ей кучу шляпок, у меня нет ни минуты свободной, особенно если учесть, что ей не так-то просто угодить.

Однако я готова просить у Вас прощение за те проступки, которые на самом деле существуют только в Вашем во-

ображении.

Есть только одна ужасная вещь, которую вы упомянули в письме, вероятно, для того, чтобы поугаать меня: "Я накажу тебя тем, что не поцелую".

С этим я не соглашусь ни за что. Я протестую. Лишить меня Ваших губ! Я никогда этому не подчинюсь. Я не вынесу подобной пытки.

Итак, до завтра, мой самый строгий господин. Я обожаю Вас.

26-е августа 1898

Уехавшие родители оставили Лилиан со служанкой и с бабушкой по матери. Сами они отправились в Гамбург. Я был удивлен, узнав, что её периодический недуг должен пройти к 25-му, тогда как обычно он давал о себе знать 27-го или 28-го. Таким образом начаться он должен был 21-го. А поскольку она ничего мне не писала между 7-м и 21-м, я начал сомневаться, уж ни случилось ли что.

Мне втемяшилось в голову, будто между ней и любовником её матери установилось почти полное взаимопонимание. Он с таким рвением обращал моё внимание на то, что Лилиан ни под каким соусом не должна узнать о существовании "Азбуки", которую я ему одолжил, что я почуял неладное. Не было никакой необходимости говорить мне об этом с такой нарочитостью. Потом она все-таки написала, что ви-

дела книжку, что *nana* хранит её в конторе и не приносит в Сони. Кроме всего прочего, она узнала о том неприличном диалоге. Я располагал достаточным опытом по части интимных месячных недомоганий женщин, чтобы знать, что у девочек они происходят с завидной регулярностью, однако я решил ждать, наблюдать и ничего не говорить. Лили была неразговорчива. Прямыми расспросами у неё ничего нельзя было выведать; мне приходилось наострять слух и уповать на то, что она сама проболтается.

Правда, у меня была припасена для неё хорошая розга. Хуже, чем розга – целая плетка. Я загодя заказал причудливый инструмент, который, я уверен, является моим собственным изобретением, поскольку ничего подобного я не видел ни до того, ни после. Я назвал его "трость с приветом". Всем известно, что такое "трость с секретом": полая внутри прогулочная трость, в которой спрятано острое лезвие или шпага. Я заказал такую же, только вместо шпаги в ней заключалась всего лишь легкая дамская плетка для верховой езды, иначе говоря, прут из китового уса. Так я мог разгуливать по Парижу, не привлекая внимания окружающих. Не мог же я ходить по городу с плеткой в руке, да и тонкий бамбук выглядел бы не менее смешно по вечерам в руках полного господина средних лет в сюртуке и цилиндре.

Лили приехала: хорошенькая, кокетливая и очень милая. Я отчитал её за то, что она не писала мне в течение двенадцати дней, однако не упомянул о своем подозрении относи-

тельно растущей близости между ней и тем человеком, который считался её отчимом.

Я отвинтил конец трости и продемонстрировал скрывавшуюся внутри плетку. Желая испробовать свое изобретение, я велел Лили поднять юбки и полоснул её один раз по попе через полурасстегнутые панталоны. Лили вскрикнула и скорчилась от неподдельной боли. Я удивился; я обнаружил, что плетка отличается от гибкого прута или ладони. Я стал гладить и утешать Лили, но на глаза у неё уже навернулись слезы, и она горестно жаловалась на боль. Я обследовал попку и нашел длинный рубец, пересекавший левую ягодицу. Но что ещё хуже, поскольку панталоны были расстегнуты, кончик плетки каким-то образом угодил прямо между ягодиц и чуть выше розовато-бурого отверстия появился порез. Кожа была рассечена, и виднелась капелька крови, похожая на крохотный рубин.

Я счел, что Лили не стоит знать, каким, сам того не желая, я оказался жестоким, а потому я замолчал случившееся и решил в будущем вкладывать в удары плеткой как можно меньше силы. В действительности же с того вечера я никогда больше ею не пользовался, чтобы ненароком не причинить девушке вреда.

Впоследствии я подарил плетку Кларе, которая увезла её в Лондон и порадовала там всех своих друзей. Плетка по-прежнему хранится у неё и ценится как самый дорогой подарок.

При помощи этой самой плетки, которой я теперь осторожно трогал спину и мясистые части рук Лилиан, я заставил её медленно раздеться передо мной, но до того ей пришлось ходить по комнате, чувствуя мою ладонь, прижатую к двум волосатым губкам её второго ротика.

Когда Лилиан была раздета и я насытил глаза и губы этим столь мной любимым и столь нестерпимо меня возбуждавшим стройным тельцем, я приказал ей стоять, подняв подол сорочки обеими руками до уровня шеи. Лицезреть её в таком виде было истинным наслаждением. Лили одновременно ворчала и смеялась. Утаить она ничего не могла, но, тем не менее, извивалась, словно надеялась этими змеиными движениями скрыть от моего распутного взора хотя бы один уголок своего тела. Если Лили пыталась отпустить сорочку, я взмахивал над её головой плеткой, и она снова принимала исходную позу. Пока она стояла, слегка наклонившись вперед, будто хотела таким образом спрятать шерстку, оттенявшую низ её женственного, плоского живота, я медленно раздевался, все время глядя на неё и прохаживаясь вокруг, словно она была манекеном, и тем самым только усиливал её смущение, которым всецело наслаждался.

Потом я передал ей свою верхнюю одежду, рубашку и т.д., которые надлежало аккуратно развесить. Встав на колени, Лили сняла с меня ботинки.

Она заранее привязала к волоскам на лобке ленточку, и теперь я забавлялся тем, что дергал за неё, не обращая вни-

мания на восклицания девушки, испытывавшей достаточно болезненные ощущения.

Ещё только войдя в комнату, она напомнила мне о ленте и сказала, что страшно хочет "пи-пи". Последнее я ей на некоторое время запретил.

Угрожая плеткой, я заставил Лили стоять прямо и ошупал ей живот. Он был довольно твердым и раздутым. Я надавил указательными и средними пальцами с двух сторон в тех местах, где начинались бедра. Лили попросила, чтобы я прекратил, утверждая, что если я не перестану давить ей на пупок и живот, она не сможет больше сдерживаться.

По-прежнему угрожая "тростью с приветом", которой я всего несколько раз нежно дотронулся до неё, я уговорил девушку сесть на вазу. Долго сдерживаемая струйка мочи громко зажурчала о дно сосуда, а я стоял над девушкой и наблюдал. Лили сделалась пунцовой от стыда, однако осталась довольной, и похоть её распалилась.

Затем мы перешли на постель, оба совершенно голые. После обычных поцелуев и тесных объятий я приказал ей помастурбировать. Она наотрез отказалась, но я был непоколебим. Снова в дело была пущена плетка, с которой я не расстался даже в постели. В конце концов, Лили неохотно положила ладонь между бедер и начала неловко и медленно ласкать себя, делая вид, будто не знает, как за это браться. Я получал огромное удовольствие, ощущая бедром изящное тело девушки и наблюдая за сменой выражений на её лице.

Она то хмурилась, то веселилась, однако страсть скоро взяла своё, и требуемый результат был достигнут следующим образом. Лили согласилась сделать то, о чем я просил, при условии, что я накрою её руку своей и буду щекотать нежное местечко вокруг, пока она займется бутонем. Благодаря объединенным ласкам наших рук она скоро разговелась, после чего мы долго целовались и лизали друг друга.

Потом я лег на девушку и стал делать вид, будто собираюсь проникнуть в неё естественным образом, до тех пор, пока мы оба ни оказались вне себя от желания. Лица наши были рядом, бедра Лили раздвинуты, ноги вытянуты. Мое орудие терлось о верхнюю часть отверстия, ведущего вглубь расщелины, наши языки сплетались, а указательным пальцем правой руки я медленно пронзал горячий задний проход девушки.

Внезапно она обняла меня, свела бедра и, зажав между ними мой орган, сказала:

– Как это приятно!

Я стал двигаться вверх-вниз внутри импровизированного таким образом влагалища и тереться о кыску; Лили вскидывала бедрами, встречая толчки. Наслаждение пронзило нас в одно и то же мгновение; я ощутил, как вибрирует её тело, и обильно кончил.

Я перевернулся на спину и, когда мы пришли в себя после изматывающего поединка, обратил внимание Лили на то, в каком состоянии её бедра и лобок, залитые моим густым се-

менем.

– Ах! – в испуге воскликнула она, и её лицо и рот исказил ужас. – Я потеряла девственность?

Она явно переполошилась, но я объяснил разницу между тем, что проделали мы и настоящим совокуплением. Успокоенная, она попросила меня крепко её обнять и заснула у меня на груди. Я вел себя тихо, чтобы не разбудить девушку, и тоже задремал.

Когда мы проснулись, было шесть часов; Лили, как маленький ребёнок, во сне пускала слюни прямо на мою волосатую грудь.

У нас завязалась долгая беседа. Лили сказала, что нашла присланную мной сцену флагагелляции, в которой участвуют отец и дочь, "довольно банальной", и предпочла бы, чтобы после порки оба занялись любовью; потом она спросила, не появилось ли у меня каких-нибудь свежих идей на тему её эротического рабства.

Я ответил, что хочу лизать её интимные места, пока она будет лежать связанная по рукам и ногам, и пообещал научить её новому способу онанизма. Я заставлю её испытать спазм, щекоча клитор кисточкой из верблюжьего волоса, о чем уже писал однажды из Лямалу.

Обсуждение всех этих похотливых прожектов доставляло Лили огромное удовольствие. Я заставил её просить у меня прощение за то, что она так долго мне не писала: уже одетая, она стояла передо мной, задрав юбки и по очереди показывая

себя спереди и сзади.

Её заветной мечтой было принять меня в своей постели в Сони. 27-го августа, в субботу, я должен буду сесть на вечерний поезд, отбывающий в девять часов, как раз когда её служанка ложится спать. Старая бабушка была глупа, ничего не видела и не слышала. Моя возлюбленная встретит меня, и мы будем гулять в темноте, поскольку в девять часов в тех краях уже нет ни души. Потом она проведет меня в дом – все собаки знают меня и не станут лаять, – а обратно я могу уехать последним поездом, после того, как мы насладимся друг другом.

Я дал Лили понять, что хотя новейший способ спускать ей между бедер безумно мне понравился, я скучаю по её нежному роту.

– Отдохните, – сказала она, – и я у вас пососу.

Было уже очень поздно, и силы покинули меня. Я не стал говорить девушке о том, что провел прошлую ночь в обществе одной опытной парижской матроны. Лили повторила самый постыдный из поцелуев – *feuille de rose*, – при котором кончик её язычка нежно трепетал в моём анусе, и призналась, что ей нравится это делать.

Я хотел заговорить о встрече с лордом Фонтарсийским и Кларой, но так и не смог собраться с духом. Я предполагал, что этот трудный вопрос окажется твердым орешком, и решил оставить его до следующего раза.

Меня так и подмывало спросить её ещё кое о чем, однако

это было бы политически неверным шагом.

Её двухнедельное молчание, за которым последовала перемена в "месячных", и та готовность, та опытность, с какой она поймала мой разбухший ствол бедрами, не оставляли у меня сомнений в том, что перед отъездом г-н Арвель поиграл с ней. Они вместе читали "Азбуку", и сладострастный *papa* явно воспроизвел этот искусственный конгресс с идентичного отрывка, который я специально ввел в текст для него и его дочери! Как бы то ни было, совпадение получилось любопытным.

Я никогда не учил её этому стилю чувственности. Она узнала о нем раньше и выделяла всевозможные фортели, переместив таким образом свой менструальный цикл с обычной даты. Девочкам с хорошим здоровьем свойственна регулярность, тогда как все женщины, предающиеся каким бы то ни было чувственным развлечениям, обнаруживают, что их расстройство может произойти как раньше положенного числа, так и позже. Очень часто из-за задержек у женщин начинаются приступы страха; думая, что забеременели, они бросаются принимать неизвестные лекарства, тогда как в действительности причиной запоздания является просто чрезмерное увлечение радостями Венеры.

27-е августа 1898

Кажется, будто это было вчера: жаркой летней ночью я

приехал в Соню-сюр-Марн и увидел мою "дочку", ожидающую меня в компании своих собак. Как я был счастлив гулять с ней, болтать о милых пустяках, ласкать и целовать её в темноте; она со страстным наслаждением возвращала мне мои ласки, а я упивался сознанием того, что через какой-нибудь час буду лежать голый в её постели.

Время прошло быстро, и мы возвратились на виллу; я осторожно вошел в ворота и тихо двинулся по траве, тогда как Лили зашумела по гравию дорожки, тем самым заглушая звук моих шагов. Она прошла в дом, а я, следуя её указаниям, поднялся по лестнице на балкон, огибавший по периметру все здание. Лили нарочно оставила открытым окно в лучшей спальне, и я проник через него внутрь, сел рядом с родительским ложем, на котором сейчас не было ни простыней, ни покрывала, и побросал на постель шляпу, пальто и трость. Возможность воспользоваться последним предметом мне так и не представилась.

Ждать мне пришлось недолго: Лили вошла в свою спальню и тихо окликнула меня из-за занавески, служившей дверью между обеими комнатами.

Кровать Лили была прелестным образцом современной мебели в стиле Людовика XVI, составлявшим пару с зеркальным гардеробом. Их ей подарил отчим, и она имела право забрать гарнитур с собой, когда выйдет замуж.

Я был счастлив оказаться в комнате Лили среди ночи и стал покрывать поцелуями подушку, отыскивая то место, где

обычно покоится головка девушки, чем немало её позабавил.

Все было тихо. Бабушка почивала на втором этаже, однако Лили переживала, поскольку старуха была беспокойной и частенько страдала бессонницей. Я намекнул, что в следующий раз приготовлю для неё снотворное.

Я захватил с собой короткую веревку, которой собирался связывать руки Лили, и новую кисточку, чтобы щекотать её клитор, но ими мне тоже не пришлось воспользоваться.

У меня пересохло горло, однако выпить было нечего. Ключи были у бабушки, а Лили не могла её беспокоить. Ей тоже захотелось пить.

– Утолить жажду мы можем разве что собственной мочой! – в шутку сказал я.

– А я бы вашей выпила! – с серьезным видом ответила Лили, прижимаясь ко мне лицом; её страстный взгляд говорил о том, что она не будет возражать, если я заставлю её это сделать.

Мы больше не стеснялись друг друга. Я медленно разделся и, оставшись в одной только легкой фуфайке, подошел к кровати и лег во всей своей красе, пока Лили торопливо сбрасывала одежду и спокойно усаживалась на ночной горшок, как замужняя женщина.

Лили легла в постель, и её капризная фантазия уже подсказала ей то, что рождалось в моем мозгу, поскольку она поинтересовалась, как бы я себя повел, если бы был её му-

жем.

Я нежно привлек её к себе, целомудренно поцеловал, пожелал спокойной ночи, повернулся спиной, сделав вид, будто собираюсь спать, и начал похрапывать.

Мгновение Лили лежала тихо, но потом положила ладонь мне на шею.

– Нет, дорогая, ты должна дать мне выспаться. Ты же знаешь, что завтра мне очень рано вставать, и, по-моему, нерезонно ожидать от мужа, что он будет ласкать тебя всегда. Милая моя женушка, пожалуйста, потуши свет и давай отдыхать.

Ничего не ответив, Лили взяла меня за член и через несколько мгновений довела его до желаемой упругости; тогда я повернулся, обнял её и с упоением впился в податливые губы.

Мы подвергли тела друг друга самым сладострастным ласкам.

Наконец, я толкнул Лили на одеяло, и она удобно устроилась у меня между ног, положив щеку на мое левое бедро. Я заставил её целовать и облизывать член, а также болтающуюся мошонку и, пока она нежно сосала мои яички, терся затвердевшим стволом о лицо и нос. Потом я ухватил её за загривок, сжал бедра и, держа голову в плену таким необычным образом, изо всех сил прижал её лицо к своим достоинствам, так что она чуть не задохнулась, а затем, слегка ослабив давление, стал крутить головой девушки во все сторо-

ны, фактически мастурбируя её милой мордашкой. Ещё бы немного, и я бы разговелся на её черты, готовые принять брызги семени, однако то состояние, в котором я находился, указало моей искусной девственнице на растущую опасность; она отстранилась и обняла меня.

Она сказала, что хочет посмотреть, как я спущу; она с ума сходила при мысли о том, что можно увидеть её "куколку" в тот момент, когда та будет выплескивать семя. Я повернулся на спину и, положив голову девушки себе на грудь, позволил ей воплотить в жизнь эту последнюю прихоть.

Она трогала меня своими нервными пальчиками и не сводила глаз с моего органа, а я тем временем нёс всякие непристойности, говоря, какая она грязная и отвратительная, чем только усиливал её удовольствие, которое превратилось в лихорадочный бред, когда желание Лили было удовлетворено зрелищем фонтанирующего семени.

Теряя голову от неторопливой мастурбации и чувствуя скорый конец, я сказал, что как только произойдет семяизвержение, моя возлюбленная должна взять член в рот и высосать его до последней капли.

Яростно кончая, я позабыл о своём бреде, сказанном в мгновение неуправляемой похоти, и был крайне удивлен, обнаружив, что моя Лили неторопливо приближает губы к своему "*roupee*", берет его теплым ртом и без малейшего отвращения проглатывает последний большой сгусток, медленно вытекающий из мочевого канала. Однако желудок сделался

настолько чувствительным, что я не смог вынести нежного прикосновения язычка Лили и оттолкнул её голову.

– Ах! – промолвила девушка. – Вы, верно, думали, что я этого не сделаю.

Мы немного отдохнули, после чего Лили снова положила ладошку на моё достоинство.

– Я исчерпался, моя дорогая, – сказал я. – Ты лишила меня последних сил.

– Какая обида, – надула губки Лили. – Не люблю, когда он такой мягкий!

– Люби, я не опасен. Во всяком случае, можешь не бояться, что я лишу тебя девственности.

– О, дорогой, вы всегда безопасны. Вашим милым рукам я могла бы доверить свою жизнь. Вы такой нежный во всем, что говорите или делаете! Мне странно наблюдать, как вы со всеми нами обращаетесь: ведь мои родители такие грубые и вульгарные.

Тогда я предложил осчастливить её так, как она сама того захочет. Она отказалась, чтобы я её сосал, и предпочла мастурбацию. Я согласился, и, по-моему, мои пальцы понравились ей больше чего бы то ни было. Я заставил её ласкать себя собственноручно, однако она скоро отняла пальцы и предоставила мне довершить начатое.

Мне очень захотелось пить, и Лили отправилась в пиратскую экспедицию; она сумела отыскать бутылку минеральной воды, которой она меня и попотчевали, сопровождая это

разными нежными словечками и ласками.

Потом она уселась у меня между ног и, уперевшись на локти, заговорила.

В этот момент она показалась моему пристрастному взору особенно красивой. Желтый свет свечи как нельзя лучше сочетался с её испанскими чертами лица; влажные, магические глаза искрились, когда она смотрела на меня; говоря, она возбуждалась, а великолепные волосы стекали черными прядями на голые плечи, поскольку летом она ложилась спать в одной легкой сорочке.

Эта картина осталась у меня в памяти, поскольку в тот момент я любил её, точнее, полюбил бы, если бы она выказала хотя бы малейшую женскую трепетность, а не сводила меня с ума – что я старался всячески скрыть, – преспокойно излагая некую бредовую идею.

Она хотела открыть свое дело в Париже, в маленькой квартирке, которую, как она намекнула, я должен был для неё снять и обставить мебелью. Мне будет позволено навещать её там, когда бы я этого ни пожелал; у Лили будет своя кухонька, и она будет мне готовить. Я мог бы приходить и есть у неё, причем мы могли бы ужинать нагишом.

Я дал понять, что не совсем понимаю, как у неё все это получится, но Лили только рассердилась, потому что я с ней не согласился. Тогда я замолчал и стал слушать сквозь сон, а её нескончаемая болтовня входила в одно ухо и выходила из другого.

Я продолжал восхищаться Лили, пытаюсь запечатлеть её образ в моем несчастном мозгу, размягченным кипящими ваннами прошедшего месяца, поскольку, как ни старался я отогнать эту грустную мысль, нутром я чувствовал, что вся её привязанность ко мне происходит из-за предположения, будто я смогу дать ей денег, и мне пришлось сказать себе, что не стоит раскатывать губу и рассчитывать на множество ночей с Лили.

Я попросил её достать из моего жилета часы, зная, что уже почти полночь и что скоро отходит последний поезд.

И в самом деле, если я правильно помню, – ведь всё это произошло два года назад, а за это время у меня было много женщин, – я встал и уже начал одеваться, когда Лили сказала, чтобы я оставался с ней и что она сгорает от желания провести со мной остаток ночи.

После минутного колебания я согласился и вернулся в постель. Сладко поцеловавшись, мы уснули в объятиях друг друга.

Было часов пять, когда Лили принялась медленно будить меня прикосновениями ловких пальчиков, ища свою любимую игрушку, которую она в конце концов нашла в желаемом состоянии и вложила себе между бедер, повернувшись ко мне спиной и приглашая полными сладострастия движениями к вступлению в искусственное соитие.

Я очень распалился и обнаружил, что повторение этих искусных приемов вызывают во мне нервозность, лишённую

всякой приятности; наконец-то я понял, что если ещё когда-нибудь лягу с Лили в постель, то сделаюсь жестоким и попытаюсь её изнасиловать.

Я оставил эти мысли при себе, однако настолько потерял голову, что крепко схватил Лили и грубо встряхнул.

– Вы можете делать мне больно, если хотите, господин. Мне нравится, когда вы чуть-чуть жестоки со мной. Но только чем я вас так рассердила?

Нежность её голоса привела меня в чувство. Я не знал, что ответить.

– У тебя между бедер жарко и сухо. Увлажни меня.

– У меня для вас целое море, – со смехом заявила Лили, вложила пальцы в свою узкую щелку, смочила их влагой "киски" и часть втерла в мой упругий ствол, а часть размазала по внутренним изгибам собственных бедер. Я приложил ладонь к отверстию и убедился в том, что она и в самом деле совсем промокла.

Затем я перевернул её и лег сверху, а она поймала меня между бедер, как уже делала за несколько дней до этого.

Чтобы не раздавить её хрупкое тельце, я оперся на локти.

– Нет, нет! – воскликнула она. – Я хочу ощущать ваш вес. Мне нравится. Ложитесь на меня. Раздавите меня!

Я налег на Лили всей тяжестью и стал неистово ерзать вверх-вниз, касаясь плененным между её бедер членом волосков и клитора.

Вскоре я кончил; моя одноночная жена крепко прижала

меня к себе, сунула мне в рот свой язычок, и я отчетливо ощутил, как по её телу проходит дрожь, которую женщины, при всем их умении, все ещё не научились имитировать.

Желание быть раздавленной в постели тяжелым телом мужчины, периодически повторяющаяся уловка с заменой настоящего совокупления игрой "между бедер" убеждали меня в том, что другие руки и другие мужские органы касались тела Лили Арвель.

Потом я встал и распрощался с мисс Арвель. На следующий день (в воскресенье) к ней должна была приехать Шарлотта, а мне надлежало приехать в среду, 31-го, чтобы снова провести с ней всю ночь.

Лили проводила меня до окна спальни своей матери, и я выбрался на балкон, пока она, полунагая, пряталась за жалюзи.

Я тихо спустился вниз и пошел по траве. Была половина шестого, и солнце уже светило во всю. Я невольно подумал о том, что подвергаю репутацию Лили огромной опасности, поскольку виллу окружали другие дома, и соседи могли прийти в недоумение, увидев, как незнакомый в здешних местах мужчина в столь неурочный час воровски крадется вдоль изгороди.

На углу улицы, на расстоянии броска камня от дома, располагался винный магазинчик; работавшая там девушка стояла в дверях. Она с любопытством наблюдала за мной.

Я снова обеспокоился на счет моей Лили и отправился в

Париж, обдумывая в поезде все эти вещи.

В тот же день я написал мисс Арвель и, объяснив мои опасения, предложил в среду уйти от неё все же не позже полуночи, чтобы успеть на последний поезд. В темноте, ночью, не будет никакой опасности её скомпрометировать.

Я скрыл другие причины, отбившие у меня охоту снова лечь с ней в постель: страх захотеть овладеть ею силой и растущее тревожное чувство отвращения, которое начали вызывать во мне её прозрачные, корыстные намеки.

Был ли я глупцом?

*... Уже ль не поклянетесь,
Все вы, её узревшие, что девой
Была она по виду своему?*

.....

И все ж невинна, незапятнанна Лили...

(Шекспир)

Планы Лилиан на будущее представлялись мне невыполнимыми, даже если бы я располагал капиталом, достаточным для того, чтобы сделать из неё миллионершу. Не следует забывать, что на мне по-прежнему лежали тягостные обязанности по уходу за моей бедной Лили, которая, не будучи мне женой, находилась у меня дома и жизнь которой висела на волоске; я начал смутно подозревать, что г-н Арвель и Адель вложили в головку своей дочери странные идеи, поскольку та строила планы, совершенно не боясь вмешательства ни папы, ни мамы. Означало ли это, что они готовы закрыть глаза на любые интрижки с состоятельным любовником, или что отец позволяет себе по отношению к ней такие вольности, что она чувствует себя в праве бросить ему вызов? Или страстного признания с его стороны будет теперь

достаточно, чтобы показать ей всю власть, которую она имеет над ним? Эти и подобные им мысли занимали меня в тот момент, когда я получил следующее послание:

Лириан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 31-е августа 1898

Вы, как всегда, оказались правы, и я преклоняюсь перед Вашим опытом и умом, которыми не обладаю. Будет даже лучше, если Вы не придете в среду вечером, как мы планировали. Я же поеду к бабушке на fete³³. Это поможет мне развеяться и забыть о неприятности, поскольку я очень хотела, чтобы Вы снова провели со мной всю ночь.

Не говорите, мой обожаемый, что я вечно всем недовольна, просто мне хочется раз и навсегда с Вами договориться.

Тот образ жизни, который я веду в настоящее время, совершенно невыносим. Я вижу Вас лишь изредка, постоянно бегаю и прячусь, как ворюшка, тогда как моя мечта – чтобы Вы постоянно были рядом и только со мной. Воплотить эту мечту в жизнь можно двумя способами. Вот первый:

Нам нужно снять маленькую квартирку в Париже: три комнаты и кухня. Я бы жила в ней так, как уже рассказывала Вам, то есть, с полного согласия родителей, чтобы продолжать торговлю.

³³ fete /фр./ – праздник, именины

Таким образом я бы стала совершенно свободна; Вы могли бы приходиться к завтраку, к ужину, когда пожелаете, и я бы видела Вас почти каждый день. При этой мысли я схожу с ума от радости. А Вы, любимый мой господин?

Второй план:

Вы арендуете магазин, чтобы продавать парфюмерию, которую так хорошо умеете готовить. Естественно, Вам понадобится молоденькая продавщица, как для коммерции, так и для приятности обстановки. Я могу сыграть её роль, и, уверяю Вас, дело будет процветать. Таким образом мы опять-таки сможем видеться так часто, как пожелаем. Итак, на сегодняшний день у нас есть два способа. Вы должны выбрать один сразу же, поскольку потом у нас может не оказаться такой возможности. Жду Вашего письма с решением. Если Вы предпочитаете квартиру, я готова сразу же взяться за поиски.

Сообщите также, в какой день я смогу встретиться с Вами в Париже, раз Вы больше не в состоянии приехать сюда.

Думаю о Ваших губах,

Лили

Незадолго перед этим я показывал Лилиан некоторые изготовленные мною образцы парфюмерии и специально для неё сделал высококонцентрированную мускатную настойку, поскольку она обожала резкие запахи. В последнее время

мои химические исследования шли именно в этом направлении. Лили поняла, что на благовониях можно сделать неплохие деньги. Деньги она любила.

В ответном письме я предложил обычное место, Рю де Ляйпциг. Кроме того, я написал, что у неё ошибочные представления о жизни и житейских обязанностях и что более подробно я объясню свою точку зрения на словах.

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 1-е сентября 1898

Если Вы не поняли мое письмо, то лишь потому, что не захотели понять, так как суть его была совершенно очевидна. Я тоже не понимаю, как перспектива видеть меня столько, сколько захочется, могла Вас огорчить. Я вообще Вас не понимаю. На Рю де Ляйпциг я больше не приду.

Лучше приходите сюда сами, если Вам есть что мне сказать.

А я-то думала, что мое письмо Вас порадует... Я в полном недоумении.

*Та, что так сильно Вас любит,
Лили*

В моем ответе говорилось, что я считаю её очень глупой, очень непослушной и вообще очень трудной для продолже-

ния наших отношений, однако, как бы то ни было, я готов сесть в девятичасовой поезд, отправляющийся в субботу, в воскресенье или в понедельник вечером, чтобы обсудить происходящее, если она будет столь любезна, что выберет один из этих вечеров и заблаговременно известит меня об этом. Я не получал от неё известий до 18:30 воскресенья, когда вернулся домой к ужину и обнаружил следующую телеграмму:

Лириан – Джеки

Телеграмма, 16:00, 4-е сентября 1898

**МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПРИЕХАТЬ СЕЙЧАС ЖЕ ТЧК ЛИЛИ
ТЧК**

Телеграмма была доставлена в половине пятого. За ужином у меня были гости, и я не мог их оставить. Я пригласил их только после того, как дождался воскресенья и не получил никакой весточки, а потому очень рассердился на Лили, решившую, вероятно, что я в буквальном смысле слова в полном её распоряжении. Я сразу же написал письмо, в котором объяснил, что в таком возрасте уже не могу позволить себе бросаться на какие-то странные свидания, назначаемые на неопределенное время. Что я не могу быть у неё на побегушках. Что она знает, что я сажусь за стол с семьей и дол-

жен выказать хоть малую толику вежливости близким родственникам и знакомым, пришедшим отужинать со мной к заранее условленному часу и т.п. Что я освободил для неё все три ночи, но она мне так и не ответила. Фактически, она поступила бесчестно, и я возмущен.

Это заявление спровоцировало следующее, мягко говоря, ироничное послание:

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 5-е сентября 1898

Вы как обычно правы, и я согласна с тем, что Вам негоже быть на побегушках, тем более в Вашем возрасте. Я вовсе не хочу Вас возмущать, а если это уже произошло, прошу меня простить, поскольку это вышло нечаянно, уверяю Вас.

Вам требуется тихая и спокойная жизнь, а я только и умею, что доставлять Вам хлопоты.

Покорно прошу простить меня за грубость, раз Вы говорите, что я невежлива.

Лили

Джеки – Лилиан

Париж, 6-е сентября 1898

Когда кого-нибудь любишь, всегда лучше отвечать на письма без промедления. Именно этим я сегодня и занялся в ответ на те несколько строк, что ты прислала мне вчера вечером, хотя, вероятно, и не ожидая, что я стану писать.

Ты просишь прощенья? Я вовсе не таю злобы и не сержусь.

Твое поведение огорчило меня на какое-то время. И только. Давай не будем больше об этом говорить. Я и так приготовился к худшему.

Но я прощаю тебя охотно и от всего сердца. Я считаю этот обмен горько-сладкими письмами совершеннейшей глупостью. Смешно браться за написание литературных эссе вместо того, чтобы встретиться и обсудить все непосредственно. Я корю в этом упущении только себя и обещаю, что это письмо будет последним.

Твое поведение очень сильно меня уязвило. Мне искренне тебя жаль, поскольку, как я уже неоднократно тебе говорил, ты жертва своих нервов.

Таким образом ты готовишь себе жизнь, полную печальных волнений, ибо почти всегда люди вроде тебя обладают своеобразным даром делать глубоко несчастными именно тех, кого они больше всего любят.

Джеки

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 9-е сентября 1898

Дорогой Джеки,

Мы только что вернулись из страны "вурста" ³⁴ и с тревогой узнали о том, как прошло Ваше пребывание в том месте, где Вы согласились похоронить себя, чтобы избавиться от всех мук и страданий, которым Вам пришлось сделать столько уступок. Должен поблагодарить Вас за то, как Вы, несмотря на отсутствие, продолжали снабжать меня газетами, и не сомневаюсь, что когда завтра выберусь в Париж, меня там будет ждать целая куча, ведь нас не было чуть больше трех недель. Пока мы были в отъезде, сад значительно пострадал от собак, но все они выглядят здоровыми, так что, на мой взгляд, роптать нам не стоит. У Лили все ещё продолжается течка и, похоже, она никогда не разродится.

Блэкамур, как Вы сами можете вообразить, очень огорчен тем, что вынужден играть роль, отведенную Абеларду.

Когда мы увидимся? Жара такая ужасная, что мы на грани голодной смерти, поскольку настроения есть никакого, разве что со временем мы пристрастимся к вареному мясу.

Полагаю, Ваши домашние отдыхают вдали от Парижа. Когда будете им писать, пожалуйста, передавайте всем

³⁴ Wurst /нем./ – колбаса

мой сердечный привет.

Здесь все Вам кланяются и шлют наилучшие пожелания, к которым я охотно присоединяюсь и остаюсь

Искренне Ваш,

Эрик Арвель

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 16-е сентября 1898

Дорогой Джеки,

Я был рад узнать, что Вы вернулись домой, но мы все огорчены известием о том, что Вы вступили в "Общество малоежек". Я хочу встретиться с Вами и поболтать, однако на этой неделе я был не в состоянии назначить подходящий день, поскольку мне пришлось разбираться со всеми счетами, а также готовить длинную серию статей о золотых приисках.

Назначьте свой день на этой неделе и приезжайте, заодно расскажите обо всем, что приключилось с Вами на суше и на море с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Остаюсь сердечно и искренне Ваш

Эрик Арвель

Эрик Арвель – Джеки

Сони-сюр-Марн, 18-е сентября 1898

Дорогой Джеки,

Рад слышать, что Вы собираетесь к нам в среду. На сколько это возможно, мы будем придерживаться принципов "Общества малоежек". Вы вполне можете, как Вы выражаетесь, надеть свои самые старые и поношенные "собачьи брюки", чтобы позволить гавгавкам делать с Вами, что им захочется. Мне удалось внушить им некоторое уважение к себе, однако при этом мне пришлось следовать Вашему примеру и надевать "собачий костюм".

Приезжайте пораньше, но если хотите услышать от меня mot de la fin³⁵, не усугубляйте неловкости положения, в которое Вы ставили моих дам, всякий раз являясь не с пустыми руками.

Искренне Ваш,

Эрик Арвель

21-е сентября 1898

Лорд Фонтарсийский и леди Клара побывали проездом в Париже, намереваясь вернуться ещё раз в конце месяца. Моя идея насчет того, чтобы познакомить их с Лилиан Арвель, была воспринята с огромным интересом. Не думаю, чтобы Клару привлекал её пол, однако она предполагала, что зна-

³⁵ mot de la fin /фр./ – здесь. загадка

комство с Раулем будет не лишено для неё приятности, тем более что её хозяин едва ли станет ревновать.

Я уже говорил, что хочу показать себя в истинном свете, и должен со всей наглостью признаться, что ещё недавно замышлял ужасающий план эгоистичного чувственного наслаждения. Я пытался о нем забыть, однако все мои усилия оказывались тщетными.

Мне хотелось увидеть мою Лилиан в объятиях другого. Я желал отдать её в нежную власть двух моих друзей, самолично при этом присутствуя. Сладострастная картина этого вопиющего непотребства распяляла дремавшую во мне страсть до степени, граничившей с умопомешательством.

Итак, я отправился на виллу "Лилиан" с твердым намерением заставить мою возлюбленную согласиться сыграть роль в этой *partie carree*³⁶.

Я стал подумывать и о том, что у папы с мамой могли возникнуть некоторые подозрения относительно наших взаимоотношений как любовников, причем они наверняка считали меня гораздо богаче, чем я был на самом деле.

Приняли меня, как всегда, радушно; я заметил, что *папа* обращается с падчерицей нежнее обычного. Она же, казалось, поощряла его. Я намеренно не стал обращать ни малейшего внимания на растущую страсть хозяина к девушке, поскольку был всецело сосредоточен на идее привлечения её к моему отвратительному замыслу. Я уже в тайне упивался

³⁶ *partie carree* /фр./ – здесь. квартет

прелестями подготавливаемого мною хладнокровного акта насилия.

Собаки были чрезвычайно беспокойными, особенно Лили, к которой весь день приставал Блэкамур, её сын.

Папа получал удовольствие, созерцая это буйство собачей похоти, и мне неожиданно почудилось, будто я вижу, как его обычно такой затуманенный взгляд загорается живой искрой преступного кровосмешения.

Мания близкородственного размножения, которой в свое время были подвержены все истинные ценители, явно не противоречила его страсти к дочери собственной любовницы.

Здесь я должен упомянуть одно маленькое обстоятельство, подтвердившее мою точку зрения на данный предмет.

За три месяца до этого у Лили, первой суке, которую я им подарил, началась течка, и по недосмотру служанки, как уверял меня г-н Арвель, огромный сторожевой пес по кличке Бордо покрыл бедное животное. Никто не видел, как это произошло, но все знали о случившемся как о факте. Через два месяца Лили оценилась дворняжками, которых вытащила на свет Адель; несчастную мать удалось спасти от смерти только заботливым выхаживанием.

Ни с одной из моих собак никогда не случалось ничего подобного. Я всегда старательно избегал всяческих "мезальянсов".

Внутри меня все клокотало от возмущения. Своей бес-

печностью они подвергли риску жизнь суки, и что хуже всего, в результате никому не нужных страданий милая Лили была потеряна для целей размножения.

И тут мне в голову пришла ужасающая мысль о том, что Эрик Арвель в каком-то диком приступе скотства сам позволил этому неуклюжему кабелю надругаться над бедным созданием. Вероятно, он, как Нерон, получил удовольствие от жестокого зрелища непропорционального оплодотворения, может быть, даже в компании с Лилиан, кто знает...

Я чувствую, что мои рассуждения безумны, однако я дал слово описать себя таким, каким я был и есть. Под этим кровом лжи и похоти я тонул в трясине разврата.

Перед ланчем у меня состоялась продолжительная беседа с Лилиан, и я назвал её планы утопичными. Что скажут папа и мама? Она не смогла ответить, или точнее, как мне показалось, не отважилась. Сказала только, что я явно устал от неё, раз написал, что она внушает мне отвращение.

Я притянул Лилиан к себе и нахлопал по ушкам. Она смеялась и мурлыкала, как делала всегда, когда я дрался с ней; оливковая кожа её щек покраснела под ударами моей любящей ладони, но девушка была счастлива. Я нежно её расцеловал и сказал, что она глупышка. Она не внушает мне отвращения физического. В постели она самое очаровательное существо, о котором только может мечтать мужчина, но как женщина, пытающаяся преуспеть в жизни, она представляется мне напрочь лишённой здравого смысла.

Казалось, она была этим удовлетворена, и мы пошли к столу. День прошел так, как проходили в Сони все дни. Папа спорил с мамой, потом шумно возился с Лилиан, она нежно ласкала его, а я целовал её по укромным уголкам всякий раз, когда нам удавалось остаться наедине.

В разговоре было упомянуто имя Рауля, и я услышал, что он получил повестку и должен к ноябрю прибыть в расположение полка с тем, чтобы отслужить срок воинской повинности как гражданин Франции. Максимумом считалось три года, однако ему, сыну вдовы, полагалось провести под трехцветным флагом всего лишь год. Г-н Арвель объяснил, что это и есть одна из причин, почему он до сих пор не женат на своей любовнице. Когда мальчик закончит двенадцатимесячную военную подготовку, он намерен повести Адель под венец.

Мать души не чаяла в Рауле и за ужином стала открыто выспрашивать мое мнение по одному весьма деликатному вопросу.

Парень неплохо зарабатывал на торговле вином в Лондоне, и руководители фирмы очень его за это любили. Они были крайне огорчены, когда узнали, что в течение целого года окажутся лишеными его услуг и невозмутимо посоветовали Раулю остаться в Англии и сделаться дезертиром. Лилиан и Адель явно воспринимали это как нечто само собой разумеющееся.

К моему величайшему удивлению хозяин дома не прини-

мал участия в нашей дискуссии. Лицо его не выражало никаких эмоций, и я видел, что он совершенно безразличен к тому, будет ли сын его любовницы и брат дочери, к которой, как я интуитивно чувствовал, он пылает страстью, опозорен на всю оставшуюся жизнь или нет. У женщин же своего мнения по данному вопросу пока определенно не было.

Осознавая, что на моих глазах неизбежно и безвозвратно гибнет будущее интеллигентного молодого человека, я возмутился и, хотя мне никогда не приходилось с ним встречаться, заговорил резко и возбужденно, делая упор на то, что непростительной глупостью будет позволить ему стать на всю жизнь изгоем и поставить на себя клеймо трусливого симулянта из-за какого-то года епитимьи в синем мундире и красных брюках.

Повторение здесь всех моих доводов было бы знаком неуважения к разуму читателя; достаточно сказать, что дамы выслушали меня с большим вниманием и я сумел убедить их в правильности моей точки зрения.

Адели так запали в душу мои замечания, что она выразила надежду, что я в скором времени встречу с Раулем и изложу ему свой добрый совет лично, ради неё. Все это происходило на глазах Арвеля, который даже не шелохнулся. Он только и делал, что ворчал, сдерживая ярость.

Мне не составляло труда понять, что он ненавидит Рауля в той же степени, в какой, очевидно, любит Лилиан и просто-напросто ревнует её к брату. Ему было все равно,

станет ли Рауль опозоренным неудачником, дезертиром или нет; однако он явно предпочел бы увидеть его втоптаным в грязь, нежели наоборот.

Странная аномалия! Тем более, если он желал сестру, которая, насколько я мог судить, уже стала его любовницей. В душе он бы, вероятно, хотел, чтобы Рауль сделался изгнанником и не беспокоил никого своим присутствием во Франции.

Теперь я горд, размышляя о том, что уберег Рауля от позора, поскольку я уверен, что если бы посоветовал им тогда позволить парню уклониться от воинской повинности, они бы прислушались к моим словам, а любовник матери не пошевелил бы и пальцем, чтобы спасти Рауля, и только порадовался бы его падению. Адель слишком любила сына, оказавшегося между обеими возлюбленными г-на Арвеля, а также неким мистическим образом, который в тот момент был для меня загадкой, между ним и Лилиан.

Перед самым ужином мне подвернулась возможность побыть наедине с Лилиан, и я предложил ей ланч о обществе двух моих друзей из Англии, леди и джентльмена. Имен я называть не стал. Лилиан начала было отказываться, однако я настоял на своем, сказав, что уже пообещал. Девушка прекрасно поняла, что ей предстоит сыграть роль нашей общей сладострастной игрушки, и я видел, что моя идея ей нравится, хотя она всем своим видом старалась показать, что это не так. Лилиан согласилась составить нам компанию за столом,

но отказалась участвовать в чем бы то ни было непристойном. Я возразил, что тогда и собираться незачем. Ей придется позволить мне делать с ней все, что я захочу, и безоговорочно отдаться обоим моим друзьям.

– Нет.

– В самом деле "нет"?

– Увидите!

– Мне нужен определенный ответ. Разрешишь ли ты нам делать с тобой все, что мы захотим? После ланча мы, вероятно, все разденемся догола. Ответь прямо "да" или "нет".

– Тогда да! – воскликнула она, нахмутив бровки, когда с её похотливых губок неохотно слетали слова согласия.

Незадолго перед моим отходом *nana* передал мне тщательно обернутую "Азбуку", чтобы я захватил её с собой.

Эта книга должна была лежать надежно спрятанной в его парижском *bureau*. И вот теперь я нахожу её у него дома!

Маман уже ушла спать, и я оставался наедине с отцом и дочерью. Лилиан зачем-то напустила на себя невинность и сказала очень медленно, делая ударение на каждом слове:

– А что это за книгу ты возвращаешь г-ну С..., *nana*?

Она произнесла это не спеша и не сводя взгляда с г-на Арвеля. Тот смутился и ничего не ответил.

– Это "Золотая гинея" Кристи Меррей? Я её прочла. Очень интересно, – продолжала Лили.

Я сменил тему разговора, однако по фальши, прозвучавшей в её голосе и по оцепенению, отразившемуся на лице

отчима после такой наглости, почувствовал, что они вместе ознакомились с этой непристойной книгой. Я мог бы поклясться, что эта парочка вкусила грех кровосмешения!

Они проводили меня до станции. По дороге я отстал и передал сверток с книгой Лилиан. Вечер выдался зябкий, на девушке была короткая накидка из шотландки, и она сунула "Азбуку" под мышку. Предполагалось, что она её не читала.

Это было первое издание "Азбуки", выполненное в большом формате на одну восьмую листа и отпечатанное на толстой бумаге, так что сверток получился довольно объемистый. По дороге домой *nana* должен был наверняка заметить, что Лили прячет что-то под полой своего убогого пальтишки; не мог он не обратить внимание и на то, что когда мы обменивались рукопожатиями на станции, в руках у меня ничего не было, а карманы моего легкого пальто оставались пусты.

Я пребывал в полнейшей уверенности относительно существования между ними заговора и решил не спускать глаз с обоих, хотя и ничего пока не сообщать Лилиан о своих подозрениях. Она же постаралась сбить меня со следа, пожаловавшись на то, что г-н Арвель недолюбливает Рауля, и прибавила, что характер её отчима становится невыносимым.

– Вы обратили внимание на его жуткие пальцы? На то, как он мерзко обкусывает ногти? По-моему, они отвратительны! – добавила она с брезгливой миной.

Я предполагал, что с её стороны это всего лишь низкое

коварство, цель которого – заставить меня поверить в то, что она более чем равнодушна к г-ну Арвелю в физическом плане. Когда мы оказывались втроем и поблизости не было матери, Лили только и делала, что ластилась к нему и восхищалась его выдающимся брюшком, заявляя, что любит мужчин "утонченных и полных". Он никогда ей не отвечал, даже не улыбался, а хмурое выражение его лица становилось только ещё более тупым и бессмысленным.

Он страстно её любил.

Лилиан – Джеки

Сони-сюр-Марн, 26-е сентября 1898

Мой дорогой господин,

Конечно, я буду рада встретиться с Вашими друзьями в среду. Единственная помеха – выдумывание повода. Как Вы прекрасно понимаете, я не могу просто так взять и уйти на ланч без уважительной причины. А придумать я могу только вот что. Напишите мне письмо от имени небезызвестной Вам мадам Мюллер с Рю Ляфюетт. Хотя она не возвращает долги, она наша общая знакомая, и благодаря ей мы провели два замечательных вечера.

Подписать Вы должны "Хелена Мюллер", поскольку именно так зовут эту приятную даму. Теперь о том, что Вам следует написать. Она возвратилась в Париж и, вы-

полняя свое обещание, хочет вернуть мне часть долга, а поскольку я была так добра, что терпеливо ждала все это время, она просит меня пожаловать к ней на ланч в среду, когда у неё в гостях будет проездом одна подруга, которая, весьма вероятно, может тоже стать моей клиенткой. Обставьте это так, как сочтете нужным, поскольку я не умею обманывать, а у Вас это получается превосходно!

Благодарю Вас, мой нежно любимый папочка, но глаз у меня пока не лучше. Надеюсь, однако, что к среде он пройдет, потому что сейчас с этим опухшим веком я выгляжу ужасно. На следующей неделе я, видимо, поеду в Лондон, и мне не терпится увидеть Вас, поскольку обратно я буду не раньше, чем через две недели.

В среду я сделаю все, что Вы пожелаете, если только мне будет позволено пососать мою куколку. С тех пор, как я последний раз имела это счастье, я дала себе слово опустошить её полностью.

Целую кончик её розового носика,

Лили

28-е сентября 1898

Когда Лилиан приехала на указанное мной место встречи, её маленький ячмень прошел и больше не портил внешность девушки.

Я написал вымышленным почерком письмо от имени ма-

дам Хелены Мюллер и одновременно известил лорда Фонтарсийского и Клару, которые теперь находились в Париже, о своем успехе в деле рассеивания колебаний Лили.

Клара очень надеялась на то, что в следующем месяце ей удастся встретиться с Раулем в Лондоне и провести с ним час или два: я сообщил, что Лили будет там вместе со своим красивым братом и Шарлоттой в связи с ежегодным коммерческим туром, организуемым обеими девушками. У меня на этот счет были нехорошие предчувствия, поскольку Лилиан отличалась настолько ревнивой натурой, что едва ли могла позволить Раулю знакомиться с женщинами, если была в состоянии этому помешать. Кроме того, он был безумно влюблен в Шарлотту, и Лилиан дала мне понять, что не хочет, чтобы брат знал о наших с ней маленьких проделках. Шарлотту она называла теперь не Лолотта, а Шарлот. Когда я поинтересовался о причине того, почему имя девушки вдруг стало произноситься на мужской манер, она не ответила. Моя похотливая подозрительность сразу же родила картину лесбийских утех, которым предаются две эти девушки. Я знал, что, наведываясь в Сони во время отлучек *nana*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.